

Василий Михайлович Песков Таежный тупик

Scan, OCR, SpellCheck: Чернов Сергей (г.Орел) chernov@orel.ru <http://publ.lib.ru>
«Василий Песков Таежный тупик»: Молодая Гвардия; Москва; 1990
ISBN 5-235-01515-0

Аннотация

Василий Песков – журналист и писатель, специальный корреспондент «Комсомольской правды» – хорошо известен читателям как автор книг о природе, о нашем Отечестве, о ярких и интересных людях. Произведения Василия Пескова удостоены многих наград, в том числе Ленинской премии. Василий Песков много путешествует по стране, побывал во многих уголках мира.

Документальная повесть «Таежный тупик» – результат многолетних наблюдений за «робинзонадой» семьи староверов в горной Хакасии. В книге рассказывается об известной семье Лыковых, более тридцати лет прожившей в изоляции от людей. Впервые о таежной находке геологов мы узнали из газетной публикации в 1982 году. С тех пор автор первого очерка Василий Михайлович Песков в течение семи лет посещал Лыковых. Рассказ о каждой поездке публиковался в «Комсомольской правде». Эти рассказы и составили книжку.

Текст книги дополнен более поздними репортажами автора в газете "Комсомольская правда" и материалами сайта www.kr.ru (вплоть до 2006 г.)

Оригинальный файл (с полным комплектом фото) расположен по адресу:

[http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PESKOV_Vasilij_Mihaylovich/Taejnny_tupik.\(1990\).\[doc\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PESKOV_Vasilij_Mihaylovich/Taejnny_tupik.(1990).[doc].zip)

Песков Василий Михайлович Таежный тупик

От автора

Слова «Таежный тупик» не нуждаются в пояснении. Редкий из читающих газеты людей не знает, что речь идет о судьбе Лыковых. Впервые о таежной «находке» геологов «Комсомольская правда» рассказала в 1982 году. Интерес к маленькой документальной повести был огромным. Еще бы, речь шла о семье, более тридцати лет прожившей в изоляции от людей. И не где-то на юге, а в Сибири, в тайге. Все было интересно – обстоятельства, приведшие к исключительной «робинзонаде», трудолюбие, сплоченность людей в борьбе за существование,

находчивость и умелость и, конечно, религиозная вера, ставшая причиной жизненного тупика, но и служившая опорой людям в необычайных, исключительных обстоятельствах.

Непросто было в 82-м году собрать информацию обо всем, что случилось. Что-то недоговаривалось, о чем-то Лыковы просто предпочитали молчать, еще не вполне доверяя людям из «мира», кое-что в сбивчивом непоследовательном рассказе было просто трудно понять. И как проверить услышанное? Пришлось подробно расспрашивать геологов, уже хорошо знавших Лыковых, сопоставлять, сравнивать.

Еще труднее было повествование опубликовать. 1982 год. Гласности не было. Как рассказать в молодежной газете об отшельниках-староверах, не впадая в «антирелигиозные разоблачения»? Единственно верным было, показав драму людей, восхититься их жизнестойкостью, вызвать чувство сострадания и милосердия. Так история Лыковых и изложена.

Читательский интерес к публикациям совпадал и с моим интересом проследить за судьбой двух оставшихся от семьи, Агафьи и Карпа Осиповича. Судьба их, пусть краешком, вошла в соприкосновение с тем, что они называют «мирской жизнью». Каким будет этот процесс, к чему приведет? Семь лет подряд то зимою, то летом, то осенью – я старался бывать у Лыковых. И всегда в житье и судьбе их обнаруживалось что-нибудь новое, любопытное. Кое в чем Лыковым надо было и помогать. Я это делал с радостью, опираясь на участие своих друзей в Таштыпе и Абакане. Отчет о каждой поездке публиковался в «Комсомольской правде». То, что здесь вы прочтете, – газетные очерки, собранные в книжку и снабженные фотоснимками, число которых в газете было, естественно, ограниченным.

Еще хотел бы сказать спасибо людям, чья помощь Лыковым была у меня на глазах, кто помогал и мне добираться к избушке на Абакане. Имена их в повести вы найдете.

От семьи Лыковых осталась теперь только младшая дочь Агафья. Иногда она радуется письмецом – листками с «печатными» старославянскими буквами. У нас уговор: случилось что-нибудь важное в жизни – обязательно написать. В прошлом году Агафья сообщила о странном волке, «приискавшем» место для жизни возле избы. И последняя новость: соседи-геологи свои работы сворачивают... Впрочем, обо всем этом вам предстоит прочитать.

В. ПЕСКОВ

14 мая 1990 года

Рассказ Николая Устиновича

В феврале мне позвонил, возвращаясь с юга в Сибирь, красноярский краевед Николай Устинович Журавлев. Он спросил: не заинтересует ли газету одна исключительная человеческая история?... Через час я уже был в центре Москвы, в гостинице, и внимательно слушал сибирского гостя.

Суть истории была в том, что в горной Хакасии, в глухом малодоступном районе Западного Саяна, обнаружены люди, более сорока лет совершенно оторванные от мира. Небольшая семья. В ней выросли двое детей, с рождения не видавшие никого, кроме родителей, и имеющие представление о человеческом мире только по их рассказам.

Я сразу спросил: знает ли это Николай Устинович по разговорам или видел «отшельников» сам? Краевед сказал, что сначала прочел о случайной «находке» геологов в одной служебной бумаге, а летом сумел добраться в далекий таежный угол. «Был у них в хижине. Говорил, как вот сейчас с вами. Ощущение? Допетровские времена вперемежку с каменным веком! Огонь добывают кресалом... Лучина... Летом босые, зимой обувька – из бересты. Жили без соли. Не знают хлеба. Язык не утратили. Но младших в семье понимаешь с трудом... Контакт имеют сейчас с геологической группой и, кажется, рады хотя бы коротким встречам с людьми. Но по-прежнему держатся настороженно, в быту и укладе жизни мало что изменили. Причина отшельничества – религиозное сектантство, корнями уходящее в допетровские времена. При слове „Никон“ плюются и осеняют себя двуперстием, о Петре I говорят как о личном враге. События жизни недавней были им неизвестны. Электричество, радио, спутники – за гранью их понимания».

Обнаружили «робинзонов» летом 1978 года. Воздушной геологической съемкой в самом

верховье реки Абакан были открыты железорудные залежи. Для их разведки готовились высадить группу геологов и с воздуха подбирали место посадки. Работа была кропотливой. Летчики много раз пролетали над глубоким каньоном, прикидывая, какая из галечных кос годится для приземления.

В один из заходов на склоне горы пилоты увидели что-то явно походившее на огород. Решили сначала, что показалось. Какой огород, если район известен как нежилой?! «Белое пятно» в полном смысле – до ближайшего населенного пункта вниз по реке 250 километров... И все-таки огород! Поперек склона темнели линейки борозд – скорее всего картошка. Да и прогалина в темном массиве лиственниц и кедровника не могла сама по себе появиться. Вырубка. И давнишняя.

Снизившись, сколько было возможно, над вершинами гор, летчики разглядели у огорода что-то похожее на жильё. Еще один круг заложили – жильё! Вон и тропка к ручью. И сушатся плахи расколотых бревен. Людей, однако, не было видно. Загадка! На карте пилотов в таких безлюдных местах любая жилая точка, даже пустующее летом зимовье охотника, обязательно помечается. А тут огород!

Поставили летчики крестик на карте и, продолжая поиск площадки для приземления, нашли ее наконец у реки, в пятнадцати километрах от загадочного местечка. Когда сообщали геологам о результатах разведки, особо обратили внимание на загадочную находку.

Геологов, приступивших к работе у Волковской рудной залежи, было четверо. Трое мужчин и одна женщина – Галина Письменская, руководившая группой. Оставшись с тайгой наедине, они уже ни на минуту не упускали из виду, что где-то рядом таинственный «огород». В тайге безопаснее встретить зверя, чем незнакомого человека. И, чтобы не теряться в догадках, геологи решили без промедления прояснить обстановку. И тут уместней всего привести запись рассказа самой Галины Письменской.

«Выбрав погожий день, мы положили в рюкзак гостинцы возможным друзьям, однако на всякий случай я проверила пистолет, висевший у меня на боку.

Обозначенное летчиками место лежало на километровой примерно отметке вверх по склону горы. Поднимаясь, мы вышли вдруг на тропу. Вид ее, даже глазу неопытному, мог бы сказать: тропой пользуются уже много лет и чьи-то ноги ступали по ней совсем недавно. В одном месте стоял у тропы прислоненный к дереву посошок. Потом мы увидели два лабаза. В этих стоявших на высоких столбах постройках обнаружили берестяные короба с нарезанной ломтиками сухой картошкой. Эта находка почему-то нас успокоила, и мы уже уверенно пошли по тропе. Следы присутствия тут людей попадались теперь все время – брошенный покоробленный туесок, бревно, мостком лежащее над ручьем, следы костра...

И вот жилище возле ручья. Почерневшая от времени и дождей хижина со всех сторон была обставлена каким-то таежным хламом, корьем, жердями, тесинами. Если бы не окошко размером с карман моего рюкзака, трудно бы было поверить, что тут обитают люди. Но они, несомненно, тут обитали – рядом с хижинкой зеленел ухоженный огород с картошкой, луком и репой. У края лежала мотыга с прилипшей свежей землей.

Наш приход был, как видно, замечен. Скрипнула низкая дверь. И на свет божий, как в сказке, появилась фигура древнего старика. Босой. На теле латаная-перелатаная рубаха из мешковины. Из нее ж – портки, и тоже в заплатках, нечесаная борода. Всклоченные волосы на голове. Испуганный, очень внимательный взгляд. И нерешительность. Переминаясь с ноги на ногу, как будто земля сделалась вдруг горячей, старик молча глядел на нас. Мы тоже молчали. Так продолжалось с минуту. Надо было что-нибудь говорить. Я сказала:

– Здравствуйте, дедушка! Мы к вам в гости...

Старик ответил не тотчас. Потоптался, оглянулся, потрогал рукой ремешок на стене, и наконец мы услышали тихий нерешительный голос:

– Ну проходите, коли пришли...

Старик открыл дверь, и мы оказались в затхлых липких потемках. Опять возникло тягостное молчание, которое вдруг прорвалось всхлипыванием, причитаниями. И только тут мы увидели силуэты двух женщин. Одна билась в истерике и молилась:

«Это нам за грехи, за грехи...» Другая, держась за столб, подпиравший провисшую матицу, медленно оседала на пол. Свет оконца упал на ее расширенные, смертельно испуганные глаза, и мы поняли: надо скорее выйти наружу. Старик вышел за нами следом. И, тоже немало смущенный, сказал, что это две его дочери.

Давая новым своим знакомым прийти в себя, мы разложили в сторонке костер и достали кое-что из еды.

Через полчаса примерно из-под навеса избенки к костру приблизились три фигуры – дед и две его дочери. Следов истерики уже не было – испуг и открытое любопытство на лицах.

От угощения консервами, чаем и хлебом подошедшие решительно отказались: «Нам это не можно!» На каменный очаг возле хижины они поставили чугунок с вымытой в ручье картошкой, накрыли посуду каменной плиткой и стали ждать. На вопрос: «Ели они когда-нибудь хлеб?» – старик сказал: «Я-то едал. А они нет. Даже не видели».

Одеты дочери были так же, как и старик, в домотканую конопляную мешковину. Мешковатым был и покроем всей одежды: дырки для головы, поясная веревочка. И все – сплошные заплатки.

Разговор поначалу не клеился. И не только из-за смущения. Речь дочерей мы с трудом понимали. В ней было много старинных слов, значение которых надо было угадывать. Манера говорить тоже была очень своеобразной – глуховатый речитатив с произношением в нос. Когда сестры говорили между собой, звуки их голоса напоминали замедленное, приглушенное воркование.

В вечеру знакомство продвинулось достаточно далеко, и мы уже знали: старика зовут Карп Осипович, а дочерей – Наталья и Агафья. Фамилия – Лыковы.

Младшая, Агафья, во время беседы вдруг с явной гордостью заявила, что умеет читать. Спросив разрешение у отца, Агафья шмыгнула в жилище и вернулась с тяжелой закопченной книгой. Раскрыв ее на коленях, она нараспев, так же, как говорила, прочла молитву. Потом, желая показать, что Наталья тоже может прочесть, положила книгу ей на колени. И все значительно после этого помолчали. Чувствовалось: умение читать высоко у этих людей ценилось и было предметом, возможно, самой большой их гордости.

«А ты умеешь читать?» – спросила меня Агафья. Все трое с любопытством ждали, что я отвечу. Я сказала, что умею читать и писать. Это, нам показалось, несколько разочаровало старика и сестер, считавших, как видно, умение читать и писать исключительным даром. Но умение есть умение, и меня принимали теперь как равную.

Дед посчитал, однако, нужным тут же спросить, девка ли я. «По голосу и в остальном – вроде девка, а вот одежда...» Это позабавило и меня, и троих моих спутников, объяснивших Карпу Осиповичу, что я умею не только писать, читать, но и являюсь в группе начальником. «Неисповедимы твои дела, господи!» – сказал старик, перекрестившись. И дочери тоже начали молиться.

Молитвою собеседники наши прерывали долго тянувшийся разговор. Вопросов с обеих сторон было много. И пришло время задать главный для нас вопрос: каким образом эти люди оказались так далеко от людей? Не теряя осторожности в разговоре, старик сказал, что ушли они с женой от людей по божьему повелению. «Нам не можно жить с миром...»

Принесенные нами подарки – клочок полотна, нитки, иголки, крючки рыболовные – тут были приняты с благодарностью. Материю сестры, переглядываясь, гладили руками, рассматривали на свет.

На этом первая встреча окончилась. Расставание было почти уже дружеским. И мы почувствовали: в лесной избушке нас будут теперь уже ждать».

Можно понять любопытство четырех молодых людей, нежданно-негаданно повстречавших осколок почти «ископаемой» жизни. В каждый погожий свободный день они спешили к таежному тайнику. «Казалось, мы все уже знаем о судьбе таежных затворников, вызывавших одновременно любопытство, удивление и жалость, как вдруг обнаружилось: мы знакомы еще не со всеми в семье».

В четвертый или пятый приход геологи не застали в избушке хозяина. Сестры на их

расспросы отвечали уклончиво: «Скоро придет». Старик пришел, но не один. Он появился на тропке в сопровождении двух мужчин. В руках посошки. Одежда все та же – латаная мешковина. Босые. Бородатые. Немолодые уже, хотя о возрасте трудно было судить. Смотрели оба с любопытством и настороженно. Несомненно, от старика они уже знали о визитах людей к тайнику. Они были уже подготовлены к встрече. И все же один не сдержался при виде той, что больше всего возбуждала у них любопытство. Шедший первым обернулся к другому с возгласом: «Дмитрий, девка! Девка стоит!» Старик спутников урезонил. И представил как своих сыновей.

– Это старший, Савин. А это – Дмитрий, родился тут...

При этом представлении братья стояли, потупившись, опираясь на посошки. Оказалось, жили они в семье по какой-то причине отдельно. В шести километрах, вблизи реки, стояла их хижина с огородом и погребом. Это был мужской «филиал» поселения. Обе таежные хижины соединяла тропа, по которой туда и сюда ходили почти ежедневно.

Стали ходить по тропе и геологи. Галина Письменская: «Дружелюбие было искренним, обоюдным. И все же мы не питали надежды, что «отшельники» согласятся посетить наш базовый лагерь, расположенный в пятнадцати километрах вниз по реке. Уж больно часто мы слышали фразу: «Нам это не можно». И каково же было удивление наше, когда у палаток появился однажды целый отряд. Во главе сам старик, и за ним «детвора» – Дмитрий, Наталья, Агафья, Савин. Старик в высокой шапке из камуса кабарги, сыновья – в клобуках, сшитых из мешковины. Одеты все пятеро в мешковину. Босые. В руках посошки. За плечами на лямках – мешки с картошкой и кедровыми орехами, принесенными нам в гостинцы...

Разговор был общим и оживленным. А ели опять врозь – «нам вашу еду не можно!». Сели поодаль под кедром, развязали мешки, жуют картофельный «хлеб», по виду более черный, чем земля у Абакана, запивают водою из туюсков. Потом погрызли орехов – и за молитву.

В отведенной для них палатке гости долго пробовали, мяли ладонями раскладушки. Дмитрий, не раздеваясь, лег на постель. Савин не решился. Сел рядом с кроватью и так, сидя, спал. Я позже узнала: он и в хижине приспособился сидя спать – «едак богу угодней».

Практичный глава семейства долго мял в руках край палатки, пробовал растягивать полотно и цокал языком: «Ох, крепка, хороша! На портки бы – износа не будет...»

В сентябре, когда на гольцах лежал уже снег, пришла пора геологам улетать. Сходили они к таежным избушкам проститься. «А что, если с нами? – полушутливо сказала „девка-начальник“. – Поселитесь где захотите, избу поможем поставить, огород заведем...» – «Нет, нам не можно!» – замахали руками все пятеро. «Нам не можно!» – твердо сказал старик.

Вертолет, улетая, сделал два круга над горой с «огородом». У вороха выкопанной картошки, подняв голову кверху, стояли пятеро босоногих людей. Они не махали руками, не шевелились. Только кто-то один из пяти упал на колени – молился.

В «миру» рассказ геологов о находке в тайге, понятное дело, вызвал множество толков, пересудов, предположений. Что за люди? Старожилы реки Абакан уверенно говорили: это кержаки-староверы, такое бывало и раньше. Но появился слух, что в тайгу в 20-х годах удалился поручик-белогвардеец, убивший будто бы старшего брата и скрывшийся вместе с его женой. Говорили и о 30-х годах: «Было тут всякое...»

Николай Устинович Журавлев, отчасти по службе, отчасти по краеведческой страсти ко всему необычному, решил добраться в таежный угол. И это ему удалось. С проводником-охотником и сержантом милиции из райцентра Таштый он добрался к таежному «огороду» и застал там картину, уже описанную. Пятеро людей по-прежнему жили в двух хижинах, убежденные, что так и следует жить «истинным христианам».

Пришедших встретили настороженно. Все же удалось выяснить: это семья староверов, в тайгу семья удалилась в 30-х годах.

Старику Лыкову Карпу Осиповичу было 83 года, старшему сыну Савину – 56, Наталье – 46, Дмитрию – 40, младшей, Агафье, шел 39-й.

Житье и быт убоги до крайности. Молитвы, чтение богослужебных книг и подлинная борьба за существование в условиях почти первобытных.

Вопросов пришедшим не задавали. Рассказ о нынешней жизни и о важнейших событиях в ней «слушали, как марсиане».

Николай Устинович был у Лыковых менее суток. Узнал: геологи, теперь уже из расширенной партии, бывают «на огороде» сравнительно часто, одни из понятного любопытства, другие – помочь «старикам» строить новую избу, копать картошку. Лыковы тоже изредка ходят в поселок. Идут, как и прежде, босые, но в одежде появилось кое-что из дареного. Деду пришлось по душе войлочная шляпа с небольшими полями, дочери носят темного цвета платки. Савин и Дмитрий сменили портки домотканые на сшитые из палаточной ткани...

* * *

Рассказ Николая Устиновича был интересным, но вызвал много вопросов, на которые полных ответов у рассказчика не было. Не вполне ясен был путь семьи Лыковых в крайнюю точку удаления от людей. Интересно было на примере конкретных жизней увидеть следы раскола, о котором так много было в свое время написано. Но более важным для меня, чем вопросы религии, был вопрос: а как жили?

Как могли люди выжить не в тропиках возле бананов, а в сибирской тайге со снегами по пояс и с морозом за тридцать? Еда, одежда, бытовой инвентарь, огонь, свет в жилище, поддержание огорода, борьба с болезнями, счет времени – как все это осуществлялось и добывалось, каких усилий и умения требовало? Не тянуло ли к людям? И каким представляется окружающий мир младшим Лыковым, для которых родильным домом была тайга? В каких отношениях они были с отцом и матерью, между собой? Что знали они о тайге и ее обитателях. Как представляют себе «мирскую» жизнь, они ведь знали: где-то есть эта жизнь. Они могли знать о ней хотя бы по пролетающим самолетам.

Немаловажная вещь: существуют вопросы пола, инстинкт продолжения жизни. Как мать с отцом, знавшие, что такое любовь, могли лишиться детей своих этой радости, дарованной жизнью всему существу в ней? Наконец, встреча с людьми. Для младших в семье она, несомненно, была потрясением. Что принесла она Лыковым – радость или, может быть, сожаление, что тайна их жизни открыта? Было много других волнующе непонятных черт затерянной жизни.

Сидя в московской гостинице, мыс Николаем Устиновичем выписали на листок целый столбец вопросов. И решили: как только наступит лето и затерянный край станет доступным для экспедиции, мы посетим Лыковых.

Тот край

Сейчас, когда я сижу над бумагами в подмосковном жилье с электричеством, телефоном, с телевизором, на экране которого плавают в невесомости и, улыбаясь, посылают на Землю приветы четверо мужчин и одна женщина, все, что я видел в июле, представляется нереальным. Так вспоминаешь обычно явственный длинный сон. Но все это было! Вот четыре блокнота с дождевыми потеками, кедровой хвоей и размятыми меж страниц комарами. Вот карта с маршрутом. Вот, наконец, разрезанная, разложенная по конвертам пленка с ее цветной, недоступной для памяти убедительностью, воскрешающая все подробности путешествия.

* * *

Окиньте на карте взглядом середину Сибири – пространство, лежащее у реки Енисей. Этот край, именуемый Красноярским, имеет много природных зон. На юге, где в Енисей вливается Абакан, не хуже, чем в астраханских степях, вызревают арбузы, дыни, томаты. «Сибирская Италия», – говорят иногда об этих местах. На севере, где Енисей превращается уже в море, олени добывают под снегом скудную пищу и люди живут исключительно тем, что может дать разведение оленей. Тысячи километров с юга на север – степь, лесостепь, широченный пояс тайги, лесотундра, полярная зона. Мы много пишем об освоении этого края. И он освоен уже изрядно. Но мудрено ли, что есть тут еще и «медвежьи углы», «белые пятна», места неизбежные и нехоженые!

Место нашего интереса лежит на юге Сибири – в Хакасии, где горный Алтай встречает хребты Саяна. Отыщите начальный хвостик реки Абакан, поставьте на правом его берегу отметку на память – это и есть место, куда мы стремились и откуда с трудом потом выбирались.

В свои молодые годы Земле угодно было так смешать, перепутать тут горные края, что место сделалось исключительно недоступным. «Тут нет никакой проезжей дороги и даже сносной тропы. Едва приметный, скрытый тайгою след пригоден для сообщения людей сильных, выносливых и то с некоторым риском». (Из отчета геологической экспедиции.) «Для проникновения сюда надо преодолеть несколько барьеров, каждый из которых по мере продвижения вглубь становится выше и круче», – читаем в другом отчете.

В Сибири реки всегда служили самым надежным путем для людей. Но Абакан, рождаемый в этих краях, так норовист и так опасен, что лишь два-три сорвиголовы – старожилы-охотники на лодках, длинных, как щуки, поднимаются вверх по реке близко к истоку. И река совершенно безлюдна. Первый из населенных пунктов – село-городок Абаза – лежит от поставленной нами точки в двухстах пятидесяти километрах.

Забегу вперед, расскажу. Возвращаясь с таежного «огорода», мы попали в полосу непогоды и надолго засели в поселке геологов в ожидании вертолета. Все, чем можно было заняться в дождь при безделье, было испытано. Четыре раза парились в бане, несколько раз ходили в тайгу к бурильным станам, собирали чернику, снимали бурундуков, ловили хариусов, стреляли из пистолета в консервную банку, рассказали все байки. И когда стало уже невмочь, заикнулись о лодке, на приколе стоявшей в заводи Абакана. «Лодка?.. – сказал геолог, начальник разведки. – А если кончится путешествие траурной рамкой и подписью „группа товарищей“? Вам-то что, а меня к прокурору потянут». Мы с Николаем Устиновичем смущенно ретировались. Но на десятый, кажется, очень дождливый день слово «лодка» потихонечку всплыло. «Ладно, – сказал начальник, – рискнем! Но я поплыву вместе с вами».

И мы поплыли. Шесть человек и 300 килограммов груза: фотографический сундучок, бочка с бензином, мотор запасной, шесты, топор, спасательные пояса, плащи, ведро соленого хариуса, хлеб, сахар, чай – все вместила выдавшая виды абазинская лодка. На корме у мотора сел Васька Денисов, бурильщик, ловкий, бывалый парень, уо пока еще лишь кандидат в то считанное число молодцов, уверенно проходящих весь Абакан.

У страха глаза большие, и, возможно, опасность была не так велика, как кажется новичкам. Но, ей-ей, небо не раз виделось нам с овчинку в прямом и образном смысле. В тесном таежном каньоне Абакан несется, дробясь на протоки, создавая завалы из смытых деревьев, вскипая на каменных шиверах. Наша лодка для этой реки была деревянной игрушкой, которую можно швырнуть на скалы, опрокинуть на быстрине, затянуть под завалы из бревен. Вода в реке не текла – летела! Временами падение потока было настолько крутым, что казалось: лодка несется вниз по пенному эскалатору. В такие минуты мы все молчали, вспоминая родных и близких.

Но хвала кормчему – ничего не случилось! Васька нигде не дал маху, знал, в какой из проток и в какую секунду свернуть, где скорость держать на пределе, где сбавить, где вовсе идти на шестах; знал поименно скрытые под водой валуны, на которых летели щепы от многих лодок... Как транспортный путь верховье реки Абакан опасно и ненадежно. Но кто однажды этой дорогой в верховьях прошел, тот будет иметь особую точку отсчета в понимании дикой, нетронутой красоты, которой люди коснулись пока лишь глазом.

Природа нам улыбнулась. Половину пути мы плыли при солнце. Обступавшие реку горы источали запах июльской хвои, скалистый, сиреневый берег пестрел цветами, небо было пронзительно синим. Повороты реки то прятали, то открывали глазам череду таинственных сопков, и в любую минуту река могла подарить нам таежную тайну – на каменистую косу мог выйти медведь, марал, лось, мог пролететь над водой глухарь... Все переменчиво в жизни. Больше недели мы кляли погоду, не пускавшую к нам вертолет. Теперь же мы благодарны были ненастью, толкнувшему нас в объятия Абакана.

Два дня с ночевкой в таежном зимовье заняло путешествие. Но оно показалось нам более долгим. Двести пятьдесят километров – и ни единого человеческого жилья! Когда мы с воды увидели первый дым над трубой, то все заорали как по команде: «Абаза!!!» Первый поселок на Абакане в эту минуту нам показался центром Вселенной.

Таким было наше возвращение из тайги после свидания с Лыковыми. Небольшую повесть о встрече с людьми необычайной судьбы я начал с конца, чтобы можно было почувствовать и представить, как далеко от людей они удалились и почему лишь случайно их обнаружили.

* * *

В Абазе мы заночевали и как-то совершенно по-новому воспринимали теперь этот пограничный с тайгой село-городок. Он действительно был столицей этого края. У пристани на приколе стояло несколько сотен лодок, подобных той, на которой мы прибыли из тайги. На них возят тут сено, дрова, грибы, ягоды, кедровые орехи, уплывают охотиться и рыбачить. На берегу у пристани плотники строили новые лодки. Старушки выходили сюда посидеть на скамейках, тут вечером прогуливались парочки, сновали у лодок мальчишки, парни опробовали и чинили моторы или вот так же, как мы, вернувшись с реки, рассказывали, кто что видел, в какую переделку попал.

Прямо к пристани выходили палисадники и огороды уютных добротных сибирских построек. Зрели яблоки возле домов. Огороды источали запах нагретого солнцем укропа, подсолнухов. Шел от домов смоляной аромат аккуратно уложенных дров. Была суббота, и подле каждого дома курилась банька. На широких опрятных улицах городка траву и асфальт мирно делили телята и «Жигули». Афиши извещали о предстоящем приезде известного киноартиста. А на щите объявлений мы без всякого удивления прочитали листок: «Меняю жилье в Ленинграде на жилье в Абазе». Тут живут горняки, лесорубы, геологи и охотники. Все они преданно любят уютную, живописную Абазу. Таков село-городок у края тайги.

Мы тут искали кого-нибудь из тех смельчаков, кто ходил к верховью реки: расспросить о природе тех мест, обо всем, что не успели или упустили узнать у Лыковых и геологов. Застали дома мы охотника Юрия Моганаква. И просидели с ним целый вечер. «Тайга там не бедная! Много всего растет, много чего бегают, – сказал охотник, – Но все же это тайга. В горах снег выпадает уже в сентябре и лежит до самого мая. Может выпасть и лечь на несколько дней в июне. Зимой снег – по пояс, а морозы – под пятьдесят. Сибирь!»

О Лыковых Юрий слышал. А в прошлом году любопытства ради поднялся до их «норы». На вопрос, что он думает об их таежном житье-бытье, охотник сказал, что любит тайгу, всегда отправляется в нее с радостью, «но еще с большей радостью возвращаюсь сюда, в Абазу». «Замуровать свою жизнь в тайге без людей, без соли, без хлеба – это большая промашка. Сам старик Лыков, я думаю, понял эту промашку».

Еще мы спросили, как смогли Лыковы так далеко подняться по Абакану, если сегодня, имея на лодке два очень сильных мотора, лишь единицы отважатся состязаться с рекой? «Они лодку вели бечевою и на шестах. Раньше все так ходили, правда, недалеко. Но Карп Лыков, я понял, особой закваски кержак. Прошел! Недель восемь, наверное, ушло на то, что сегодня я пробегаю в два дня».

... А вертолет до «таежной норы» шел всего два часа. В десять утра поднялись, а в двенадцать уже искали глазами место посадки.

Встреча

Два часа летели мы над тайгой, забираясь все выше и выше в небо. К этому принуждала возрастающая высота гор. Пологие и спокойные в окрестностях Абазы, горы постепенно становились суровыми и тревожными. Залитые солнцем зеленые приветливые долины постепенно стали сужаться и в конце пути превратились в темные обрывистые провалы с серебристыми нитками рек и ручьев.

– Выходим на точку! – прокричал мне на ухо командир вертолета.

Как стекляшки на солнце, сверкнула в темном провале река, и пошел над ней вертолет, вниз, вниз... Опустились на гальку возле поселка геологов. До лыковского жилища, мы знали, отсюда пятнадцать километров вверх по реке и потом в гору. Но нужен был проводник. С ним был у нас уговор по радио до отлета из Абазы. И вот уже дюжий мастер-бурильщик, потомственный сибиряк Седов Ерофей Сазонтьевич «со товарищи» кидают в открытую дверь

вертолета болотные сапоги, рюкзаки, обернутую мешковиной пилу. И мы опять в воздухе, несемся над Абаканом, повторяя в узком ущелье изгибы реки.

Сесть у хижины Лыковых невозможно. Она стоит на склоне горы. И нет, кроме их огорода, ни единой плешины в тайге. Есть, однако, где-то вблизи верховое болотце, на которое сесть нельзя, но можно низко зависнуть. Осторожные летчики делают круг за кругом, примеряясь к полянке, на которой в траве опасно сверкает водица. Во время этих заходов мы видим внизу тот самый обнаруженный с воздуха огород.

Огород! Поперек склона – линейки борозд картошки, еще какая-то зелень. И рядом – почерневшая хижина. На втором заходе у хижины увидели две фигурки – мужчину и женщину. Заслонившись руками от солнца, наблюдают за вертолетом. Появление этой машины означает для них появление людей.

Зависли мы над болотцем, покидали в траву поклажу, прыгнули сами на подушки сырого мха. Через минуту, не замочив в болоте колес, вертолет упруго поднялся и сразу же скрылся за лесистым плечом горы.

Тишина... Оглушительная тишина, хорошо знакомая всем, кто вот так, в полминуты, подобно десантникам, покидал вертолет. И тут на болоте Ерофей подтвердил печальную новость, о которой уже слышали в Абазе: в семье Лыковых осталось лишь два человека – дед и младшая дочь Агафья. Трое – Дмитрий, Савин и Наталья – скоростижно, почти один за другим скончались в минувшую осень.

– Раньше, бывало, впятером выходили, если слышали вертолет. Теперь видели сами – двое...

Обсуждая с нами причины неожиданной смерти, проводник оплошно взял с болотца неверное направление, и мы два часа блуждали в тайге, полагая, что движемся к хижине, а оказалось – шли как раз от нее. Когда поняли ошибку, сочли за благо вернуться опять на болото и отсюда уже «танцевать».

Час ходьбы по тропе, уже известной нам по рассказам геологов, и вот она, цель путешествия, – избушка, по оконце вросшая в землю, черная от времени и дождей, обставленная со всех сторон жердями, по самую крышу заваленная хозяйственным хламом, коробами и туесами из бересты, дровами, долбленными кадками и корытами и еще чем-то, не сразу понятным свежему глазу. В жилом мире эту постройку под большим кедром принял бы за баню. Но это было жилье, простоявшее тут в одиночестве около сорока лет.

Картофельные борозды, лесенкой бегущие в гору, темно-зеленый островок конопли на картошке и поле ржи размером с площадку для волейбола придавали отвоеванному, наверное, немалым трудом у тайги месту мирный обитаемый вид.

Людей, однако, не было видно. Не слышно было ни собачьего лая, ни квохтанья кур, ни других звуков, обычных для человеческого жилья. Диковатого вида кот, подозрительно изучавший нас с крыши избушки, прыгнул и пулей кинулся в коноплю. Да еще птица овсянка вспорхнула и полетела над пенным ручьем.

– Карп Осипович! Жив ли? – позвал Ерофей, подойдя к двери, верхний косяк которой был ему ниже плеча.

В избушке что-то зашевелилось. Дверь скрипнула, и мы увидели старика, вынырнувшего на солнце. Мы его разбудили. Он протирает глаза, щурился, проводил пятерней по всклокоченной бороде и наконец воскликнул:

– Господи, Ерофей!..

Старик явно был встрече рад, но руки никому не подал. Подойдя, он сложил ладони возле груди и поклонился каждому из стоявших.

– А мы ждали, ждали. Решили, что пожарный был вертолет. И в печали уснули.

Узнал старик и Николая Устиновича, побывавшего тут год назад.

– А это гость из Москвы. Мой друг. Интересуется вашей жизнью, – сказал Ерофей.

Старик настороженно сделал поклон в мою сторону:

– Милости просим, милости просим...

Пока Ерофей объяснял, где мы сели и как по-глупому заблудились, я мог как следует рассмотреть старика. Он уже не был таким «домоткано-замшелым», каким был открыт и описан геологами. Даренная кем-то войлочная шляпа делала его похожим на пасечника. Одет в штаны

и рубаху фабричной ткани. На ногах валенки, под шляпой черный платок – защита от комаров. Слегка сгорблен, но для своих восьмидесяти лет достаточно тверд и подвижен. Речь внятная, без малейших огрехов, свойственных возрасту. Часто говорит, соглашаясь: «едак-едак...», что означает: «так-так». Слегка глуховат, то и дело поправляет платок возле уха и наклоняется к собеседнику. Но взгляд внимательный, цепкий.

В момент, когда обсуждались виды на урожай в огороде, дверь хижины приоткрылась и оттуда мышкой выбежала Агафья, не скрывавшая детской радости от того, что видит людей. Тоже соединенные вместе ладони, поклоны в пояс.

– Летала, летала машинка... А добрых людей все нету и нету... – проговорила она нараспев, сильно растягивая слова. Так говорят блаженные люди. И надо было немного привыкнуть, чтобы не сбиться на тон, каким обычно с блаженными говорят.

По виду о возрасте этой женщины судить никак невозможно. Черты лица человека до тридцати лет, но цвет кожи какой-то неестественно белый и нездоровый, вызывавший в памяти ростки картошки, долго лежавшей в теплой сырой темноте. Одета Агафья была в мешковатую черного цвета рубаху до пят. Ноги босые. На голове черный полотняный платок.

Стоявшие перед нами люди были в угольных пятнах, как будто только что чистили трубы. Оказалось, перед нашим приходом они четыре дня непрерывно тушили таежный пожар, подступавший к самому их жилищу. Старик провел нас по тропке за огород, и мы увидели: деревья стояли обугленные, хрустел под ногами сгоревший черничник. И все это в «трех бросках камнем» от огорода.

Июнь, который год затопляющий Москву дождями, в здешних лесах был сух и жарок. Когда начались грозы, пожары возникли во многих местах. Тут молния «вдарила в старую кедр, и она занялась, аки свечка». К счастью, не было ветра, возникший пожар подбирался к жилью по земле.

– Огонь мы с тятенькой заливали водой, захлестывали ветками, засыпали землей. А он все ближе и ближе... – сказала Агафья.

Они уверены: это господь послал им спасительный дождик. И вертолет сегодня крутился тоже по его указанию.

– Машинка нас разбудила. Когда улетела, а вы не пришли, опять улеглись. Много сил потеряли, – сказал старик.

Наступило время развязать рюкзаки. Подарки – этот древнейший способ показать дружелюбие – были встречены расторопно. Старик благодарно подставил руки, принимая рабочий костюм, суконную куртку, коробочку с инструментом, сверток свечей. Сказав какое полагается слово и вежливо все оглядев, он обернул каждый дар куском бересты и сунул под навес крыши. Позже мы обнаружили там много изделий нашей швейной и резиновой промышленности и целый склад скобяного товара – всяк сюда приходящий что-нибудь приносил.

Агафье мы подарили чулки, материю, швейные принадлежности. («Наперстник!..» – радостно показала она отцу металлический колпачок.) Еще большую радость вызвали у нее сшитые опытной женской рукой фартук из ситца, платок и красные варежки. Платок, желая доставить нам удовольствие, Агафья покрыла поверх того, в котором спала и тушила пожар. И так ходила весь день.

К нашему удивлению, были отвергнуты мыло и спички – «нам это не можно». То же самое мы услышали, когда я открыл картонный короб с едой, доставленной из Москвы. Всего понемногу – печенье, хлеб, сухари, изюм, финики, шоколад, масло, консервы, чай, сахар, мед, сгущенное молоко, – все было вежливо остановлено двумя вперед выставленными ладонями. Лишь банку сгущенного молока старик взял в руки и, поколебавшись, поставил на завалинку – «кошкам...».

С большим трудом мы убедили их взять лимоны – «вам обязательно сейчас это нужно». После расспросов – «а где же это растет?» – старик подставил подол рубахи, но сказал Агафье, чтобы снесла лимоны в ручей – «пусть там до вечера полежат». (На другой день мы видели, как старик с дочерью по нашей инструкции выжимали лимоны в кружку и с любопытством нюхали корки.)

Потом и мы получили подарки. Агафья обошла нас с мешочком, насыпая в карманы

кедровые орехи; принесла берестяной короб с картошкой. Старик показал место, где можно разжечь костер, и, вежливо сказав «нам не можно» на предложение закусить вместе, удалился с Агафьей в хижину – помолиться.

Пока варилась картошка, я обошел «лыковское поместье». Расположилось оно в тщательно и, наверное, не тотчас выбранной точке. В стороне от реки и достаточно высоко на горе – усадьба надежно была упрятана от любого случайного глаза. От ветра место уберегалось складками гор и тайгою. Рядом с жилищем – холодный чистый ручей. Лиственничный, еловый, кедровый и березовый древостой дает людям все, что они были в силах тут взять. Зверь не пуган никем. Черничники и малинники – рядом, дрова – под боком, кедровые шишки падают прямо на крышу жилья. Вот разве что неудобство для огорода – не слишком пологий склон. Но вон как густо зеленеет картошка. И рожь уже налилась, стручки на горохе припухли... Я вдруг остановился на мысли, что взираю на этот очажок жизни глазами дачника. Но тут ведь нет электрички! До ближайшего огонька, до человеческого рукопожатия не час пути, а 250 километров непроходимой тайги. И не тридцать дней пребывает тут человек, а уже более тридцати лет! Какими трудами доставались тут хлеб и тепло? Не появлялось ли вдруг желание обрести крылья и полететь, полететь, куда-нибудь улететь?..

Возле дома я внимательно пригляделся к отслужившему хламу. Копье с лиственничным древком и самодельным кованым наконечником... Стертый почти до обуха топорик... Самодельный топор, им разве что сучья обрубишь... Лыжи, подбитые камусом... Мотыги... Детали ткацкого стана... Веретенце с каменным пряслицем... Сейчас все это свалено без надобности. Коноплю посеяли скорее всего по привычке. Тканей сюда нанесли – долго не износить. И много всего другого понатыкано под крышей и лежит под навесом возле ручья: моток проволоки, пять пар сапог, кеды, эмалированная кастрюля, лопата, пила, прорезиненные штаны, сверток жести, четыре серпа...

– Добра-то – век не прожить! – вздохнул неслышно в валенках подошедший Карп Осипович. Сняв шляпу, он помолился в сторону двух крестов. – Царствие небесное, им ни серпов, ни топоров уже не надобно...

Старик показал мне лабаз на двух высоких столбах «для береженья продуктов от мышей и медведей», погреб, где хранилась картошка, очаг из камней у самого порога хижины, где Агафья готовила на маленьком костерке ужин. Разглядел я как следует крышу хибарки. Она не была набросана в беспорядке, как показалось вначале. Лиственничные плахи имели вид желобов и уложены были, как черепица на европейских домах...

Ночи в здешних горах холодные. Палатки у нас не было. Агафья с отцом, наблюдая, как мы собираемся «в чем бог послал» улечься возле костра, пригласили нас ночевать в хижину. Ее описанием и надо закончить впечатления первого дня.

Согнувшись под косяком двери, мы попали почти в полную темноту. Вечерний свет синел лишь в оконце величиной в две ладони. Когда Агафья зажгла и укрепила в светце, стоявшем посредине жилья, лучину, можно было кое-как разглядеть внутренность хижины.

Стены и при лучине были темны – многолетняя копоть света не отражала. Низкий потолок тоже был угольно-темным. Горизонтально под потолком висели шесты для сушки одежды. Вровень с ними вдоль стен тянулись полки, уставленные берестяной посудой с сушеной картошкой и кедровыми орехами. Внизу вдоль стен тянулись широкие лавки. На них, как можно было понять по каким-то лохмотьям, спали и можно было теперь сидеть.

Слева от входа главное место было занято печью из дикого камня. Труба от печи, тоже из каменных плиток, облицованных глиной и стянутых берестой, выходила не через крышу, а сбоку стены. Печь была небольшой, но это была русская печь с двухступенчатым верхом. На нижней ступени, на постели из сухой болотной травы спал и сидел глава дома. Выше опять громоздились большие и малые берестяные короба. Справа от входа стояла на ножках еще одна печь – металлическая. Коленчатая труба от нее тоже уходила в сторону через стенку. «Зимой тут можно было волков морозить. Ну и сварили им эту „буржуйку“. Удивляюсь, как дотащили...» – сказал Ерофей, уже не однажды тут ночевавший.

Посредине жилища стоял маленький стол, сработанный топором. Это и все, что тут было. Но было тесно. Площадь конурки была примерно семь шагов на пять, и можно было только гадать, как ютились тут многие годы шестеро взрослых людей обоего пола.

– Бедствовали...

Старик и Агафья говорили без напряжения и с удовольствием. Но часто разговор прерывался их порывами немедленно помолиться.

Обернувшись в угол, где, как видно, стояли невидимые в темноте иконы, старик с дочерью громко пели молитвы, кряхтели, шумно вздыхали, перебирая пальцами бугорки лестовок – «инструмента», на котором ведется отсчет поклонов. Молитва кончалась неожиданно, как начиналась, и беседа снова текла от точки, где была прервана...

В условный час старик и дочь сели за ужин. Ели они картошку, макая ее в крупную соль. Зернышки соли с колен едоки бережно собирали и клали в солонку. Гостей Агафья попросила принести свои кружки и налила в них «кедровое молоко». Напиток, приготовленный на холодной воде, походил цветом на чай с молоком и был пожалуй что вкусен. Изготавливала его Агафья у нас на глазах: перетерла в каменной ступке орехи, в берестяной посуде смешала с водой, процедила... Понятия о чистоте у Агафьи не было никакого. Землистого цвета тряпица, через которую угощение цедилося, служила хозяйке одновременно для вытирания рук. Но что было делать, «молоко» мы выпили и, доставляя Агафье явное удовольствие, искренне похвалили питье.

После ужина как-то сами собой возникли вопросы о бане. Бани у Лыковых не было. Они не мылись. «Нам это не можно», – сказал старик. Агафья поправила деда, сказав, что с сестрой они изредка мылись в долбленом корыте, когда летом можно было согреть воду. Одежду они тоже изредка мыли в такой же воде, добавляя в нее золы.

Пола в хижине ни метла, ни веник, по всему судя, никогда не касались. Пол под ногами пружинил. И когда мы с Николаем Устиновичем расстилали на нем армейскую плащ-палатку, я взял щепотку «культурного слоя» – рассмотреть за дверью при свете фонарика, из чего же он состоит. «Ковер» на полу состоял из картофельной шелухи, шелухи от кедровых орехов и конопляной костры. На этом мягком полу, не раздеваясь, мы улеглись, положив под голову рюкзаки. Ерофей, растянувшись во весь богатырский свой рост на лавке, сравнительно скоро возвестил храпом, что спит. Карп Осипович, не расставаясь с валенками, улегся, слегка разбив руками травяную перину, на печке. Агафья загасила лучину и свернулась, не раздеваясь, между столом и печкой.

Вопреки ожиданию по босым ногам нашим никто не бегал и не пытался напиться крови. Удаляясь сюда от людей, Лыковы ухитрились, наверное, улизнуть незаметно от вечных спутников человека, для которых отсутствие бани, мыла и теплой воды было бы благоденствием. А может, сыграла роль конопля. У нас в деревне, я помню, коноплю применяли против блох и клопов...

Уже начало бледно светиться окошко июльским утренним светом, а я все не спал. Кроме людей, в жилье обретались две кошки с семью котятками, для которых ночь – лучшее время для совершения прогулок по всем закоулкам. Букет запахов и спертость воздуха были так высоки, что, казалось, сверкни случайно тут искра, и все взорвется, разлетятся в стороны бревна и береста.

Я не выдержал, выполз из хижины подышать. Над тайгой стояла большая луна. И тишина была абсолютной. Прислонившись щекою к холодной поленнице, я думал: наяву ли все это? Да, все было явью. Помочиться вышел Карп Осипович. И мы постояли с ним четверть часа за разговором на тему о космических путешествиях. Я спросил: знает ли Карп Осипович, что на Луне были люди, ходили там и ездили в колесницах? Старик сказал, что много раз уже слышал об этом, но он не верит. Месяц – светило божественное. Кто же, кроме богов и ангелов, может туда долететь? Да и как можно ходить и ездить вниз головой?

Глотнув немного воздуха, я уснул часа на два. И явственно помню тяжелый путаный сон. В хижине Лыковых стоит огромный цветной телевизор. И на экране его Сергей Бондарчук в образе Пьера Безухова ведет дискуссию с Карпом Осиповичем насчет возможности посещения человеком Луны...

Проснулся я от непривычного звука. За дверью Ерофей и старик точили на камне топор. Еще с вечера мы обещали Лыковым помочь в делах с избенкой, сооружение которой они начали, когда их было еще пятеро.

Разговор у свечи

В этот день мы помогали Лыковым на «запасном» огороде строить новую хижину – затащили на сруб матицы, плахи для потолка, укосы для кровли. Карп Осипович, как деловитый прораб, сновал туда и сюда. «Умирать собирайся, а рожь сей», – сказал он несколько раз, упреждая возможный вопрос: зачем эта стройка на девятом десятке лет?

После обеда работу прервал неожиданный дождь, и мы укрылись в старой избушке.

Видя мои мучения с записью в темноте, Карп Осипович расщедрился на «праздничный свет»: зажег свечу из запаса, пополненного вчера Ерофеем. Агафья при этом сиянии не преминула показать свое умение читать. Спросив почтительно: «Тянька, можно ль?», – достала она из угла с полки закоптелые, в деревянных «корицах» с застешками богослужебные книги. Показала Агафья нам и иконы. Но многолетняя копоть на них была так густа, что решительно ничего не было видно – черные доски.

Говорили в тот вечер о боге, о вере, о том, почему и как Лыковы тут оказались. В начале беседы Карп Осипович учинил своему московскому собеседнику ненавязчивый осторожный экзамен. Что мне известно о сотворении мира? Когда это было? Что я ведаю о всемирном потопе?

Спокойная академичность в беседе окончилась сразу, как только она коснулась событий реальных. Царь Алексей Михайлович, сын его Петр, патриарх Никон с его «дьявольской шепотью – троеперстием» были для Карпа Осиповича непримиримыми кровными и личными недругами. Он говорил о них так, как будто не триста лет прошло с тех пор, когда жили и правили эти люди, а всего лишь, ну, лет с полсотни.

О Петре I («рубил бороды христианам и табачищем пропах») слова у Карпа Осиповича были особенно крепкими. Этого царя, «антихриста в человеческом облике», он ставил на одну доску с каким-то купцом, недодавшим староверческой братии где-то в начале века двадцать шесть пудов соли...

* * *

Драма Лыковых уходит корнями в народную драму трехвековой давности, название которой *раскол*. При этом слове многие сразу же вспомнят живописное полотно в Третьяковке «Боярыня Морозова». В ее образе сфокусировал Суриков страсти, кипевшие на Руси в середине XVII века. Но это не единственный яркий персонаж раскола. Многолика и очень пестра была сцена у этой великой драмы. Царь вынужден был слушать укоры и причитания «божьих людей» – юродивых; бояре выступали в союзе с нищими; высокого ранга церковники, истощив терпение в спорах, таскали друг друга за бороды; волновались стрельцы, крестьяне, ремесленный люд. Обе стороны в расколе обличали друг друга в ереси, проклинали и отлучали от «истинной веры». Самых строптивых раскольников власти гноили в глубоких ямах, вырывали им языки, сжигали в срубах. Граница раскола прохладной тенью пролегла даже в царской семье. Жена царя Мария Ильинична, а потом и сестра Ирина Михайловна не единожды хлопотали за опальных вождей раскола.

Из-за чего же страсти? Внешне как будто по пустякам. Укрепляя православную веру и государство, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон обдумали и провели реформу церкви (1653 г.), основой которой было исправление богослужебных книг. Переведенные с греческого еще во времена крещения языческой Руси киевским князем Владимиром (988 г.), богослужебные книги от многочисленных переписок превратились в некий «испорченный телефон». Переводчик изначально дал маху, писец схалтурил, чужое слово истолковали неверно – за шесть с половиной веков накопилось всяких неточностей, несообразностей много. Решено было обратиться к первоисточникам и все исправить.

И тут началось! К несообразностям-то привыкли уже. Исправления резали ухо и, казалось, подрывали самое веру. Возникла серьезная оппозиция исправлениям. И во всех слоях верующих – от церковных иерархов, бояр и князей до попов, стрельцов, крестьян и юродивых. «Покусались на старую веру!» Таким был глас оппозиции.

Особый протест вызвали смешные с нашей нынешней точки зрения расхождения. Никон

по новым книгам утверждал, что крестные ходы у церкви надо вести против солнца, а не по солнцу; слово *аллилуйя* следует петь не два, а три раза; поклоны класть не земные, а поясные; креститься не двумя, а тремя перстами, как крестятся греки. Как видим, не о вере шел спор, а лишь об обрядах богослужения, отдельных и в общем-то мелких деталях обряда. Но фанатизм религиозный, приверженность догматам границ не имеют – заволновалась вся Русь.

Было ли что еще, усугублявшее фанатизм оппозиции? Было. Реформа Никона совпала с окончательным закрепощением крестьян, и нововведения в сознании народа соединились с лишением его последних вольностей и «святой старины». Боярско-феодалная Русь в это же время страшилась из Европы идущих новин, которым царь Алексей, видевший, как Русь путается ногами в длиннополном кафтане, особых преград не ставил. Церковникам «никонианство» тоже было сильно не по душе. В реформе они почувствовали твердую руку царя, хотевшего сделать церковь послушной слугой его воли. Словом, многие были против того, чтобы «креститься тремя перстами». И смута под названием *раскол* началась.

Русь не была первой в религиозных распрях. Вспомним европейские религиозные войны, вспомним ставшую символом фанатизма и нетерпимости Варфоломеевскую ночь в Париже (ночь на 24 августа 1572 года, когда католики перебили три тысячи гугенотов). Во всех случаях так же, как это было и в русском расколе, религия тесно сплеталась с противоречиями социальными, национальными, иерархическими. Но знамена были религиозные. С именем бога люди убивали друг друга. И у всех этих распрей, вовлекавших в свою орбиту массы людей, были свои вожди.

В русском расколе особо возвышаются две фигуры. По одну сторону – патриарх Никон, по другую – протопоп Аввакум. Любопытно, что оба они простолюдины. Никон – сын мужика. Аввакум – сын простого попа. И оба (поразительное совпадение!) – совершенные земляки. Никон (в «миру» Никита) родился в селе Вельдеманове, близ Нижнего Новгорода, Аввакум – в селе Григорове, лежащем в нескольких километрах от Вельдеманова... Нельзя исключить, что в детстве и юности эти люди встречались, не чая потом оказаться врагами. И по какому высокому счету! И Никон и Аввакум были людьми редко талантливыми. (Царь Алексей Михайлович, смолodu искавший опору в талантах, заметил обоих и приблизил к себе. Никона сделал – страшно подумать о высоте! – патриархом всея Руси.)

Но воздержимся от соблазна подробнее говорить об интереснейших людях – Аввакуме и Никоне, это задержало бы нас на пути к Абакану. Вернемся лишь на минуту к боярыне, едущей на санях по Москве.

Карп Осипович не знает, кто такая была боярыня Морозова. Но она, несомненно, родная сестра ему по фанатизму, по готовности все превозмочь, лишь бы «не осеняться тремя перстами».

Подруга первой жены царя Алексея Михайловича, молодая вдова Феодосья Прокофьевна Морозова, была человеком очень богатым (восемь тысяч душ крепостных, горы добра, золоченая карета, лошади, слуги). Дом ее был московским центром раскола. Долго это терпевший царь сказал наконец: «Одному из нас придется уступить».

На картине мы видим Феодосью Прокофьевну в момент, когда в крестьянских санях везут ее по Москве в ссылку. Облик всего раскола мы видим на замечательном полотне. Похихикивающие попы, озабоченные лица простых и знатных людей, явно сочувствующих мученице, суровые лица ревнителей старины, юродивый. И в центре – сама Феодосья Прокофьевна с символом своих убеждений – «двуперстием»...

И вернемся теперь на тропку, ведущую к хижине над рекой Абакан. Вы почувствовали уже, как далеко во времени она начиналась. И нам исток этот, хотя бы бегло, следует проследить до конца.

Раскол не был преодолен и после смерти царя Алексея (1676 год). Наоборот, уход Никона, моровые болезни, косившие в те годы народ многими сотнями тысяч, и неожиданная смерть самого царя лишь убедили раскольников: «бог на их стороне».

Царю и церкви пришлось принимать строгие меры. Но они лишь усугубили положение. Темная масса людей заговорила о конце света. Убеждение в этом было так велико, что появились в расколе течения, проповедовавшие «во спасение от антихриста» добровольный уход из жизни. Начались массовые самоубийства. Люди умирали десятками от голодовок,

запираясь в домах и скитах. Но особо большое распространение получило самосожжение – «огонь очищает». Горели семьями и деревнями. По мнению историков, сгорело около двадцати тысяч фанатичных сторонников «старой веры».

Воцарение Петра, с его особо крутыми нововведениями, староверами было принято как давно уже предсказанный приход антихриста.

Равнодушный к религии, Петр, однако, разумным счел раскольников «не гонить», а взять на учет, обложить двойным казенным налогом. Одних староверов устроила эта «легальность», другие «потекли» от антихриста «в леса и дали». Петр учредил специальную Раскольничью контору для розыска укрывавшихся от оплаты. Но велика земля русская! Много нашлось в ней укромных углов, куда ни царский глаз, ни рука царя не могли дотянуться. Глухими по тем временам были места в Заволжье, на Севере, в Придонье, в Сибири – в этих местах и оседали раскольники (староверы, старообрядцы), «истинные христиане», как они себя называли. Но жизнь наступала, теснила, раслаивала религиозных, бытовых, а отчасти и социальных протестантов.

В самом начале образовались две ветви раскола: «поповцы» и «безпоповцы». Лишенное церковью течение «беспоповцев» довольно скоро «на горах и в лесах» распалось на множество сект – «согласий» и «толков», обусловленных социальной неоднородностью, образом жизни, средой обитания, а часто и прихотью проповедников.

В прошлом веке старообрядцы оказались в поле зрения литераторов, историков, бытописателей. Интерес этот очень понятен. В доме, где многие поколения делают всякие перестройки и обновления: меняют мебель, посуду, платье, привычки, вдруг обнаруженный старый чулан с прадедовской утварью неизменно вызовет любопытство. Россия, со времен Петра изменившаяся неузнаваемо, вдруг открыла этот «чулан» «в лесах и на горах». Быт, одежда, еда, привычки, язык, иконы, обряды, старинные рукописные книги, предания старины – все сохранилось прекрасно в этом живом музее минувшего.

Того более, многие толки в старообрядстве были противниками крепостного режима и самой царской власти. Эта сторона дела побудила изгнанника Герцена прошупать возможность союза со староверами. Но скоро он убедился: союз невозможен. С одной стороны, в общинах старообрядства вырос вполне согласный с царизмом класс (на пороге революции его представляли миллионеры Гучковы, Морозовы, Рябушинские – выходцы из крестьян), с другой – во многих толках царили косная темнота, изуверство и мракобесие, противные естеству человеческой жизни.

Таким именно был толк под названием «бегунский». Спасение от антихриста в царском облике, от барщины, от притеснения властей люди видели только в том, чтобы «бегать и таиться». Старообрядцы этого толка отвергали не только петровские брадобритие, табак и вино. Все мирское не принималось – государственные законы, служба в армии, паспорта, деньги, любая власть, «игрища», песнопение и все, что люди, «не убоившись бога, могли измыслить». «Дружба с «миром» есть вражда против бога. Надо бегать и таиться!» Этот исключительный аскетизм был по плечу лишь небольшому числу людей – либо убогих, либо, напротив, сильных, способных снести отшельничество. Судьба сводила вместе и тех и других.

«Бегунов» жизнь все время теснила, загоняла в самые недоступные дебри. И нам теперь ясен исторический в триста лет путь к лесной избушке над Абаканом. Мать и отец Карпа Лыкова пришли с тюменской земли и тут в глуши поселились. До 20-х годов в ста пятидесяти километрах от Абазы жила небольшая староверческая община. Люди имели тут огороды, скотину, кое-что сеяли, ловили рыбу и били зверя. Назывался этот малодоступный в тайге жилой очажок *Лыковская заимка*. Тут и родился Карп Осипович. Сообщалась с «миром» заимка, как можно было понять, через посредников, увозивших в лодках с шестью меха и рыбу и привозивших «соль и железо».

В 23-м году добралась до заимки какая-то таежная банда, оправдавшая представление общины о греховности «мира», – кого-то убили, кого-то прогнали. Заимка перестала существовать. (Проплывая по Абакану, мы видели пустошь, поросшую иван-чаем, бурьяном и крапивой.) Семь или восемь семей подались глубже по Абакану в горы, еще на полтора верста дальше от Абазы, и стали жить на Каире – небольшом притоке реки Абакан. Подсекли лес, построили хижинки, завели огороды и стали жить.

Драматические события 30-х годов, ломавшие судьбы людей на всем громадном пространстве страны, докатились, конечно, и в потайные места. Староверами были они восприняты как продолжение прежних гонений на «истинных христиан». Карп Осипович говорил о тех годах глухо, невнятно, с опаской. Давал понять: не обошлось и без крови. В этих условиях Лыковы – Карп Осипович и жена его Акулина Карповна решают удалиться от «мира» возможно дальше. Забрав в опустевшем поселке «все железное», кое-какой хозяйственный инвентарь, иконы, богослужебные книги, с двумя детьми (Савину было одиннадцать, Наталье – год) семья приискала место «поглуше, понедоступней» и стала его обживать.

Сами Лыковы «бегунами» себя не называют. Возможно, слово это у самих «бегунов» в ходу и не было, либо со временем улетучилось. Но весь жизненный статус семьи – «бегунский»: «с миром нам жить не можно», неприятие власти, «мирских» законов, бумаг, «мирской» еды и обычаев.

* * *

Свеча на пенечке-лучиннике в этот вечер сгорела до основания. Остаток ее расплылся стеариновой лужицей, и от этого пламя то вдруг выросло, то часто-часто начинало мигать – Агафья то и дело поправляла фитилек щепкой. Карп Осипович сидел на лежанке, обхватив колени узловатыми пальцами. Мои книжные словеса о расколе он слушал внимательно, с нескрываемым любопытством: «Едак-едак...» Под конец он вздохнул, зажимая поочередно пальцами ноздри, высморкался на пол и опять прошелся по Никону – «от него, блудника, все началось».

Дверь в хижине, чтобы можно было хоть как-то дышать и чтобы кошки ночью могли сходить на охоту, оставили чуть приоткрытой. В щелку опять было видно спелую, желтого цвета луну. «Как дыня...» – сказал Ерофей. Новое слово «дыня» заинтересовало Агафью. Ерофей стал объяснять, что это такое. Разговор о религии закончился географией – экскурсом в Среднюю Азию. По просьбе Агафьи я нарисовал на листке дыню, верблюда, человека в халате и тюбетейке. «Господи...» – вздохнула Агафья.

Прежде чем лечь калачиком рядом с котятками, пищавшими в темноте, она горячо и долго молилась.

Огород и тайга

В Москву от Лыковых я привез кусок хлеба. Показывая друзьям – что это такое? – только раз я услышал ответ неуверенный, но близкий к истине: это, кажется, хлеб. Да, это лыковский хлеб. Пекут они его из сушеной, толченой в ступе картошки с добавлением двух-трех горстей ржи, измельченной пестом, и пригоршни толченых семян конопли. Эта смесь, замешенная на воде, без дрожжей и какой-либо закваски, выпекается на сковородке и представляет собою толстый черного цвета блин. «Хлеб этот не то что есть, на него глядеть страшно, – сказал Ерофей. – Однако же ели. Едят и теперь – настоящего хлеба ни разу даже не ущипнули».

Кормильцем семьи все годы был огород – пологий участок горы, раскорчеванный в тайге. Для страховки от превратностей горного лета раскорчеван был также участок ниже под гору и еще у самой реки: «Вверху учинился неурожай – внизу что-нибудь собираем».

Вызревали на огороде картошка, лук, репа, горох, конопля, рожь. Семена, как драгоценность, наравне с железом и богослужебными книгами, сорок шесть лет назад были принесены из поглощенного теперь тайгой поселения. И ни разу никакая культура осечки за эти полвека не сделала – не выродилась, давала еду и семенной материал, берегли который, надо ли объяснять, пуце глаза.

Картошка – «бесовское многоплодное, блудное растение», Петром завезенная из Европы и не принятая староверами наравне с «чаем и табачищем», по иронии судьбы для многих стала потом основной кормилицей. И у Лыковых тоже основой питания была картошка. Она хорошо тут родилась. Хранили ее в погребе, обложенном бревнами и берестой. Но запасы «от урожая до урожая», как показала жизнь, недостаточны. Июньские снегопады в горах могли сильно и даже катастрофически сказаться на огороде. Обязательно нужен был «стратегический»

двухгодичный запас. Однако два года даже в хорошем погребе картошка не сохранялась.

Приспособились делать запас из сушеной. Ее резали на пластинки и сушили в жаркие дни на больших листах бересты или прямо на плахах крыши. Досушивали, если надо было, еще у огня и на печке. Берестяными коробами с сушеной картошкой и теперь заставлено было все свободное пространство хижины. Короба с картошкой помещали также в лабазы – в срубы на высоких столбах. Все, разумеется, тщательно укрывалось и пеленалось в берестяные лоскуты.

Картошку все годы Лыковы ели обязательно с кожурой, объясняя это экономией пищи. Но кажется мне, каким-то чутьем они угадали: с кожурой картошка полезней.

Репа, горох и рожь служили подспорьем в еде, но основой питания не были. Зерна собиралось так мало, что о хлебе как таковом младшие Лыковы не имели и представления. Подсушенное зерно дробилось в ступе, и из него «по святым праздникам» варили ржаную кашу.

Росла когда-то в огороде морковь, но от мышьи напасти были однажды утрачены семена. И люди лишились, как видно, очень необходимого в пище продукта. Болезненно бледный цвет кожи у Лыковых, возможно, следует объяснить не столько сидением в темноте, сколько нехваткою в пище вещества под названием *каротин*, которого много в моркови, апельсинах, томатах... В этом году геологи снабдили Лыковых семенами моркови, и Агафья принесла к костру нам как лакомство по два еще бледно-оранжевых корешка, с улыбкой сказала: «Морко-овка...»

Вторым огородом была тут тайга. Без ее даров вряд ли долгая жизнь человека в глухой изоляции была бы возможной. В апреле тайга уже угощала березовым соком. Его собирали в берестяные туеса. И, будь в достатке посуды, Лыковы, наверное, догадались бы сок выпаривать, добываясь концентрации сладости. Но берестяной туес на огонь не поставишь. Ставили туеса в естественный холодильник – в ручей, где сок долгое время не портился.

Вслед за березовым соком шли собирать дикий лук и крапиву. Из крапивы варили похлебку и сушили пучками на зиму для «крепости тела». Ну а летом тайга – это уже грибы (их ели печеными и вареными), малина, черника, брусника, смородина. «Истомившись, сидючи на картошке, вкушали божьи эти дары обильно».

Но летом надлежало и о зиме помнить. Лето короткое. Зима – длинна и сурова. Запаслив, как бурундук, должен быть житель тайги. И опять шли в ход берестяные туеса. Грибы и чернику сушили, бруснику заливали в берестяной посуде водой. Но все это в меньших количествах, чем можно было предположить, – «некогда было».

В конце августа приспевала страда, когда все дела и заботы отодвигались, надо было идти «орешить». Орехи для Лыковых были «таежной картошкой». Шишки с кедра (Лыковы говорят не «кедр», а «кедра»), те, что пониже, сбивались длинным еловым шестом. Но обязательно надо было лезть и на дерево – отрясать шишки. Все Лыковы – молодые, старые, мужчины и женщины – привыкли легко забираться на кедр. Шишки ссыпали в долбленные кадки, шелушили их позже на деревянных терках. Затем орех провевался. Чистым, отборным, в берестяной посуде хранили его в избе и в лабазах, оберегая от сырости, от медведей и грызунов.

В наши дни химики-медики, разложив содержимое плода кедровой сосны, нашли в нем множество компонентов – от жиров и белков до каких-то не поддающихся удержанию в памяти мелких, исключительной пользы веществ. На московском базаре этой веской я видел среди сидельцев-южан с гранатами и урюком ухватистого сибиряка с баулом кедровых шишек. Чтобы не было лишних вопросов, на шишке спичкой был приколот кусочек картона с содержательной информацией: «От давления. Рубль штука».

Лыковы денег не знают, но ценность всего, что содержит орех кедровой сосны, ведома им на практике. И во все урожайные годы они запасали орехов столько, сколько могли запасти. Орехи хорошо сохраняются – «четыре года не прогорают». Потребляют их Лыковы натурально – «грызем, подобно бурундукам», толчеными подсыпают иногда в хлеб и делают из орехов свое знаменитое «молоко», до которого даже кошки охочи.

Животную пищу малой толикой поставляла тоже тайга. Скота и каких-либо домашних животных тут не было. Не успел я выяснить: почему? Скорее всего на долбленном «ковчеге», в котором двигались Лыковы кверху по Абакану, не хватило места для живности. Но, может

быть, и сознательно Лыковы «домашнюю тварь» решили не заводить – надежней укрыться и жить незаметней. Многие годы не раздавалось у их избенки ни лая, ни петушиного крика, ни мычанья, ни блеянья, ни мяуканья.

Соседом, врагом и другом была лишь дикая жизнь, небедная в этой тайге. У дома постоянно вертелись небоязливые птицы – кедровки. В мох у ручья они имели привычку прятать орехи и потом их разыскивали, перепахивая у самых ног проходившего человека. Рябчики выводили потомство прямо за огородом. Два ворона, старожилы этой горы, имели вниз по ручью гнездо, возможно, более давнее, чем избенка. По их тревожному крику Лыковы знали о подходе ненастья, а по полету кругами – что в ловчую яму кто-то попался.

Изредка появлялась зимою тут рысь. Не таясь, небоязливо она обходила «усадыбу». Однажды, любопытства, наверное, ради, поскребла даже дверь у избушки и скрылась так же неторопливо, как появилась.

Собольки оставляли следы на снегу. Волки тоже изредка появлялись, привлеченные запахом дыма и любопытством. Но, убедившись: пожить тут нечем – удалялись в места, где держались маралы.

Летом в дровах и под кровлей селились любимцы Агафьи – «плиски». Я не понял сначала, о ком она говорила, но Агафья выразительно покачала рукой – трясозуки!

Большие птичьи дороги над этим таежным местом не пролегают. Лишь однажды в осеннем тумане Лыковых всполошил криком занесенный, как видно, ветрами одинокий журавль. Туда-сюда метался он над долиной реки два дня – «душу смущал», а потом стих. Позже Дмитрий нашел у воды лапы и крылья погибшей и кем-то съеденной птицы.

Таежное одиночество Лыковых кряду несколько лет с ними делил медведь. Зверь был некрупным и ненахальным. Он появлялся лишь изредка – топтался, нюхал воздух возле лабаза и уходил. Когда «орешили», медведь, стараясь не попадаться на глаза людям, ходил неотступно за ними, подбирая под кедром что они уронили. «Мы стали ему оставлять шишки – тоже ведь алкает, на зиму жир запасает».

Этот союз с медведем был неожиданно прерван появлением более крупного зверя. Возле тропы, ведущей к реке, медведи схватились, «вельми ревели», а дней через пять Дмитрий нашел старого друга, наполовину съеденного более крупным его собратом.

Тихая жизнь у Лыковых кончилась. Пришелец вел себя как хозяин. Разорил один из лабазов с орехами. И, появившись возле избушки, так испугал Агафью, что она слегла на полгода – «ноги слушаться перестали». Ходить по любому делу в тайгу стало опасно. Медведя единодушно приговорили к смерти. Но как исполнить такой приговор? Оружия никакого! Вырыли яму на тропке в малинник. Медведь попался в нее, но выбрался – не рассчитали глубины ямы, а заостренные колья зверь миновал.

Дмитрий осенью сделал рогатину, надеясь настичь зверя в берлоге. Но берлога не отыскалась. Понимая, что весною голодный зверь будет особо опасным, Савин и Дмитрий соорудили «кулёмку» – ловушку-сруб с приманкой и падавшей сверху настороженной дверью. Весною медведь попался, но, разворотив бревна ловушки, ушел. Пришлось попросить ружье у геологов. Дмитрий, зная медвежьи тропы, поставил на самой надежной из них самострел. Эта штука сработала. «Однажды видим: вороны воспарили. Пошли осторожно и видим: лежит на тропке – повержен».

– Отведали медвежатины?

– Нет, оставили для съедения мелкому зверю. Тех, что лапу имеют, мы не едим. Бог велит есть лишь тех, кто имеет копыта, – сказал старик.

Копыта в здешней тайге имеют лось, марал, кабарга. На них и охотились. Охоту вели единственным способом: на тропах рыли ловчие ямы. Чтобы направить зверя в нужное место, строили по тайге загородки-заслоны. Добыча была нечастой – «зверь с годами смышленным стал». Но когда попадалась в ловушку хотя бы малая кабарожка, Лыковы пировали, заботясь, однако, о заготовке мяса на зиму. Его разрезали на узкие ленты и вялили на ветру. Эти мясные «консервы» в берестяной таре могли храниться год-два. Доставали их по большим праздникам или клали в мешок при тяжелых работах и переходах.

(В Москву я привез подарок Агафьи – жгутик сушеной лосятины. Понюхаешь – пахнет мясом, но откусить от гостинца и пожевать я все-таки не решился.)

Летом и осенью до ледостава ловили Лыковы рыбу. В верховье Абакана водится хариус и ленок. Ловили их всяко: «удой» и «мордой» – ловушкой, плетеной из ивняка. Ели рыбу сырой, печеной в костре и непременно сушили впрок.

Но следует знать: все годы у Лыковых не было соли. Ни единой крупинки! Обильное потребление соли медицина находит вредным. Но в количествах, организму необходимых, соль непременно нужна. Я видел в Африке антилоп и слонов, преодолевших пространства чуть ли не в сто километров с единственной целью – поест солонцовой земли. Они «солонцуются» с риском для жизни. Их стерегут хищники, стерегли охотники с ружьями. Все равно идут, пренебрегая опасностью. Кто пережил войну, знает: стакан грязноватой землистой соли был «житейской валютой», на которую можно было выменять все – одежду, обувь, хлеб. Когда я спросил у Карпа Осиповича, какая трудность жизни в тайге была для них наибольшая, он сказал: обходиться без соли. «Истинное мучение!» В первую встречу с геологами Лыковы отказались от всех угощений. Но соль взяли. «И с того дня несолоно хлебати уже не могли».

Случался ли голод? Да, 1961 год был для Лыковых страшным. Июньский снег с довольно крепким морозом погубил все, что росло в огороде, – «вызябла» рожь, а картошки собрали только на семена. Пострадали корма и таежные. Запасы предыдущего урожая зима поглотила быстро. Весною Лыковы ели солому, съели обувь из кожи, обивку с лыж, ели кору и березовые почки. Из запасов гороха оставили один маленький туесок – для посева.

В тот год с голоду умерла мать. Избенка бы вся опустела, случись следом за первым еще один недород. Но год был хорошим. Уродилась картошка. Созревали на кедрах орехи. А на делянке гороха проросло случайное зернышко ржи. Единственный колосок оберегали денно и ночью, сделав возле него специальную загородку от мышей и бурундуков.

Созревший колос дал восемнадцать зерен. Урожай этот был завернут в сухую тряпицу, положен в специально сделанный туесок размером меньше стакана, упакован затем в листок бересты и подвешен у потолка. Восемнадцать семян дали уже примерно с тарелку зерна. Но лишь на четвертый год сварили Лыковы ржаную кашу.

Урожай конопли, гороха и ржи ежегодно надо было спасать от мышей и бурундуков. Этот «таежный народец» относился к посевам как к добыче вполне законной Недоглядели – останется на делянке одна солома, все в норы перетаскают Делянки с посевами окружались давилками и силками И все равно едва ли не половину лыковских урожаев зерна запасали себе на зиму бурундуки. Милый и симпатичный зверек для людей в этом случае был «бичом божиим». «Воистину хуже медведя», – сказал старик.

Проблему эту быстро решили две кошки и кот, доставленные сюда геологами. Бурундуки и мыши (заодно, правда, с рябчиками) были быстро изведены. Но все в этом мире имеет две стороны: возникла проблема перепроизводства зверей-мышеловов. Утопить котят, как обычно и делают в деревнях, Лыковы не решились. И теперь вместо таежных нахлебников вырастает стадо домашних. «Много-то их!..» – сокрушается Агафья, глядя, как кошки за шиворот таскают котят из темных углов наружу – для принятия солнечных ванн.

Еще один существенно важный момент. В Москве перед полетом в тайгу мы говорили с Галиной Михайловной Проскуряковой, ведущей телепрограммы «Мир растений». Узнав, куда и зачем я лечу, она попросила: «Обязательно разузнайте, чем болели и чем лечились. Наверняка там будут названы разные травы. Привезите с собой пучочки – вместе рассмотрим, заглянем в книги. Это же интересно!»

Я эту просьбу не позабыл. На вопрос о болезнях старик и Агафья сказали: «Да, болели, как не болеть...» Главной болезнью у всех была «надсада». Что это был за недуг, я не понял. Предполагаю: это нездоровье нутра от подъемов тяжестей, но, возможно, это и некая общая слабость. «Надсадой» страдали все. Лечились «правкою живота». Что значит «править живот», я тоже не вполне понял. Объясняли так: больной лежит на спине, другой человек «с уменьем» мнет руками ему живот.

Двое из умерших – Савин и Наталья, очевидно, страдали болезнью кишок. Лекарством от недуга был «корень-ревень» в отваре. Лекарство скорее всего подходящее, но при пище, кишок совсем не щадящей, что может сделать лекарство? Савина прикончил кровавый понос.

В числе болезней Агафья называла простуду. Ее лечили крапивой, малиной и лежанием на печке. Простуда не была, однако, тут частой – народ Лыковы закаленный, ходили, случалось,

по снегу босиком. Но Дмитрий, самый крепкий из всех, умер именно от простуды.

Раны на теле «слиюнили» и мазали «серой» (смолою пихты). От чего-то еще, не понял, «вельми помогает пихтовое масло» (выпарка из хвои).

Пили Лыковы отвары чаги, смородиновых веток, иван-чая, готовили на зиму дикий лук, чернику, болотный багульник, кровавник, душицу и пижму. По моей просьбе Агафья собрала еще с десятка каких-то «полезных, богом данных растений». Но уходили мы из гостей торопясь: близилась ночь, а путь был не близкий – таежный аптечный набор остался забытым на кладке дров.

Вспоминая сейчас разговор о болезнях и травах, я думаю: были в этом таежном лечении мудрость и опыт, но заблуждения были тоже наверняка. Удивительно вот что. Район, где живут Лыковы, помечен на карте как зараженный энцефалитом. Геологов без прививок сюда не пускают. Но Лыковых эта напасть миновала. Они даже о ней не знают.

Тайга их не балует, но все, что крайне необходимо для поддержания жизни, кроме разве что соли, она им давала.

Добывание огня

– Я зна-аю, это серя-янки! – пропела Агафья, разглядывая коробок спичек с велосипедом на этикетке.

– А это что, знаешь?..

Велосипеда она не знала. Не видела она ни разу и колеса. В поселке геологов есть гусеничный трактор. Но как это ездить на колесе? Для Агафьи, с детства ходившей с посошком по горам, это было непостижимо.

– Греховный огонь, – касаясь содержимого коробка, сказал Карп Осипович. – И ненадежный. Наша-то штука лучше.

Мы с Николаем Устиновичем спорить не стали, вспомнив: во время войны «катюшами» называли не только реактивные установки, но и старое средство добывания огня: кресало, кремень, фитиль. Именно этим снарядам Лыковы добывали и добывают огонь. Только трубочки с фитилем у них нет. У них – трут! Гриб, из которого эта «искроприимная» масса готовится, потому и называют издревле *трутвик*. Но брызни искрами в гриб – не загорится. Агафья доверила нам технологию приготовления трута: «Гриб надо варить с утра до полночи в воде с золою, а потом высушить».

С сырьем для трута у Лыковых все в порядке. А вот кремень пришлось поискать. Горы – из камня, а кремень, что золото, редок. Все же нашли. С две головы кремешок! Запас стратегически важного материала лежит на виду у порога, от него откалывают по мере необходимости, по кусочку...

Но огонь – это не только тепло. Это и свет. Как освещалась избенка? *Лучину* я уже называл. Но все ли знают, что это всего лишь тонкая щепка длиной в руку до локтя. Предки наши пользовались сальными и восковыми свечками, недавно совсем – керосином. Но всюду в лесистых местах «электрической лампочкой» прошлого была древесная щепка – лучина. (Характерный корень у слова: луч – лучи солнца – лучина.) Сколько песен пропето, сколько сказок рассказано, сколько дел переделано вечерами возле лучины!

Лыковы были вполне довольны лучиной, ибо другого света не знали. Но кое-какую исследовательскую работу они все-таки провели: задались целью выяснить, какое дерево лучше всего для лучины подходит. Все испытали: ольху, осину, ивняк, сосну, пихту, лиственницу, кедр. Нашли, что лучше всего для лучины подходит береза. Ее и готовили впрок. А вечерами надо было щепку лишь правильно под нужным углом укрепить на светце – чтобы не гасла и чтобы не вспыхнула сразу вся.

В поселке геологов, увидев электрическую лампочку, Лыковы с интересом поочередно нажимали на выключатель, пытаясь, как двухлетние дети, уловить странную связь между светом и черной кнопкой. «Что измыслили! Аки солнце, глазам больно глядеть. А перстом прикоснулся – жжет пузырек!» – рассказывал Карп Осипович о первых посещениях семейством «мира», неожиданно к ним подступившего.

Ткань для одежды добывалась с величайшим трудом и усердием. Сеялась конопля.

Созревшей она убиралась, сушилась, вымачивалась в ручье, мялась. Трепалась. Из кудели на прялке, представлявшей собой веретенце с маховичком, свивалась грубая конопляная нить. А потом уже дело доходило до ткачества. Станочек стоял в избе, стесняя жильцов по углам. Но это был агрегат, производивший продукцию жизненно необходимую, и к нему относились с почтением. Продольные нити... поперечная нить, бегущая следом за челноком слева направо, справа налево... Нитка к нитке... Много времени уходило, пока из стеблей конопли появлялось драгоценное рубище.

Из конопляной холстины шили летние платья, платки, чулки, рукавицы. Из нее же шили «лопатинки» и для зимы: между подкладкой и внешней холстиной клали сухую траву – власяницу. «Мороз-то крепок, деревья рвет», – объясняла Агафья.

Берегли «лопатинки»! Мы, пленники моды, часто бросаем в утиль еще вовсе крепкое платье, примеряя что-нибудь поновее, поживописней. «Лопатинки» живописны были лишь от заплаток.

Легко понять, какую ценностью в этом мире была простая игла. Иголки, запасенные старшими Лыковыми на заимке, береглись как невозобновляемая драгоценность. В углу у окошка стоит берестяной ларец с подушечкой в нем для иголок. Сейчас подушечка напоминает ежа – так много в ней принесенных подарков. А многие годы существовал строжайший порядок: окончил шитье – иголку на место немедля! Уроненную однажды иглу искали, провевая на ветру мусор.

Для самой грубой работы младший из сыновей, Дмитрий, ухитрился «изладить» иглы из вилки, принесенной в числе другого «железа» с заимки.

Нитками для всякого вида шитья из холстины и бересты, а позже из кожи, были все те же конопляные нитки. Их ссучивали, натирали, если надо, пихтовой «серой», пропитывали дегтем, который умели делать из бересты. На рыболовные лески шла конопляная нитка. Из нее же вязались сети, вились веревочки, очень в хозяйстве необходимые.

Кто из наших читателей видел, как растет конопля? Ручаюсь, очень немногие. Я сам три года назад удивился, увидев в Калининской области на огороде делянку высокостеблистой, характерно пахнущей конопли. Зашел спросить: отчего не забыта? Оказалось, «посеяли малость – блох выводить». А было время – совсем недалекое! – коноплю непременно сеяли возле каждого дома. И в каждом доме была непременно прялка, был ткацкий стан. Коноплю, так же, как Лыковы, «брали», когда созревала, сушили, мочили, опять сушили, мяли, трепали... Из далекого теперь уже детства я помню вкус конопляного масла. Из холста – наследство мамы от бабушки, – лежавшего на дне семейного сундука, во время войны сшили нам с сестрой по одежке, окрасив холстину ольховой корой.

«Конопляное ткачество» Лыковых было для меня живой картинкой из прошлого каждого дома в русской деревне. Но если в деревне холст при нужде можно было и выменять или купить, то тут, в тайге, коноплю надо было обязательно сеять, бережно сохранять семена и прясть, ткать... Сейчас заниматься этим у Лыковых уже некому, да и незачем. Но коноплю, я слышал, наряду с картошкой и «кедрой» Карп Осипович упоминал благодарно в своей ежедневной беседе с богом.

Такого же уважения в здешнем быту заслужила береза. В молитвах Лыковых, наверное, места ей не нашлось – в тайге березы сколько угодно, недоглядел – березняк прорастает и в огороде. Но сколько всего давало это дерево человеку, судьбой заточенному в лес!

И прежде всего береза Лыковых обувала. (Липа в этих местах не растет, и плетеной из лыка обуви у Лыковых быть не могло.) Что-то вроде калош шили из бересты. Тяжеловата была обувь и грубовата. Набивали ее для создания ноге тепла и удобства все той же сушеной болотной травой. Служили калоши во всякое время года, хотя какая уж там обувь при толще снега в полтора метра!

Лишь когда Дмитрий подрос и научился ловить зверей, а старший, Савин, овладел умением выделки кож, стали Лыковы шить себе что-то вроде сапог. Геологов калоши из бересты почему-то поразили больше всего, и они растащили их все на память, оставляя взамен Лыковым сапоги, валенки и ботинки...

Но назначение главное бересты – посуда! Тут Лыковым изобретать было нечего. Их предки повсюду в лесах делали знаменитые туеса – посуду великолепную для всего: для

сыпучих веществ, для соли, ягод, воды, творога, молока. И все не портится, не нагревается, не «тратится мышью». Посуда легка, красива, удобна. У Лыковых я насчитал четыре десятка берестяных изделий: туеса размером с бочонок и с майонезную банку, коробка громадные, как баулы, и с кулачок Агафьи – класть всякую мелочь.

Берестяной у Лыковых рукомойник. Им подарили жестяной, наблюдая, как часто они «омывают персты», но Лыковы этот фабричный прибор запихнули под крышу и держат по-прежнему в хижине берестяной. В хозяйстве у Лыковых там и сям лежат заготовки – большие листы бересты, распаривай и делай из этого материала все, что угодно. Когда прохудилось единственное ведро и затыкание дырки тряпицей эффекта уже не давало, из ведерной жести Дмитрий сделал сносное решето для орехов, а железную дужку пристроил к ведерку из бересты. Оно до сих пор служит. Именно этим ведерком Агафья с отцом носили воду к лесному пожару.

Одна слабость у берестяной посуды – нельзя на огонь ее ставить. Воду согреть (и хорошо!) можно, опуская в посуду каленые камни. Но в печь туес не поставишь. И это было очень «узкое место» в посудном хозяйстве. С заимки Лыковы взяли несколько чугунков. Но чугунок хрупок, и к приходу геологов «вечная посуда» исчислялась двумя чугунками, сохранность которых защищалась молитвой. Сейчас Агафья всю гремит кружками, котелками и мисками из «чудного железа» – из алюминия. Но старый испытанный чугунок в убогом ее хозяйстве, как заслуженный ветеран, стоит на самом почетном месте. В нем варит Агафья ржаную кашу.

Много в хозяйстве деревянной долбленной посуды. Корытец больших и малых я насчитал более десяти. Любопытно, что «хлебово» (картофельный суп) до появления алюминиевых мисок и чашек ели из общего небольшого корытца самодельными ложками с длинными черенками.

Слово *дефицит* Лыковым неизвестно. Но именно этим словом они бы назвали постоянную нехватку железа. Все, что было взято с заимки: старый плужок, лопаты, ножи, топоры, рашпиль, пила, рогатина, клок толстой жести, ножницы, шило, иголки, мотыги, лом, серп, долото и стамески, – все за многие годы сточилось, поизносилось и поржавело. Но ничто железное не выбрасывалось. Подобно тому как бедность заставляет перелицовывать изношенную одежду, тут «лицевали» железо.

Мы сделали снимки мотыг, которыми ежегодно и много трудились на огороде. Это крепкие сучья березы с крючком, «очехолненным железкой». Я видел лопату всю деревянную и только по нижней кромке – полоска железа. Кто-то из Лыковых сделал самодельный бурав – вещь, в хозяйстве необходимую. Но как ее сделать без кузни?! Все-таки сделали! Прimitивный, неуклюжими бурав, но дырки вертел.

Есть в хозяйстве тесло для долбления лодки и самодельные инструменты – вырезать ложки. Оттого что ими пользовались нечасто, они хорошо сохранились. Все остальное изъедено временем и точильными камнями.

Если бы, придя к геологам в гости, Дмитрий увидел возле их новых домов самородки золота или еще какие-то условные ценности нашего мира, он бы не удивился, не стоял бы растерянно-пораженный. Но Дмитрий увидел возле домов (каждый представит эту картину!) много железа: проволоку, лопату без черенка, согнутый лом, зубчатое колесо, помятое оцинкованное корыто, ведро без дна, а около мастерской – целую гору всякого лома... Железо! Дмитрий стоял, потрясенный таким богатством. Примеряя, что для чего могло пригодиться, но ничего не осмелился взять – сунуть в мешок или хотя бы в карман, хотя признавался потом, улыбаясь: «Греховное искушение было».

Лыковы

Понемногу о каждом из Лыковых... Одиночество, изнурительная борьба за существование, монотонный быт, одежда, пища, жесткие формы религиозных запретов, одинаковые молитвы, предельно замкнутый мир, наконец гены, казалось, должны бы сделать людей предельно похожими, как бывают похожи один на другой инкубаторские цыплята. В самом деле, похожего много. И все же у каждого был свой характер, привычки, ощущение

своего «я» на маленькой, всего в шесть ступенек, иерархической лестнице. Была у каждого своя любимая и нелюбимая работа, разными были способности понимать одно и то же явление, ну и много всего другого, интересующего обычно социологов и психологов.

Сказать о каждом не просто – четверых уже нет, только воспоминания...

КАРП ОСИПОВИЧ

В «миру» он, несомненно, достиг бы немалых высот. На селе был бы не менее как председатель колхоза и в городе шел бы в гору. По характеру от рождения – лидер. И можно почувствовать даже теперь, когда годы человека смиряют, место «начальника» (не в смысле должности, а в смысле «начала», возглавления чего-либо) для натуры его необходимо. Он возглавлял на заимке лыковскую общину. Он увел людей еще дальше – на реку Каир. В драматически трудных 30-х годах принял решение удалиться от «мира» как можно глубже в тайгу. За ним безропотно последовала жена его Акулина Карповна с двумя ребятами на руках.

В семье Карп Осипович был и отцом, и все тем же строгим «начальником». Его и только его должны были слушаться в работе, в молитвах, в еде, в отношениях между собою. Агафья зовет его «тятенька». Так же звали и трое умерших детей, хотя Савину было под шестьдесят. «Начало» свое старик поддерживал всячески. «Картошку тятенька не копал», – сказала Агафья не в осуждение отца, а с пониманием места его в делах семейной общины. Его сыновья носили на голове что-то вроде монашеских клобуков из холстины, себе же отец справил высокую шапку из камуса кабарги. Это было что-то вроде «шапки Мономаха», утверждавшей власть его в крошечном царстве, им образованном.

В свои восемьдесят лет Карп Осипович бодр, ни на что в здоровье не жалуется, кроме того лишь, что «стал глуховат».

Но глухоту, как я мог заметить, старик «регулирует». Когда вопрос ему непонятен или, может быть, неприятен – делает вид, что не слышит. И напротив, все, что ему интересно, «усекает», как сказал Ерофей, очень четко. В разговоре старик постоянно настороже. Сам вопросов не задает, только слушает или «кажет сужденье». Но один вопрос все же был. «Как там в „миру“?» – спросил он меня после очередного предания анафеме Никона и царя Алексея Михайловича. Я сказал, что в большом мире неспокойно. И почувствовал: ответ старику лег бальзамом на сердце. Непокойствие «мира» сообщало душевное равновесие старику. Неглупого, но темного человека, несомненно, посещает иногда холодная и опасная, как змея для босой ноги, мыслишка: а правильно ли прожита жизнь?

Старик не потерял любознательности. Посещая геологов, «успокаивает душу беседой» и всюду заглядывает. Не испугался Карп Осипович войти в вертолет, отказавшись, однако, подняться, – «не христианское дело». Из всего, что могло его поразить, на первое место надо поставить не электричество, не самолет, у него на глазах однажды взлетевший с косы, не приемник, из которого слышался «бабий греховный глас» Пугачевой, поразил его больше всего прозрачный пакет из полиэтилена: «Господи, что измыслили – стекло, а мнется!»

АКУЛИНА КАРПОВНА

Восьмиконечный староверческий крест на могиле ее почернел. Возле него качается на ветру иван-чай, картофельные посадки подходят прямо к светлой земле бугорку. Умерла Акулина Карповна двадцать один год назад, от «надсады» (тяжело подняла) и от голода, доконавшего слабое тело. Последние слова ее были не о царствии небесном, ради которого она несла тяжелый свой крест на земле, а о детях: «Как будете без меня?» Кроме Агафьи и Карпа Осиповича, никто образ женщины этой уже не помнит. Была она, несомненно, подвижницей, решившись разделить с Карпом «все муки за веру». Муки были великие. Она секла лес, ловила рыбу, бечевою, идя по берегу, тянула лодку, помогала класть сруб, корчевать лес, рыть погреб, залезала на «кедру», сажала и копала картошку. Забота об одежде была ее заботой. Печка, приготовление еды – тоже ее дела. И было еще четверо ребятшек, которых терпеливо надо было всему научить.

Родом будто бы из алтайского села Беи, Акулина Карповна еще девочкой постигала от богомольцев старославянскую азбуку, научилась писать и читала церковные книги. Этой «великой мудрости» научила она и детей. «Где же тетрадки и хотя бы простые карандаши для учебы детей в тайге?» – спросите вы. Да, конечно, ни тетрадок, ни даже огрызка карандаша не было у Акулины Карповны. Но была береста. Был сок жимолости. Если макать в этот сок заостренную палочку, можно на желтой стороне бересты выводить бледно-синие буквы. Всех четырех научила писать и читать!

В разговоре об этом я попросил Агафью написать мне в блокноте что-либо на память. Агафья достала с полки подарок геологов – «карандаш с трубочкой» и написала старославянскими буквами: «Добрые люди к нам прибыли, помогли нам 4 (17) июля от Адамова лета 7490 года. Писала Агафья».

– Мамина память, – сказала Агафья, любуясь своими каракулями.

САВИН

«Савин был крепок на веру, но жестокий был человек», – сказал о старшем сыне Карп Осипович. Что скрывалось за словом «жестокий», спрашивать я не стал, но что-то было. Об этом глухо сказала Агафья: «Бог всем судья».

Два дела знал Савин в совершенстве: выделку кожи и чтение Библии. Оба дела в семейной общине почитались наиважнейшими. Выделку кож лосей и маралов Савин освоил сам, пытливо пробуя многие средства, и нашел наконец нужную технологию. Хорошо Савин и сапожничал. Смена берестяных калош на удобные легкие сапоги была, как видно, бытовой революцией, и Савин возгордился. Мелкими, но насущными ежедневными заботами стал пренебрегать – скажет: «Брюхо болит...» Живот у Савина в самом деле был нездоров. Но понять, где болезнь, а где капризы, в подобных случаях трудно. И уже тут можем мы усмотреть очаг напряженности.

Но главное было в другом. В делах веры он был куда «правее» старшего Лыкова и был нетерпим к малейшему нарушению обрядов, несоблюдению постов и праздников, подымал молиться всех ночью – «Не так молитесь!», «Поклоны кладите земные!» Богослужебные книги читал Савин хорошо. Библию знал наизусть. Когда уставшая возле лучины читать Наталья сбивалась или что пропускала, Савин из угла поправлял: «Не так!» И выяснялось: в самом деле не так.

Стал Савин поправлять и учить помаленьку слабевшего Карпа Осиповича, и не только в вопросах «идеологических», но и в житейских. И тут нашла коса на камень. Отец не мог позволить покуситься строптивому сыну на верховодство не только из самолюбия. Он понимал, какую жизнь устроит семье Савин, окажись он «начальником».

Геологи, знавшие Лыковых, говорят: был Савин невысокого роста. Бороденка, походка, самоуверенность делали его похожим на купчика. Был он сдержан, даже надменен со всеми, давая понять, кому какое место уготовано «там», перед судом божьим. За «своими» в поселке геологов Савин глядел в оба глаза. Именно он чаще всего говорил: «Нам это не можно!» И «вельми пенял Дмитрию за греховность в обращении с «миром». В последнее время Лыковы приходили в поселок лишь вчетвером. «А Дмитрий?» Дед уклончиво объяснял: «Дела у сына, дела...»

В прошлом году в октябре Дмитрий неожиданно умер. На Савина это сильно подействовало. «Болезнь живота» обострилась. Надо было лежать и пить «корень-рвень». Но выпал снег, а картошка не убрана. Отец и сестры замахали руками: «Лежи!» «Но упрямый был человек, все содеет противоречия ради», – горестно вспоминает отец. Вместе со всеми Савин копал из-под снега картошку. И слег.

Наталья села возле него. Не отходила ни днем, ни ночью. Можно представить положение этой сиделки возле больного в жилье, освещенном лучиной, среди тряпья, среди многолетней грязи. Когда брат умер, она сказала: «Я тоже умру от горя».

НАТАЛЬЯ

Она вместе с отцом и сестрою клала брата в замерзший снег «до весны». И свалилась без

сил и надежды подняться. Умерла она через десять дней после Савина, 30 декабря 1981 года, на сорок шестом году.

Геологи говорят, что Наталья с Агафьей были очень похожи. Сходство, я думаю, дополняла одежда и манера говорить в нос, сильно растягивая слова. Но была Наталья повыше ростом. Агафья называла ее «крёсная» (была сестра ей крестной матерью, а Савин крестным отцом).

Со смертью матери старшая дочь как могла старалась ее заменить. «Пообносились мы после маменьки сильно, но крёсная все-таки научилась ткать и шила всем «лопатинки».

Удел Натальи был шить, варить, лечить, мирить, жалеть, успокаивать. Получалось все это не так, как у матери. Наталья страдала от этого. «Крёсную слушались плохо. И все пошло прахом», – сказала Агафья.

У сестры на руках Наталья и умерла. «Жалко мне тебя. Одна остаешься...» – это были последние ее слова.

АГАФЬЯ

Первое впечатление: блаженный, отсталый умственно человек – странная речь, босая, в саже лицо и руки, все время почесывается. Но, привыкнув к речи и как следует приглядевшись, понимаешь: нет, с головой все в порядке! Отсталость у этой неопределенного возраста женщины, как сказали бы знатоки человеческой сущности, *социальная*. Мир, в котором росла Агафья, ограничен был хижинкой, огородом и кружочком тайги. Рассказы о мире родителей. Но что могли они рассказать, если и сами выросли на обочине жизни, были темны, суеверны и фанатичны.

Фанатизм у Агафьи не очень заметен. «Нам это не можно», – говорит она у костра, наблюдая, как мы попиваем чай со сгущенкой. Краешком глаза она посматривает на отца – «нет, не можно». Если бы снят был запрет, она, мне кажется, с удовольствием попила бы чаю, отломала бы даже кусочек плитки со странным названием «шоколад».

Через два дня я уже хорошо понял: Агафья не только умна, но человек она с чувством юмора и иронии, умеет над собой пошутить.

Агафья умеет шить, стряпать, владеет топором – этим летом срубила что-то вроде таежного зимовья на втором огороде, стол в хижине ею сработан. «А чего же не братья?» – «Их просишь, просишь, легче самой».

Если б Агафья заполняла своим «карандашом с трубочкой» какую-нибудь анкету, то нашла бы в ней место заметить, что человек она «не избяной», ее стихия – огород и тайга.

С Дмитрием вместе Агафья рыла ямы для ловли маралов, может зверя освежевать, она готовила и сушила над костром мясо. Знает Агафья повадки зверей, знает, «какую траву в тайге можно есть, а от какой умрешь». В позапрошлом году разрешила она задачку, которая не по силам оказалась даже и Дмитрию, знавшему «все, что бегают по тайге, как свои персты на руке». В яму попался зверь. В суматохе и в сумраке все решили, что это лосенок. Но когда опустили лестницу в яму – заколоть зверя, «лосенок» рявкнул. Савин и Дмитрий с недоумением разглядывали диковинку – такого зверя они не знали. И тут Агафья сказала: «Это польская свинья! Маменька, помните, говорила, что есть такие». И в самом деле – геологи подтвердили – польская (дикая, полевая) свинья, кабан то есть. Зашли кабаны в это место совсем недавно.

Имея прекрасную память, Агафья вместе с Савином вела очень важное для семьи дело – счет времени.

Сейчас заботы Агафьи умножились. Печь, огород, заготовка продуктов на зиму, разные мелкие хлопоты. Не теряет надежды поймать и марала – «мясца-то надо на зиму хоть малость».

В поселке геологов бывает Агафья охотно. «Это прямо как святой праздник. Уж так со всеми глаго олишь, глаголишь». Конечно, в этих беседах непременно кто-нибудь скажет: «Агафья, выходила б ты замуж. Вон какой парень у нас!» – и укажут обычно на красивого рослого Ваську-бурильщика. Агафья шутки вполне понимает. И отвечает всегда одинаково: «Нет, это не можно. Я Христова невеста».

Осторожно выясняя отношения в семье, мы с Николаем Устиновичем спросили Агафью: кто из братьев ей больше нравился? «Ми-тя! – аж вся просияла Агафья и вдруг поднесла к

глазам кончик дареного ей платка. – Ми-итя!»

Такова эта единственная зеленая веточка на усыхающем дереве Лыковых.

ДМИТРИЙ

На бумаге сейчас это имя я вывел с волнением: такое чувство, будто я знал и любил этого человека. В семье Лыковых он был особенный. Молился, как все, но фанатиком не был. Для него главным домом была тайга. Дмитрий вырос в ней и знал ее превосходно. Знал все звериные тропы, «подолгу мог наблюдать всякую тварь, понимал, что тоже, как и человек, она хочет жить». Это он, повзрослев, начал ловить зверей. До этого мяса Лыковы не знали и шкур не имели. Он знал, где стоит рыть ловчую яму, а где не стоит. В самодельный капкан он поймал даже волка. Превосходно зная повадки животных, он говорил: «Кабарга – зверь ленивый, весь путь ее по тайге с нашу тропку от реки к дому». Он знал, как ходок по глубокому снегу лось, а марала он мог преследовать целый день, догонял и закалывал пикой.

Вынослив Дмитрий был поразительно. Случалось, ходил по снегу босой. Мог зимой в тайге ночевать. (В холщовой «лопатинке»-то при морозе под сорок!) «Рыбу ловил, – рассказывают геологи, – стоя босым на камне посередине реки. Подымет одну ногу и стоит, как гусь, на другой».

Вся таежная информация стекалась к Лыковым через Дмитрия. Знал, где, что и с каким зверем случилось. Агафье показывал птенчиков рябчика, белок в гайне. «Гляди – четыре! Холодно, вот и собрались...» С первым, «добрым» медведем Дмитрий сходил, когда орешил, вплотную. «Нас опасался, а к Мите медведь вот так подходил», – Агафья дотянулась палкой до рюкзака.

Характер у младшего Лыкова был тихий и ровный. Спорить не любил. Савину скажет только: «Ладно тебе...» Любую работу делал охотно. Берестяные туеса почти все – его производства. И бересту заготавливал он. Знал, в какое время лучше всего береза ее отдает. Печь в доме сложена Дмитрием. Ступу сделал с пестом на упругом горизонтальном шесте – стукнешь, а кверху пест взлетает, как на пружине. Сделал Дмитрий станочек для кручения веретена, «морды» для рыбной ловли плел из хвороста – хоть на выставку!

В стане геологов Дмитрий бывал всегда охотно, хотя внешне радости не выказывал. Все осмотрит, рукою потрогает, тихо скажет. «Да...» Увидев на картонной стенке календаря картинку, спросил. «Москва?» И был доволен, что сам узнал город, о котором слышал не раз.

В постройке, где пыхтел дизель, Дмитрий почувствовал себя неудобно, заткнул уши, закрутил головой, не понимая связи между этим шумом и светом, горевшим в домах. Но какое впечатление произвела на него лесопилка! «Он просто остолбенел, наблюдая эту машину, – сказал Ерофей. – Пильщик Гоша Сычев сразу же стал для него самым дорогим человеком в поселке». Можно понять! Бревно, которое Дмитрий полотнил день или два, тут на глазах превращалось в красивые ровные доски. Дмитрий трогал доски ладонью и говорил: «Хорошо!..»

В октябре прошлого года четверо Лыковых пришли с обычным своим визитом. Попросили помочь им вырыть картошку. И сказали, что Дмитрий лежит больной. Неделю назад шел с горы под дождем и, не согревшись, стал помогать брату ставить закол на рыбу. Сейчас лежит в горячке и задыхается. Медик Любовь Владимировна Остроумова, попросившая подробно рассказать о болезни, сразу же поняла: воспаление легких! «Предложили лекарство, предложили на лодке доставить больного в поселок, сказали, что вызовем вертолет». Отказались: «Нам это не можно. Сколько бог даст, столько и будет жить».

Когда Лыковы в этот вечер (6 октября 1981 года) вернулись домой, Дмитрий лежал в приречной избушке на полу мертвым.

Схоронили его в кедровой колоде, под кедром же, в стороне от избушки.

Когда мы от Лыковых уходили, то постояли возле могилы, и я попросил Ерофея заглянуть в хижину. Она была заколочена. На правах «своего человека» Ерофей выдернул гвозди, и мы оказались в низкой, черной от копоти и холодной, как погреб, рубленой конуре. Все те же коробка с сушеной картошкой, с орехами и с горохом. Одежка из мешковины висела на гвозде, вбитом в стену. Бурого цвета стоптанные сапоги из кожи марала стояли у двери. На

окошке – огарок свечки, четыре фабричных рыболовных крючка, картинка от сигаретной коробки с изображением самолета...

– Где же он мог тут лежать?

– А вот где стоим, на полу.

Пол, как и в хижине наверху, пружинил от кедровой и картофельной шелухи, от рыбьих костей.

Мы с Ерофеем, люди немолодые уже, много всего повидавшие, вдруг вместе вздрогнули, представив, как тут, на полу, в щели между затхлыми коробами умирал человек.

Ерофей заколотил дверь. Подпер ее для надежности колом, и мы пошли к Абакану. Тут, у тропы по каньону, лежала долбленная, прикрытая берестой лодка, еще не вполне законченная.

– Дмитрий мне говорил, – вспоминал Ерофей, – что будет лодка – чаще будем видеться. Не всегда ведь вброд Абакан перейдешь...

Ерофей припомнил один разговор с Дмитрием в прошлом году как раз у этой вот неоконченной лодки. «Я сказал: ты замечательный плотник! Переходи к нам – люди нужны. И мы все тебя любим. Дмитрий поглядел на меня глазами, полными благодарности, но ничего не ответил. Я думаю, не случись эта смерть, он бы к нам мало-помалу прибился».

Житье-бытье

Сразу же надо сказать: где-то на середине тут прожитых лет глава семейства решил Савина и Дмитрия отделить – поставить для них избушку возле реки, в шести километрах от «резиденции». О причинах «раздела» разговор у нас не сложился. Но можно эти причины предположить. Во-первых, в одной избушке было тесно шестерым; во-вторых, не худо иметь форпост у реки и рыболовную базу; в-третьих, с Савином отношения становились все тяжелее; и наконец, возможно, самое главное: надо было предотвратить опасность кровосмешения, что было делом нередким в таежных староверческих сектах.

Избушку поставили у реки. Летом Савин и Дмитрий жили в ней, занимаясь охотой, рыбной ловлей, поделками, огородом. Сообщение между двумя очагами было почти ежедневным. Ходили друг к другу в гости – это как-то разнообразило жизнь. Но осенью братья перебирались в родовое жилище совсем. И долгую зиму коротали опять вшестером. Безделья тут не было. Борьба за существование властно требовала от каждого доли труда. И если даже срочной насущной работы на виду не было, Карп Осипович ее все равно для всех находил, понимая, что праздность была бы тут пагубной. «Тягенька руки сложивши посидеть не давал», – вспоминает Агафья.

Были тут праздники. В эти дни делали то лишь, что было необходимо, – печь истопить, воды принести, снег у двери почистить. Ранее мать, а после Наталья в праздничный день к монотонной картофельной пище добавляли что-нибудь из лабазных припасов – шматок мяса или ржаную кашу. Досуг по праздникам заполнялся молитвами с возвращением к читаным-перечитанным книгам, воспоминаниями о различных событиях, реденьких в этой жизни, как чахлые сосенки на болоте. Развлечением было рассказывать, что каждый видел во сне.

– Какой же самый интересный сон приснился тебе? – спросил я Агафью, полагая, что от вопроса она с улыбкой отмахнется. Но она серьезно подумала и сказала:

– Зимой раз цё мне приснилось – чудо! Кедровая шишка с нашу храмину размером... – Агафья сделала паузу, ожидая моего запоздавшего удивления. – Да, Митя из шишки той орехи топором выколупывал. И каждый – вот с чугунок.

Это была, как видно, классика сновидений, потому что и Карп в другом разговоре сказал: «Агафье однажды приснилась кедровая шишка, поверите ль – с нашу хибарку!»

Мир Лыковых был очень маленьким: хижина и пространство вокруг, измеряемое дневным переходом. Лишь Дмитрий однажды, догоняя марала, шел двое суток. «Ушел вельми далеко. Марал утомился, упал, а Дмитрий ничего».

В этот раз ради марального мяса вся семья совершила путешествие с двумя ночевками у костра. И этот поход вошел в ряд событий, которые вспоминали, когда, находясь в хорошем

расположении, разматывали клубочек прожитой жизни.

Узелками в этом клубочке были: эпопея с медведем; падение (без серьезных последствий) Карпа Осиповича с «кедры»; голод 61-го года; смерть матери; строительство хижины возле речки; год, когда обулись в кожаные сапоги, и день паники, когда вдруг потеряли счет времени... Вот и все, что вспомнили вместе отец и дочь.

Великим событием было появление тут людей. Для младших Лыковых оно было примерно тем же, чем стало бы для нас появление пресловутых «летающих тарелок», реально приземлились они где-нибудь возле Загорска или тут вот, в местечке Планерная, где я сижу сейчас над бумагой. Агафья сказала: «Я помню тот день. То было 2 июня 7486 года (15 июня 1978)».

События, которые мир волновали, тут известными не были. Не знают Лыковы никаких знаменитых имен, смутно слышали о минувшей войне. Когда с Карпом Осиповичем, помнившим «первую мировую», геологи завели разговор о недавней войне, он покачал головой: «Это цё же такое, второй раз, и все немцы. Петру – проклятье. Он с ними шашни водил. Едак...»

Заметили Лыковы сразу, как только были запущены, первые спутники: «Звезды стали скоро по небу ходить». Честь открытия этого записана в хронике Лыковых за Агафьей. По мере того как «скорых» звезд становилось все больше и больше, Карп Осипович высказал гипотезу, смелость которой Савином была осмеяна сразу: «Из ума выжил. Мыслимое ли говоришь?» А гипотеза шестидесятилетнего тогда Карпа Осиповича состояла в том, что это «люди измыслили что-нибудь и пускают огни, на звезды вельми похожие».

Что «огни» не просто пускаются в небо людьми, а сами люди кружатся в них по небу, узнали Лыковы от геологов, но снисходительно засмеялись: «Это неправда...» Между тем самолеты, высоко и даже сравнительно низко над тайгой пролетавшие, они видели. Но в «старых книгах» было сему объяснение. «Будут летать по небу железные птицы», – читал Савин.

Время текло тут медленно. Показывая часы, я спросил у Агафьи и Карпа Осиповича, как измеряют время они. «А цё измерять? – сказал Карп. – Лето, осень, зима, весна – вот тебе год. А месяц – по месяцу видно. Вон, погляди, уже ущербился. День же – просто совсем: утро, полдник и вечер. Летом как тень от кедры упадет на лабаз – то полдник».

Счет времени по числам, неделям, месяцам и годам имел, однако, для Лыковых значение наиважнейшее! Потеряться во времени – они отчетливо сознавали – значит разрушить строй жизни с праздниками, молитвами, постами, мясоедами, днями рождения святых, со счетом своих тут прожитых лет. Счет времени самым тщательным образом берегли. Каждый день начинался с определения дня недели, числа, месяца, года (по допетровскому счислению). «Жрецом», следившим за временем, был Савин. И вел это дело он безупречно, не ошибаясь. Никаких зарубок, как это было у Робинзона, Савин не делал. Феноменальная память, какая-то старая книга; проверка счета по рождению Луны и неперенные коллективные определения утром «в какой день живем» были частями этого житейского календаря. Не отстали, не забежали Лыковы в хронике жизни ни на один день! Это поразило геологов, когда они спросили при первой встрече: «А какое сегодня число?» Это поражает их и сейчас, когда встречаются они с Лыковыми.

«Лишь однажды, – рассказывает Агафья, – Савин испугался, что сбился». Это был день большой паники. Все вместе стали считать, сличать, вспоминать, проверять. Агафья, с ее молодой памятью, сумела схватить за хвостик чуть было не ускользнувшее Время.

С нескрываемым удовольствием Агафья объяснила нам всю систему учета бегущих дней. Но люди, привыкшие к справочной службе, часам, отрывным и табельным календарям, ничего, разумеется, не поняли, чем доставили милой Агафье вполне законное удовольствие.

О людях младшие Лыковы знали по рассказам-воспоминаниям старших. Вся жизнь, в которой они не участвовали, именовалась «миром». «Мир этот полон соблазнов, греховен, богопротивен. Людей надо таиться и бояться». Так их учили. Можно понять потрясение младших в семье, людей темных, но не лишенных способности размышлять, когда они увидели: люди, хоть и не молятся, а хорошие люди.

Надо отметить, геологи отнеслись к Лыковым не просто внимательно, но в высшей

степени бережно. Никакого оскорбления религиозного чувства, полное уважение человеческого достоинства, помощь, какая только возможна, участие в их заботах. Не стану перечислять всего, что было подарено Лыковым для отощавшего их хозяйства. Даже кошек и прятку из Абазы привезли сюда вертолетом.

У Лыковых появились искренние друзья. Я попросил Агафью и старика их назвать. Назвали: «Единцев Евгений Семенович – золотой человек... Ломов Александр Иванович – помоги ему бог, тоже хорошее сердце имеет». Сердечным другом Лыковых был наш проводник Седов Ерофей Сазонтьевич. С ним старик и Агафья советовались, просили о чем-то, уговаривали взять орешков. В числе друзей значится тут повариха геологов Надежда Егоровна Мартасова, которой Агафья исповедовалась во всем после смерти сестры, геолог Волков Григорий. «А помните ль тех четверых, что первыми к вам пришли?» – «А как же: Галя, Виктор, Валерий, Григорий! – в один голос сказали отец и дочь. – Поклон им, коли увидите!» Появление людей вначале Лыковы приняли как печальную неизбежность. Но очень скоро из молодых кто то робко предположил, что они «богом посланы». Савину и Карпу Осиповичу такое толкование событий понравиться не могло. На приглашение посетить лагерь не сказали ни «да», ни «нет». Однако скоро пришли. Сначала, правда, вдвоем: отец и Савин – разведать. А позже и все заявились. И стали являться часто.

С каждой встречей отношения все теплели. Было обоюдное жгучее любопытство. Геологи показывали «найденным людям» все, что могло их интересовать. Савин долго стучал по фанере ногтем, разглядывал ее с торца, даже понюхал: «Цё такое, доска не доска – вельми легкая и прочна». Бензопила, понятное дело, повергла всех в изумление. Лодку с мотором оглядели, ощупали, проплыть не решились, но с интересом смотрели, как лихо летела лодка против течения Абакана. Хозяйственный Карп Осипович, все оглядев, оценив по достоинству, счел нужным дать начальнику экспедиции тайный совет: «Повара прогони. Нерадив. Картошку чистит, не сберегая добра. И много харчей собакам бросает».

С собаками дружба не вышла у Лыковых. Добродушные, разноплеменные, готовые всякого обласкать, облизать, Ветка, Туман, Нюрка и Охламон никак не хотели признавать Лыковых, поднимали при их появлении лай несусветный. По этому лаю даже стали определять: не гости ли с гор? Бежали за мостик глянуть. В самом деле, гуськом, босые, в занятных своих одеждах, с длинными посошками шли Лыковы. Необычный вид этих людей и запах, очень далекий, конечно, от ароматов «Шанели», собак возбуждали, и стихали они «вельми неохотно».

В поселке есть хорошая баня. Топят ее почти ежедневно. Лыковым предложили попариться. Все наотрез отказались: «Нам это не можно».

В беседах, проходивших обычно живо и даже весело, однажды дело дошло до момента неизбежно-естественного. «Бросали бы вашу нору, перебирались бы к нам!» – сказала сердобольная повариха, считавшая долгом особо печься о Лыковых-сестрах. Все примолкли и повернулись к Савину. Даже дед поднял брови. «Им надо прясть и богу молиться», – сказал Савин.

Более к разговору на эту тему не возвращались. Но визиты взаимные не прекратились. Отношения становились теснее и дружелюбней. Возле реки у нижней избушки Ерофей показал мне «пункт связи» – берестяной шалашик под кедром. В нем когда-то геологи оставили глыбку соли с надеждой: возьмут. С тех пор шалашик служит для всяких случайных посылок. Вверх по реке поднимается кто-нибудь – в шалашик кладет гостинец. И в нем, в свою очередь, всегда находит берестяную упаковку орехов или картошки.

Оставшись вдвоем, Карп Осипович и Агафья, по словам Ерофея, «совсем обрусели». Откровенно говорить стали: «Без вас скучаем». А когда дошел до них разговор, что участок геологов могут закрыть, погрустнели: «А как же мы?» – «Да к людям, к людям надо вернуться!» – сказал Ерофей. – «Нет, нам не можно. Грешно. И далеко углубились, чтобы вернуться. Тут умирать будем».

Наши с Агафьей и стариком разговоры были обстоятельно долгими и для обеих сторон интересными. Вот любопытная часть разговора.

В день, когда плотничали, старик спросил:

– А как там в «миру»? Большие, я слышал, хоромины ставят...

Я нарисовал в блокноте многоэтажный московский дом.

– Господи, да что же это за жизнь – аки пчелы во сотах! – изумился старик. – А где ж огороды? Как же кормиться при такой жизни?!

Были в общении и маленькие проблемы... Об отношении Лыковых к бане, к мылу и к теплой воде я уже говорил. В хижине возле дверей и на дереве, возле которого мы разложили костер, висят берестяные рукомойники. Общаясь с нами, старик и Агафья время от времени спешили к этой посуде с водой и омывали ладони. Не от грязи, а потому, что случайно коснулись человека из «мира». Причем я заметил: мыть ладоней даже и не было, был только символ мытья, после чего Карп Осипович тер руки о портки чуть повыше колен, Агафья же – о черное после пожара платье.

Были у нас с Николаем Устиновичем некоторые трудности с фотографией. Ерофей предупредил: «Сниматься не любят. Считают – грех. Да и наши их одолели сниманьем». Все дни мы крепились – фотокамеры из рюкзаков не доставали. Но в последний день все же решились заснять избушку, посуду, животных, какие ютились возле жилья. Старик с Агафьей, наблюдая за нашей суетливо-вдохновенной работой в окошко из хижины, говорили сидевшему возле них Ерофею: «Баловство это...» Раза четыре «щелчки» случились в момент, когда старик и Агафья попадали в поле зрения объектива. И мы почувствовали: не понравилось старику. И действительно, он сказал Ерофею: «Хорошие, добрые люди, но цё же машинками-то обвешались...»

Когда мы взялись укладывать рюкзаки, Карп Осипович и Агафья опять появились с орехами – «возьмите хоть на дорогу». Агафья хватала за край кармана и сыпала угощение со словами: «Тайга еще народит. Тайга народит...»

Перед уходом, как водится, мы присели. Карп Осипович выбрал каждому посошок – «в горах без опоры не можно». Вместе с Агафьей он пошел проводить нас до места, где был потушен пожар.

Мы попрощались и пошли по тропе. Глядим, старик и Агафья семят сзади – «еще проводим». Проводили еще порядочно в гору – опять прощание. И опять, глядим, семят. Четыре раза так повторялось. И только уже на гребне горы двое нас провожавших остановились. Агафья теребила кончик дареного ей платка, хотела что-то сказать, но махнула рукой, невесело улыбнувшись.

Мы задержались на гребне, ожидая, когда две фигурки, минуя таежную часть дорожки, появятся на поляне. Они появились. И, обернувшись в нашу сторону, оперлись на посошки. Нас видеть они уже не могли. Но, конечно, разговор был о нас.

– До зимы теперь разговоров, – сказал Ерофей, прикидывая, когда сможет еще навестить это не слишком людное место. – Люди же, люди – жалко!

Тропинка довольно круто повела нас вниз, к Абакану.

* * *

Поставлена точка в рассказе. Отодвинув стопку бумаги, гляжу в окно: идет почтальон. Мне письмо. От кого же? Оттуда, от Ерофея!

Пишет Ерофей, что все в порядке у них в Абазе и в дальнем таежном поселке. Бурение идет своим чередом. Крючки, посланные из Москвы на всю братию рыболовов, получены. Лес в пойме у Абакана стоит уже золотой. Все живы, здоровы, шлют привет, вспоминают. Главные новости две: «Поставили телевизор в поселке и приходили в гости дед Карп и Агафья».

Телевизор, как написал Ерофей, «сигнал берет прямо со спутника, видимость – во!». Но поставили эту новинку уже после прихода Агафьи и деда. То-то они бы поохали: это цё же измыслили! Жили они в поселке три дня. Попросили помочь – вырыть картошку. «Поможем! И со стройкой поможем. Мы их тут называем „подшефные“. Едак!» – ввернул Ерофей под конец лыковское словцо.

Хорошая весть. Она вдохновила меня сочинить Лыковым письмецо. Исписал две страницы усердно крупными буквами. Попросил в письме Агафью и меня порадовать таким же писаньем. Заклеил конверт, и впору смеяться: адрес «на деревню дедушке» в этом случае слишком точен. Дедушка есть, а деревня? Послал Ерофею с просьбой о передаче по назначению.

Представляю, как долго будет идти письмо. Самолетом – до Абакана, потом почта его отвезет в Абазу. Там Ерофей положит письмо в боковой карман теперь уже зимней спецовки и «антоном», меняющим вахту буровых мастеров, улетит к далекой таежной точке на Абакане.

Не тотчас к Лыковым Ерофей соберется – дела, и не рядом живут. Пойдет, наконец, не один – с товарищем, уже по снегу и когда Абакан можно будет по льду перейти.

Представляю путь в гору. Альпинистом тут быть не надо, но все же нелегкое дело – занесенной тропой...

Зимой избушка особенно одинока. Дымок струится из трубы в стенке. Постучат гости в дверь: живы?! Карп Осипович, лежавший на печке в валенках, вскочит немедленно: «Ерофей!» Агафья захочет, запоет своим голоском: «А мы жде-ем, жде-ем!» Ну, то да се. Орехи обязательно – в угощение пришедшим. И тут Ерофей говорит: «А вам письмо из Москвы!» – «Цё, цё? – скажет Карп Осипович. – Ну-ка, Агафья, лучину!» Нет, в честь гостя будет зажжена свечка, Агафья станет водить по строчкам испачканным в саже пальцем – читать мой листок таким же голосом, каким читает она «Отче наш».

Ерофей скажет, что надо бы человеку ответить на письмецо. Старик, подумав, может с ним согласиться: «Едак-едак, надо бы отписать!» А уж если будет сказано так, то Агафья возьмется за «карандаш с трубочкой». И следует ждать мне письма с печатными старославянскими буквами. Как будто из XVII века письмо.

Сентябрь 1982 г.

Год спустя

И вот опять Абакан. Лечу, подмываемый собственным любопытством с наказом читателей, близко к сердцу принявших все, что было рассказано в прошлом году о семье Лыковых, с наказом: «Непременно там побывайте, мы ждем».

В спутниках у меня опять Ерофей и еще земляк-воронежец, начальник управления лесами Хакасии Николай Николаевич Савушкин, летящий отчасти из любопытства, отчасти по моей просьбе, связанной с житьем-бытьем «робинзонов». Погода неважная. Вертолет скользит по каньону, повторяя изгибы своенравной реки. Чем ближе к истоку, Абакан становится уже, все чаще видишь по руслу завалы бревен. Вот уже «щеки» – две высоченные каменные стенки, между которых упруго льется вода. Поворот от реки в гору, и мы уже над знакомым болотцем. Так же, как в прошлом году, кидаем из зависшего вертолета мешки, следом прыгаем сами. Знак рукой летчику – и привычный мир жизни вместе с утихающим грохотом исчезает.

Находим тропу от болотца, идем по ней минут сорок. По случайному совпадению – тот же июльский день, что и в прошлый приход. Но начало этого лета было холодным. И там, где видели ягоды, сейчас пока что цветы. Запоздало пахнет черемухой. Картошка на лыковском огороде только-только зазеленела. Робко синее полоска ржи. Горох, морковка, бобы – все запоздало ростом едва ль не на месяц.

Возле хижины шаг замедляем... Перемены? Никаких совершенно! Как будто вчера мы стояли под этим вот кедром. Тот же дозорно настроженный кот на крыше. Та же птица оляпка летает над пенным ручьем. Мои забытые кеды с подошвой из красной резины лежат под елкой.

Окликать в этот раз хозяев нам не пришлось – в оконце увидели наш приход. Оба, как большие серые мыши, засеменили из темной норы навстречу.

– Ерофей, Василий Михайлович!.. – Радость искренняя, такая, что полагалось бы и обняться. Но нет, приветствие прежнее – две сложенные вместе ладони возле груди и поклон.

И сразу же оба захотели предстать пред гостями в незатрапезном виде. Карп Осипович тут же, скинув валенки, надел резиновые сапоги, затем нырнул в дверь, вернувшись в синей, помятой, но чистой рубаше, и, достав из-под крыши, надел одну из трех нанизанных друг на друга войлочных шляп, доставленных кем-то из щедрых дарителей. Из бороды старик вынул пару соломинок и придал ей двумя пятернями подобающий случаю вид.

Агафья тем временем облачилась за дверью в темно-бордовую до пят хламиду, сменила платок и тоже надела резиновые сапоги.

Красный ковер гостеприимства в виде ржаной прошлогодней соломы был приготовлен нам в хижине. Тесная закопченная конура заметно от этого посветлела. И даже воздух в ней

полегчал. Хозяева это вполне понимали. Им было приятно позвать нас под крышу. Агафья явно ждала похвалы. И приняла ее благодарно, ухмыляясь по-детски в кончик дареного прошлым летом платка.

На этот раз я привез им главным образом то, что прислали «для передачи в тупик» сердобольные наши читатели. Шерстяные носки, материя, чулки, колготки, плащ, одеяло, шаль, варежки, кеды – принято все с благодарностью, с просьбой «отписать за милость всем добрым людям». Продуктов, кроме крупы, Ерофей посоветовал не везти. Крупу они взяли. «Это рис, – заглянув в мешочек, сказала Агафья. – А это цё же?» – «Это, – говорю, – тоже рис, другого сорта, вьетнамский». – «Тятенька, погляди-ка, рис, а чудной – «палочки...»

Всего более старика обрадовала связка в пять дюжин добротных свечей и фонарик. К свечам тут успели привыкнуть и уже в них нуждались. Фонарик вначале возбуждал необычным своим свечением подозрение.

– Машинка... – сказала Агафья, подозревая в железной коробочке фотокамеру.

Старик же не испугался потрогать кнопку, осветил в печку, под лавку, в стоявший возле постели валенок и, к нашему удивлению, не сказал обычного «это не можно». «Бог вразумил измыслить такое. Ночью-то славно, раз – и зажег».

Не принят был последний из наших подарков. Один из наивных или, может быть, хитроумный читатель газеты прислал в конверте десятку денег – «для Лыковых».

– Цё такое – бумажка... – отпрянула в угол Агафья.

Все вместе попытались мы объяснить, что значит эта бумажка.

– Мирское... – осветил фонариком на десятку старик. – Уж сделайте милость, спрячьте, для нас греховное это дело.

Такой была встреча.

* * *

Ужинали... Мы ели у костерка в окружении кошек, истосковавшихся по мясным запахам. Агафья с отцом торжественно у свечи вкушали кашу из вьетнамского риса. К совету – положить в кашу принесенного в дар медку – прислушались.

– Райская еда, – сказал старик, собирая в щепотку с коленей зернышки риса. – И для брюха, чую, – истинный праздник.

Услышав жалобы на живот, Николай Николаевич с Ерофеем пропели гимн меду и заодно молоку.

– Ведомо, ведомо... – согласился старик грустновато. Но вдруг встрепенулся; – Имануху (козу) можно, поди, вертолетом сюды? – Но сам же пресек внезапную вспышку фантазии. – Имануха... А ить козел эшш нужен, без козла какое же молоко...

Разговор вечером был о том, главным образом, как жили с прошлого года, как зимовали. И все касалось еды, одежды, тепла.

Картошка в прошлом году уродилась хорошая. Но в первые дни сентября выпал снег – пошли к геологам, попросили помочь. Те немедля пришли. Картошку выбрали всю – двести пятьдесят ведер. Собрали также тридцать ведер репы и редьки, пять ведер ржи, мешок гороха в стручках, морковь. Осень, рискуя простыть, старик ловил рыбу и добыл два ведра хариусов. Но впервые жили совершенно без мяса. Старый сушеный запас, сделанный еще Дмитрием, вышел, нового сделать не удалось. Агафья насторожила три ловчие ямы, «но ништо не попалось».

Зима, по словам старика, была нехорошая, мокрая, долгая. Сидя лишь на орехах, картошке, ржаной похлебке, репе и редьке (рыба кончилась в январе), «вельми ошадали». В марте, зная, что рыба в это время не ловится, старик спустился все же к реке и неделю провел у воды с удочкой, изловив одну случайную «рыбицу чуть побольше ладони».

Появляясь в поселке геологов, «таежники» твердо, однако, держались своих запретов – ни хлеба, ни мяса, ни рыбы, ни каши, ни сахара! «Не можно» – и все тут.

И все же первый маленький шаг к запретному сделан. Ерофей с поварихой уговорили их взять, кроме соли, еще и мешочек крупы. Отношения с богом в таежной избе из-за гречки, как видно, не осложнились. В очередной приход не упрямылись, взяли пшено и перловку. Потом

Ерофей познакомил их с рисом.

Агафья выглядела сейчас здоровее, чем в прошлое лето, хотя то и дело жаловалась на боль в руке. Лицо из мучнисто-белого стало у нее смугловатым.

– Морковку любишь? – спросил я, проверяя предположение насчет каротина.

Заулыбалась. Поняла как намек, побежала с берестяной посудой в погреб.

Карп Осипович за год заметно сдал. Ссутулился, тише стал говорить – слышать его можно, лишь сидя в двух-трех шагах. Озабочен видами на урожай таежный и огородный. Картошка обильной быть не сулила. Зато хороший в этом году урожай в кедрачах. Но тоже забота – как орешить? «Я на кедру влезть уже не могу. Агафья боится – ну как рука онемее?» Колотом бить? Раньше не били, берегли кедры, теперь же и силы для колота нет. Ерофей ободряет: «Поможем!» Помощь старик, привыкший к жизненной автономии, принимает как терпимую крайность. Но эта крайность на виду у него разрастается, становится неизбежностью. И что поделать? В вечерней молитве помянул во здравии Ерофея, и «деток его», и многих людей из «мира», от коего хоронился и без которого, теперь уже ясно, долго не протянул бы.

После беседы с богом старик поменял гостевую рубаху на затрапезную, снял сапоги и, кряхтя, водворился на травяную постель у печки. Умолкла в своем уголке и Агафья.

Стеариновая свеча, пока не спим, не потушена. Самое светлое место в избенке – пол, покрытый соломой. На ней мы втроем устроились на ночь, положив в головы мешок с прошлогодним немолоченым горохом...

Некрепок был сон. Стонала от боли в руке Агафья. Старик в практическом деле проверил лежавший у него в изголовье фонарик. Освещая себе дорогу около спавших, он скрипнул дверью... Вернувшись, несколько раз включал-выключал дареную штуку, проверял надежность необычного света.

А проснулись мы утром от ударов кресала о кремень – Агафья испытанным способом добывала огонь для печи.

Не терпелось, понятное дело, узнать: ну а как «мирская» волна любопытства и сострадания к этому аномальному закутку жизни докатилась сюда? И как ее приняли? Кое-что в письмах и по дороге сюда Ерофей мне рассказывал. «Парадный прием», оказанный нам, тоже кое о чем говорил. И все же?

– Карп Осипович, видели вы газеты с рассказом о вашей жизни?

– Как же, как же, Ерофей в аккуратности все передал.

Старик ведет меня к поленице, сложенной под навесом избы, достает лежащий между поленьев бечевкой перевязанный круглячок – прошлогодний, уже пожелтевший комплект «Комсомолки».

– Сумели прочесть?

Старик простодушно сказал, что нет, не сумели. «Будто бисер – писанье. Глаза от натуги слезятся». По той же причине, а также по «непонятности слов» не осилила в «миру» нашумевшую публикацию и Агафья. Место хранения газет и два-три нечаянных слова дают основание думать: сочли греховным читать. Но содержание «жития» им было, как видно, в подробностях пересказано. «А маменька-то на кедру не лазила. Боялась», – смеясь, уличила Агафья меня в неточности.

– Люди знают теперь, как живете...

Обстоятельство это, как видно, тут обсуждалось, и было, наверное, найдено: ничего дурного в том нет.

– Родня у нас отыскалась... – Теперь Агафья, тоже из поленицы, достала пожелтевшую, изрядно помятую фотографию. На снимке – две женщины и два громадного роста бородача. Оказалось, нашлись у Агафьи двоюродные братья по матери.

– Поди, и жить зовут к себе в Шорию?

– Едак, едак, зовут. Да нам-то не можно. Мирское житье-то у них.

– А фотографии отчего же в дровах? В избе-то лучше бы сохранились.

– Не можно! – сказал старик. – С божественным ликом под единою крышей это держать не можно.

Вот такие оказались дела с печатным «бисерным» словом и со всякими ликами. Чтобы к этому больше не возвращаться, полез я в рюкзак, достал подарок, который вчера не спешил

отдавать. В картонном пакете упакованы были снимки и номер журнала «Советское фото» с рассказом о том, как непросто было тут с фотокамерой. Рассчитывал, что увидят карточки и поймут: ничего страшного. И можно будет тогда их как следует поснимать. Отдельно и очень старательно, с негатива геологов напечатал я снимки умерших: Натальи, Дмитрия и Савина. Показываю фотографии одну за другой. И вижу на лицах Агафьи и старика великое замешательство – не знают, как быть. С одной стороны – дорогие близкие лица, с другой – богопротивное дело: лик на бумаге. Чувствую, путь к фотосъемке это дарение мне не открыло. Аккуратно собрал все в пакет: «Ваше. Делайте, что хотите». Наутро увидел пакет завернутым в бересту. И где же? Все там же, в дровах под навесом.

А вот потрепанную «Псалтырь», присланную мне какой-то старушкой с просьбой «Лыковым, прямо в руки», старик и Агафья сейчас же понесли в хижину и битый час у свечи читали, сличали со своей, «истинно христианской» «Псалтырью» и нашли, что книга «испоганена никонианством».

– Много, я вижу, расплодилось никониан, – философски заметил Карп Осипович во время спокойной беседы, – много...

Чувствовалось, в ряды никониан относит он также и нас с Ерофеем, Николая Николаевича, представленного ему «начальником над лесами», геологов, вертолетчиков, всех, кого знал...

– Идеино крепок, – пошутил Ерофей у костра, вспоминая эту беседу. – Вы, мол, пишите и говорите, а наше дело с Агафьей картошку сажать да молиться двумя перстами...

– Карп Осипович, вот вы говорите: «никониане...» А ведь люди-то не дурные, помогают, добра вот всякого понаслали...

– Едак, едак, – искренне согласился старик. – Сердцем не очерствели. Нас, грешных, жалеючи, много всего прислали, без меры много.

Хижина Лыковых похожа была в это лето на некий таежный перевалочный пункт. Казалось, вот-вот нагрянет сюда трудовая артель, возьмет молотки, топоры, лопаты, гвозди, рубанки, куртки, плащи, сапоги и примется тут за работу. Навес у избы буквально забит был подарками, пришедшими в адрес: «Абаза, Ерофеем, для Лыковых». Ерофей все сюда добросовестно переправил, даже керосиновую лампу, даже ожерелье из янтаря (тоже хранилось в дровах).

– А это цё же такое? Забава или нужное цё? – спросила Агафья, вынув из берестяного хлама вишневого цвета зонтик.

Я показал, как этот прибор открывается, рассказал, для чего он может годиться. Взяв в руки зонтик, Агафья весело захихикала, вполне понимая, что выглядит с этой штукой из «мира» очень забавно...

Телевизор – особая тема в этом рассказе. У геологов он появился в прошлом году, и можно представить, с каким нетерпением ожидали очередного прихода в поселок Агафьи и старика. «Зрелище было двойное, – вспоминает сейчас Ерофей. – Для Лыковых – телевизор, для всех остальных – у телевизора Лыковы».

Все было им интересно: поезд идет, комбайны в полях, люди на городской улице («Господи, много-то, как комаров!»), большие дома, пароход. Агафью взбудоражила лошадь. «Конь! Тятенька, конь!» Лошадь она ни разу не видела, но представляла ее по рассказам. И вот рассказ подтвердился. Старик же заерзал, когда по реке летела «Ракета». «Баско, баско! (хорошо, значит) Вот это лодка!» Увидев на сцене самодеятельность кубанских казачек-старушек, Карп изумился: «Э-э, греховодницы. Молиться надо, а они пляшут». В ужас Агафью повергла встреча боксеров. Вскочила и убежала. И можно это понять: полуголые мужики дубасят друг друга огромными кулаками, а кругом люди.

«Греховное дело», – сказали о телевизоре дочь и отец. Однако сей грех оказался для них непреодолимо влекущим. Изредка появляясь в поселке, непременно садятся и смотрят. Карп Осипович садится прямо перед экраном. Агафья смотрит, высунув голову из-за двери. Прегрешенье она стремится замалывать сразу – пошепчет, покрестится и снова высунет голову. Старик же молится после, усердно и за все разом.

Были у меня поручения двух московских друзей. Историк просил разузнать поприлежней, как Агафья «держит за хвостик время». «Все ты можешь и не понять, но вот ориентиры:

пользуется ли она термином «вручилето»? В ходу ли понятие «солнечный круг»? Книгами в помощь могут ей быть «Устав» и «Псалтырь».

Все я старательно расспросил. И Агафья приложила уйму изобретательности, чтобы мог я понять ее непростое искусство жреца-хроникера. Не понял! Но другу публично сейчас сообщаю: книги и термины – те самые, во внимание также берутся сроки рождения Луны. Все вместе, как в нашем разговоре предполагалось: счет времени допетровский.

Из Института русского языка мне прислали большую, на трех листах, инструкцию, как улавливать тонкости говора, и просили запоминать слова необычные, непонятные. Улов мой, признаюсь, ничтожен – уместится в двух-трех строках: имануха (коза), лопатинка (одежда), баско (хорошо, славно), храмина (дом), ланись (прошлым летом), путики (грибы сыроежки)...

Кое-что выяснил для себя. Огороды свои Лыковы удобряли – сжинали таежные сочные травы и не сушили их, а в кучках гноили. Домашних животных не держали, потому что «не было племя». Семена у картошки за сорок лет с лишним ни разу не обновлялись, но картошка продолжает превосходно расти, хорошо сохраняется и вкуса отменного.

«Как лечили Лыковы зубы?» – просил узнать один из наших читателей. Агафья сказала: «Молитвой. Если молитва не помогала – держали открытый рот над горячей картошкой». Спросил о вырывании зубов. Этот вопрос не поняли – «зачем вырывать зубы?» «Есть ли в здешней тайге русалки, лешие, ведьмы?» Старик и Агафья серьезно посоветовались и сказали: «Ни разу не видели». Сожалеют или радуются, что встретили людей? «Поначалу так было боязно. А сейчас нет. Без людей пропадем». Почему бы не двинуться к людям поближе? Ведь предлагают геологи вблизи от поселка срубить избу, помогут и с огородом. «Нам это не можно...»

После этой беседы Агафья сходила в избу и вернулась с ружьишком – старенькой, перебинтованной изолентой «тулкой» двадцать восьмого калибра. Ружьишко прислал отец Ерофея – «примите как милостыню». Агафья подарок уже опробовала. «Принесла двух рябцов», – похвалился старик.

– А чего бы тебе самому не стрельнуть? – сказал Ерофей.

Карп Осипович загорелся. Стали искать, во что бы стрельнуть. И я укрепил на пенечке старый кед подошвой к стрелку.

Старик целился так усердно, так долго, как будто от этого зависела его жизнь... Выстрел грянул. Сунув ружье Ерофея, старик побежал к мишени, как бегут за добычей. (Больно видеть, как бегут старики – туловище вперед, а ноги не успевают.) Подняв кед, Карп Осипович воткнул в дырку палец – попал! Бородатое лицо сияло, как у ребенка. Легко понять эту радость, когда человеку девятый десяток.

Синий пахучий дымок опустился над огородом. Агафья тоже хотела стрельнуть. Поколебавшись, не стала – «зелье (порох) надо беречь».

– Все на ней – печь, огород, охота и плотницкие дела. Я-то годен теперь только рыбицу половить, – со вздохом сказал старик вслед уносившей ружье Агафье.

* * *

Кручина главная у Лыкова-старшего – новая хижина. Постройка по настоянию отца начата была сыновьями. (Агафья: «Митя с этим делом-то надорвался».) Сейчас, с помощью приходящих, сруб избенки готов. Но далее дело подвигается медленно. Своими силами, Лыковы убедились, сделать что-либо уже не смогут. Сенцы, кое-как возведенные, тут же разъехались, покосились, а нужна еще крыша, пол, печь (где возьмешь тут кирпич?), таежный участок для огорода возле избы корчевать еще надо – работа для сильных и молодых.

– Зачем вам эта храмина? – спросили мы старика прямо. – Остаток сил вгоните, а жить-то кому?

Старик ответил в том смысле, что много трудов, мол, положено, жалко бросать. Но, оказалось, есть и еще причина печься о новой избенке тут, на горе. Судьба Агафьи не дает старику спать спокойно. И в невеселых думах своих выносил он надежду залучить кого-нибудь на житье – вот изба, мол, готовая.

И ведь явился сюда весною неведомый прохиндей из тайги. «Крестился, христианином

назывался, – сказал с отвращением старик, – дрова пилил и сладкие словеса источал». Но прояснилось: выведывал «христианин», нет ли тут золотишка или собольих шкур. Убедившись, что, кроме копоти в хижине и запаса картошки, Лыковы ничего не имеют, соискатель руки Агафьи исчез, не причинив хозяевам, правда, никакого вреда. «Нехороший был человек. Когда ушел, мы на коленях господу богу благодарили...»

– Не лучше ли прекратить непосильную стройку и, коль старая хижина обветшала, переселиться к реке в избенку, что поновее? Печь там готовая. Река – близко. Тепла огороду больше. И главное – люди поближе. В беде ли, в радости – вот они!

Николай Николаевич, Ерофей, я, неожиданно и Агафья идею эту горячо поддержали. Но хозяин качал головой:

– С умом и праведно говорите. Но как же бросить – сил-то, сил-то положено...

Полдня мы сидели у сруба, обсуждая проблему и так, и эдак. Противоборство было – один к четырем. Все здравые доводы были на стороне большинства. Но старик не сдавался: «не можно бросить»...

Вечером говорили на разные темы. Но чувствовалось, «избяная» проблема грызет старика. Всю ночь он ворочался. Раза три принимался молиться, вздыхая тяжело, почти как всхлипывал. А утром сказал, что пойдет с Агафьей нас проводить до реки – «поглядим на избушку и там все решим».

Дорога под гору с посошками и с разговорами в этот раз показалась недлинной.

Внизу все вместе, сняв шапки, постояли у холмика, под которым покоился Дмитрий. Могила уже заросла иван-чаем. Почти вплотную к этому месту подступал картофельный огород. Увидев зеленое буйство ботвы, Карп Осипович заметно и сразу повеселел. Ухватисто сунул в борозду руку, вынул обильную завязь.

– Да, тут у речки заметно теплее...

Хибарка у этого огорода от той, наверху, мало чем отличалась, но была поновее. Мы всю как следует ее оглядели. Николай Николаевич вместе с хозяином простукали бревна, установили, где надо подправить крышу:

– Я обещаю прислать сюда плотников. Они прирубят к избенке хорошие сенцы. Снесете в них свои короба, а в избе живите себе на здоровье.

Еще Николай Николаевич обещал вертолетом забросить на поляну возле избенки сосновые брусья, сделав смерок для рамы, для новой двери.

Агафья радости не скрывала. Старик тоже заметно обрел душевное равновесие:

– Чем же за милость вашу благодарить?..

Николай Николаевич улыбнулся:

– Молись, чтоб пожаров в тайге поменее было.

– Эдак, эдак, будем бога просить, – с готовностью и серьезно отозвался старик.

Меня он усадил на бревнышке рядом:

– Василий Михайлович, а как нам с рыбицей быть?.. (Старика беспокоили, видно, дошедшие разговоры о правилах рыболовства на Абакане.) Нам-то без рыбы никак не можно...

Я сказал: «Карп Осипович, ловите столько, сколько можете изловить». С «начальниками в Абазе» я обещал непременно поговорить. И убедил старика, что просьбу его поймут и уважат.

* * *

... И настала минута прощаться. Лодка от тяжести севших в нее дном опустилась до гальки. Провожавшие мигом забрели в воду, поднатужились. И вот уже лодка свободна. Мотор заводить не спешили. Еще минут пять шел незначительный вроде, но важный на прощание разговор.

И вот мы уже на середине реки. Слов уже не слышать. Только руками делаем знаки... Уж поворот. Оглянулись – стоят две фигурки в воде, опираясь на посошки, и смотрят нам вслед.

Все это было в июле. Я после странствовал по Сибири. Садясь за отчет о поездке на Абакан, позвонил в Красноярск, к людям, навестившим Лыковых позже.

– Что там и как?..

– Все идет своим чередом. Мы были с врачом-ученым. Ну, сами знаете, пришлось

засучить рукава. Напилили порядочно дров. Починили нижний лабаз для хранения орехов. Не поверите, в этот раз дали врачу себя осмотреть! Все, как полагается, – пульс, давление, работа сердца. Состояние – в пределах возрастной нормы. Агафья согласилась полечить руку – приспособили стеарин от свечей. Объяснили, как это делать в дальнейшем...

– С избой не пошли на попятную?

– Нет. Решение жить у реки укрепилось. На бревна спилили три кедра. С вертолета бросили им «столярку» – брусья и доски. Ребята-плотники пока не были. Но старик обнадужен – сушит мох для пазов, взялся расширять огород. Очень рада переселению Агафья. У реки потеплее, рыбалка ближе. И ближе люди! Важность этого Лыковы теперь хорошо понимают...

Такие вот вести абаканского тупика.

Август 1983 г.

Еще одно лето...

В череде происшествий, случаев, дел и событий не забыли наши читатели Лыковых.

– Как они там? – спрашивают при встрече знакомые и незнакомые люди.

В редакции письма с тем же вопросом. Посылки. Харьковчанка Алла Лукинична Корочанская прислала деньги: «Купите коз, пусть попробуют молока». Ну и более всего просьб: расскажите, что там сейчас. Самому мне тоже было до крайности интересно: что сейчас? Теревил Ерофея, попросил разузнать: как отнесутся, если с козами появиться? Ответил: «Старик обрадовался, но, конечно, смущен – „беспокойство великое людям“ – и не уверен, справятся ли со скотиной. Однако раза три в разговоре к молоку возвращался».

И вот сию в вертолете, летящем над Абаканом. В машине четыреста килограммов железа – замки для бурильных станков, в качестве пассажиров – я, козел Степка и сильно страдающая в полете молодая козочка Муська.

Коз я купил накануне на лесном кордоне в тридцати километрах от Абазы. Хозяйка сказала: «Лыковым?.. Выбирайте». Я выбрал бывалого, с репьями в чубе Степана и кругленькую, на сносях, Муську. Муська в тот же день разрешилась козленочком. Его, напоив молоком, отправили на кордон. Муське, окружив ее всякой заботой, дали денек отдохнуть. И вот путешествие. Степан с тупым любопытством глядит в иллюминатор на проплывающие снежные вершины сопки. Муське не до красот. Тряска и высота ее изнуряют – лежит пластом. Полет из-за этого кажется долгим. Но вот садимся у поселка геологов. Среди встречающих – Ерофей: «И вправду козы!»

Выгружаем железо и, приняв на борт Ерофея, взлетаем. От геологов до плоской болотины на горе четыре минуты полета. Зависли. В болотную траву летят вещевые мешки, коз передаем из рук в руки.

По знакомой дорожке к жилью недавно прошел медведь – следы и помет. Козы рвутся. Не ведем, а тащим их по тропинке. Проблема особая – переход по бревнам через ручьи. Ерофей решает все просто: берет коз в охалку и, подобно цирковому медведю, идет над ручьем.

Необычный подарок решаем вручить не сразу. Привязываем коз к черемуховому кусту на краю огорода и появляемся у хижины в тот момент, когда Агафья добывает кресалом огонь для костра.

– Тятенька, Ерофей и Василий Михайлович! – кричит она в открытую дверь хижины. И вот уже оба, радостные и немного растерянные, стоят у порога. Услышав вертолет, они поняли: будут гости. Как и в прошлом году, видим парадный наряд – резиновые сапоги на обоих, синего цвета рубаха на старике, на Агафье мешковатое подобие сарафана.

Перед хижинкой на шесте растянут дареный кем-то красный платок.

– Агафья, да ты модницей стала...

Оказалось, красным платком отпугивают медведя.

– Все время тут бродит. Вчерася вон там на поляне явился. Ну я скорее торкать в железо. Ушел.

Карп Осипович показал, как он торкал (бил по железу). И мы присели обменяться первыми новостями.

Главная здешняя новость – переселенье к реке. Мой прошлогодний спутник, начальник

лесного управления Хакасии Николай Николаевич Савушкин, выполнил обещание сделать к нижней избушке пристройку. Пятеро ребят из лесной пожарной охраны добровольно с неделю стучали у реки топорами.

– Благодарение людям, дивная вышла пристройка! Все ладно, плотно, добрая дверь, окошко. Жилье – ишо на целую жизнь...

Переселение к реке было намечено в прошлом году. Уже переправлен вниз кое-какой инструмент, богослужебные книги, горох, часть запасов ореха. Но картошку в прошлом году копали уже из-под снега – некогда было вниз перетаскивать, зазимовали по-прежнему на горе. В этом году решение твердое: на зиму – вниз. Погода переход ускоряла. Из-за позднего лета тут, наверху, огородные грядки еще без зелени. Еще только-только зацвел багульник, и бурно таял снег на гольцах – ручей вспучился, вода подступала к самой избушке...

Агафья, уходившая мыть картошку, вернулась, загадочно улыбаясь:

– Там иманухи...

Козы бляением обнаружили свое присутствие, и Агафья уже успела их разглядеть. Страх, радость и любопытство выражало ее лицо – появление у дома скотины в ее жизни было событием очень большим. Карп Осипович тоже весь встрепенулся, увидев, как Ерофей тянет из кустов упирающихся коз.

Подарок этот Лыковы втайне ждали, но все же он их озадачил. Они не знали, как к нему подступиться и что для начала с ним делать. Козы вполне отчетливо, видно, поняли, какое место для жизни уготовила им судьба. Степан вдруг рванулся и с веревкой на шее кинулся вверх огородом к тайге. Однако вовремя образумился – куда бежать? Бляение Муськи остановило его окончательно. Ерофей поймал Степана и привязал на поляне к тонкой осинке. Туда же отвели Муську.

Никогда не думал, что когда-нибудь мне придется быть инструктором по доению коз. Но медлить было нельзя. Муська кричала оттого, что маленькое вымя ее распирало от молока. Выслушав теоретическую часть доения, Агафья, слегка растерянная, принесла из хижины миску.

В детстве во время войны, в отсутствие матери, раза два козу я доил. Будь коза сейчас старой, урок доения упростился бы. Но все для всех было сейчас в новинку. Карп Осипович, которого я попросил держать козу за рога, от волнения сел. Я с посудой пристроился около вымени. Муська, не зная, что замышляют с ней делать, брыкалась, бодалась, ухитрилась боком толкнуть Агафью. Все же брызнули в миску молочные струи. Муська, понявшая, что операция приносит ей облегчение, несколько успокоилась.

– Давай... – передал я миску Агафье.

Она взялась за дело как надо, но от волнения тянула вместе с сосками козлиную шерсть. Муська опять неистово заработала копытами и рогами. Расторопный Ерофей прибежал с ножницами. Остригли около вымени шерсть, и дело мало-помалу пошло на лад. Стакана три молока надоили. Объяснив, что козу придется доить в день два раза, я показал Агафье, как молоко цедят. (И она убедилась – делать это необходимо). Затем, отдышавшись, сидя у хижины на пенечках, мы все перешли к обсуждению стратегии скотоводства: как коз кормить, где ставить на ночь, как беречь от них огород, сколько корма надо на зиму.

– Еще медведи... – вздохнул Карп Осипович. И мы с Ерофеем поняли, что доставили Лыковым новые незнакомые хлопоты. Хорошо сразу бы показать, что все окупается, что молоко – еда вкусная, дает здоровье и силы. Но молоко еще нельзя было есть – молозиво.

– Дня через три-четыре годится, а пока дадим попробовать кошкам...

Надо было видеть, с какой жадностью кинулись к молоку отощавшие на картофельной диете кошки. Они насухо вылизали алюминиевую плоску и кинулись грызть лежавший на дровах лоскуток марли, через которую молоко было цежено.

До темноты мы с Ерофеем опростали от всякого хлама навес у избушки, кинули туда травки. Уже под навесом состоялось еще одно вечернее доение Муськи. Карпу Осиповичу я сказал: «Если станет слишком уж хлопотно – зарежете, будет на зиму мясо». Старик благодарно кивнул: «Едак, едак».

Вечер посвятили рассказам о прожитом годе. Запас свечей мы с Ерофеем пополнили. Карп Осипович зажег сразу две – одну на светце для лучины, другую на печке у своего изголовья. В

избушке с первого нашего прихода сюда перемен не было. В правом верхнем углу на полке – богослужебные книги и черные доски икон. Слева внизу, у печки, – кисло пахнувшая посуда. На шестах и на полках вдоль стен – мешочки и узелки с семенами, с сухими таежными травами. Все обнаружить можно было в черном жилище только на ощупь. Белел лишь алюминиевый рукомойник у двери. Карп Осипович нашел, что он все же удобнее берестяного.

На полу для гостей, как и в прошлом году, настелили ржаной соломы. Мы с Ерофеем лежали на ней, положив под голову рюкзаки. Карп Осипович сидел, сгорбившись, на лавке, Агафья гремела у печки посудой, не упуская возможности вставить словечко о прожитом с прошлого лета.

Осенью главной заботой была заготовка орехов. Урожай был большим, какой бывает однажды в четыре года. С заглядом вперед надо было и заготовлять. «Тятенька хворый стал, а у меня – рука...» – сказала Агафья. Все же тридцать мешков кедровых шишек Лыковы заготовили. Агафья лазала по деревьям, сбивала шишки, старик подбирал. Потом добычу сносили к лабазам, шелушили, сушили. «К ночи не чуешь ни рук, ни ног».

Картошку брали уже из-под снега. Урожай был хороший. «Верите ль, триста ведер собрали!» Для двоих это много. Сейчас в избытке сто ведер. Передать бы геологам. Как? Не дожидаясь Ерофея, старик с Агафьей стали выкорчевывать, выжигать лес вблизи огорода в расчете, что может сесть вертолет. «Не может, – сказал с сожалением Ерофей, – наклон большой и слишком близко деревья». Известие это до крайности Лыковых огорчило. «Может, Ерофей ошибается?» – украдкой спросил меня Карп Осипович. В разговоре к излишкам картошки возвращались несколько раз. «Грех – добро пропадает. Да и людям за попечение благодарность наша была бы».

Нас угощали вареной картошкой. Еду тут всегда делили на «постную» и «скоромную». В минувшем году «скоромны» почти не было. Ловчие ямы заброшены – «какой я ловец, еле ноги ношу». Рыбы по той же причине осенью было поймано меньше ведерка. Ели орехи, картошку, репу, морковку, горох. Ерофей в начале зимы, заколов в Абазе поросенка, поделился с «подшефными» мясом. Топленое масло в бутылке мы обнаружили подвешенным в изношенном сапоге под навесом – смазывают обувку. Мед, принесенный на этот раз не в деревянной бадейке, а в стеклянной банке, с сожалением забраковали – «мирская посуда». В жестком табу на «мирскую» еду сделано исключение для крупы. Опять с благодарностью приняли рис, пополнили запас овсянки.

– Козы вас выручат! – сказал Ерофей.

– Дал бы бог, – отозвался старик, поправляя свечу.

* * *

Ерофей по-прежнему тут главный советчик и опекун. В благодарность ему из кожи марала, убитого еще Дмитрием, сшила Агафья просторные мягкие сапоги – ичиги, или бродни, – наилучшая обувь для хождения по тайге. Ерофей нарочно неторопливо примерил обновку, прошелся в ней по двору, притопнул – доставил Агафье радость. «По зиме-то вечера до-олгие, до-олгие, вот и управилась», – пропела она, улыбаясь детской своей улыбкой.

Все хозяйские заботы, все суровое обеспечение жизни сейчас на Агафье – повар, плотник, швец, грузчик, огородник, древокол и древолаз – все она, бесхитростная, понимающая – иного выхода нет, с утра до вечера надо трудиться.

Людей Лыковы не чужаются, общение вошло в привычку, уже есть потребность в месяц раз-другой побывать у геологов. Агафья любит поговорить с женщинами-поварихами. Вместе с отцом украдкой не прочь посмотреть телевизор. Карп Осипович, у которого Никон по-прежнему наипервейший из всех врагов, вдруг огорошил меня вопросом. «А говорят, Америка войны хочет?» Где Америка, он не знает. Ему непонятно также, почему в «священном писании» про Израиль сказано, а про Америку – ничего. «Греховен мир...» – сказал старик. Чувствуется, эта греховность нужна ему в оправдание таежного тупикового жития.

– Карп Осипович, ни о чем не жалеете, считаете, верно прожита жизнь?

– Бог всех рассудит, – уклоняется от ответа полуночный мой собеседник.

За год у Лыковых побывало несколько дальних гостей. Казанские студенты-филологи

записывали их говор, выискивали в речи слова, по которым будто бы установлено: предки Лыковых пришли в Сибирь северным «мангазейским путем».

Красноярский врач-терапевт прошлым летом сумел убедить Лыковых рассказать о здоровье. «Дали себя обследовать, – пишет врач – Пульс, давление, состояние сердца у обоих в пределах возрастной нормы». Агафья с радостью сообщила нам с Ерофеем: лечение стеарином пошло на пользу. И в самом деле, в этом году она уже не стонала от боли.

Больше всего запомнился Лыковым приход сюда в феврале некой Марины. Среднего возраста женщина из Алма-Аты, сказавшись геологам дальней родственницей Лыковых, явилась «в поисках веры». Как и следовало ожидать, произошло выяснение: кто есть кто? Пока вспоминали Никона и «антихриста» Петра I, разговор шел в согласии. Но дальше – больше, взаимопонимание исчезло. Каждая из сторон доказывала: именно ее толкование веры – истинное. Размолвка вылилась в перебранку, потом и в ссору. Визитерка кричала: «Заблудились тут среди сопок!» – «А ты в дверях заблудилась, скачешь из веры в веру!» Дело кончилось тем, что Карп Осипович соскочил с печи и топнул валенком: «Поди вон, нечестивая!» Хлопнув дверью, богоискательница подалась из избышки, не пробыв и полдня. С февраля Лыковы жили с ощущением большой победы. Не один раз «прокручивали» в своих разговорах друг с другом перипетии крупного спора. «Пень пнем богомолка!» – заключил рассказ об этом событии Карп Осипович. «В уме не утвержденная!» – сказала Агафья.

На другой день Карп Осипович снова вернулся к «идейному» спору.

– Ведь что пророчествовала, что глаголила всеу! Будто конец света и второе пришествие будет на Петров день. А ведь пришествие может быть только на Пасху. Я говорю ей: это что же выходит, и картошку не надо сажать, коли так, и рожь не сеять? Отвечает: не надо! Нет, говорю, картошку сажать мы будем и рожь поседем.

– Серьезный спор, – улыбнулись мы с Ерофеем. – А отчего не спорите с нами? Мы ведь в бога и вовсе не шибко верим.

– Вы хорошие люди и разумеется: не следует искушать старика к спору...

Серебряный самолетик летел высоко над тайгой, оставлял белый по синему след. Карп Осипович сидел на солнышке, грелся. Девятый десяток лет человеку. Разумно ли спорить с ним о темной, окостеневшей вере его, пронесенной таежными тропами из времен туманно-далеких? Следует принимать их с Агафьей такими, как есть. И помочь этим людям дожить остаток избранного пути.

* * *

В этот день были у Карпа Осиповича именины. К ужину Агафья испекла морковный пирог и сварила соленого харьюзка, оставленного к этому дню еще с осени.

А вечером при свечах, когда мы с Ерофеем расположились уже на соломе, Агафья взялась читать нам громадную «не испорченную никонианством» книгу. В певучем чтении мы с Ерофеем улавливали лишь отдельные фразы. Но Карп Осипович, сидевший около печки, внимал всему с прилежанием: «Едак, едак».

«... И не осквернится супружеское ложе...» – пела Агафья.

– Что же это: осквернение ложа? – деланно непонимающе отозвался Ерофей с пола.

– Это когда муж в вожделении совершит греховное прелюбодеяние. Или також жена... – добросовестно разъяснила Агафья.

– Уже поздно, тушила бы свечку, – сказал Ерофей.

Погожая ночь посылала в оконце избы синеватое пятнышко лунного света. Ерофей захрапел. А я еще слышал, как гремели алюминиевой миской кошки и грустно бляяла возле избенки коза.

Утром Лыковы нас провожали. Как всегда, с посошками поднялись они к перевалу горы. Постояли, поговорили.

– Вы нам вроде бы как родня, – сказал старик.

– Все люди – родня, Карп Осипович, – улыбнулся ему Ерофей. Рядом со стариком он казался диковинным великаном.

Мы попрощались и разошлись. Агафья с отцом спускались к старой избышке, а мы – в

другую сторону, к речке.

Заглянули внизу в подновленную избу. Дверь в нее была замотана ремешком. В аккуратную кучу собраны были свежие щепки. К застарелым избяным запахам примешивался смоляной запах новой пристройки.

– Ну вот, там у печки, – жильё, тут в сенцах, – припасы и козам место... – прикидывал Ерофей.

С реки послышался выстрел. Это был знак: лодка на месте, нас ожидают.

Июль 1984 г.

Год под знаком козы

Двадцатого сентября под вечер вертолет, поднявший метель из желтых березовых листьев, сел на косе. Мы выпрыгнули на обкатанные водою белые камни, выгрузили поклажу. Вертолет упругим вихрем еще раз потрянул верхушки берез и скрылся за скосом горы. Осенний огненный мир, два часа проплывавший внизу, теперь обступал, подымался от ложа реки круто вверх. По желтому густо-темным цветом темнели кедры и ели, малиновыми пятнами обнаруживали себя рябины. После холодного и ненастного лета в абаканской тайге стояла нарядная ясная осень. Было тепло и тихо. Синее небо отражалось в непривычно спокойной воде. Где-то кричала кедровка. И это был единственный звук, напоминающий о скрытой под пологом леса жизни.

Посидев на прибрежном нагретом камне, мы пошли вдоль реки. Половина поклажи «до завтра» была брошена на косе. Шли по мягкой, промятой во мху дорожке. Когда-то Лыковы от реки уходили к своим избушкам, стараясь не оставлять следов. Теперь же от берега вверх вела заметная тропка. В прошлом году Карп Осипович пометил ее затесями. А в этот раз мы обнаружили бревнышки-ограждения. «Беспокойтесь старик, чтобы кто-нибудь из идущих не поскользнулся на крутизне», – сказал Ерофей, оглядывая недавнее оборудование.

Путь от берега до избушки довольно крутой, но недлинный. Верхнее дальнее жильё с прошлого года Лыковы бросили, перебравшись к реке. Через час неспешного хода мы вдруг слышали бляенье коз, увидели синий дым костерка. Еще минута – и навстречу выходят двое людей. Агафья, как ребенок, радости не скрывает.

– А мы видели вертолет-то... Я и картошку успела сварить...

На бревнышке у костра начались обычные для этого часа расспросы: как поживаете? как добрались? Агафья между тем, положив нам в ладони по горячей картофелине, засемила на огород. Все угощения сразу разложены были на траве у костра: морковь, репа, горох. Карп Осипович появился с пластиковым мешочком кедровых орехов. Агафья поставила туесок с собранной накануне брусничкой. Потом вспомнила о соленых грибах...

Говорили во время «застолья» о прожитом годе, о необычно холодном, дождливом лете, об урожае. И лес, и огород щедрыми этой осенью не были. Кедровых шишек, влезая на деревья, Агафья насбивала всего три мешка. Не уродились ягоды и грибы. Плохо вызрел горох. Картошка не подвела, но была мелковатой. В былые годы плохой урожай, отсутствие мяса и рыбы (Агафья поймала лишь пять харьюзков чуть больше ладони) сильно беспокоили бы Лыковых. На этот раз, побывав у геологов, старик и Агафья вернулись приободренные. «Не беспокойтесь. Мы вас не бросим», – сказали в поселке.

Была и еще гарантия некоторого благополучия – козы. Пока мы сидели у костерка, Агафье не терпелось показать свою «ферму». В загородке из тонких бревен, подозрительно поглядывая на гостей, ходил козел Степка с обрезанными Ерофеем рогами. Козу Муську Агафья вывела на доение.

Прошлогодней робости перед козою не было. Ловко спутав Муське задние ноги, Агафья наступила на веревку, как на педаль, подвинула к морде козы берестяной кузов с сушеной картошкой... Через десять минут мы уже пили процеженное и охлажденное в ручье молоко. Оно было великолепным – густое, здоровое, без каких-либо запахов. И я мысленно поблагодарил читательницу нашей газеты за идею «купить козу».

Прошлым летом, увидев, что Лыковы к скотоводству не подготовлены, я сказал: будет трудно – зарежьте. Думал, что так и будет. Но в январе получил от Агафьи письмо с

трогательной благодарностью. Оказалось: козы пришлось ко двору. Агафья писала, что научилась делать сметану, творог и что весной от «козлухи» ожидают приплода.

Хлопот со скотиною было тут много. Агафья осваивала доение, готовила на зиму сено и веники, оберегала от коз огород. Карп Осипович покрякивая от натуги, соорудил загон и сарайчик. Пока жили «на две избы», коз водили с собой. Поводки были лишними – козы преданно жались к людям. Медведи, которых тут много, проявляют к козам интерес постоянный, и козы их чувствуют раньше, чем люди. Доставили хлопоты Лыковым и маралы, съевшие два стожка сена, приготовленных для коз. Пришлось зимой Агафье рубить еловые ветки. Слушая у огня бесхитростное повествование о жите-бытье за год, мы чувствовали: козы были тут «полноправными членами общества». Молоко молоком (оно заметно поправило здоровье Карпа Осиповича, переставшего жаловаться на живот и на болезнь уха), но было и еще нечто важное в их присутствии у избы. Козочка и Агафья так привязались друг к другу, что разлука даже на день была тягостной для обеих. Во время трехнедельных усилий наловить рыбы Агафья жила с козой на берегу под навесом, питалась ее молоком, «а спали вместе, прижмемся друг к другу – тепло...».

Главным событием года был переход на жите к речке. Верхнюю избы в горах бросили. Ничего не сажали на огороде возле нее. Навещали жилище только затем, чтобы взять какой-нибудь инвентарь, книги, одежду. Мотив переселения Карп Осипович объяснил кратко: «Без людской помощи не обойтись. А ходить – далеко».

Жилье получилось удобнее верхней избы. Сенцы разгрузили жилую часть от множества коробов и мешков, сделали ее просторнее и светлее, чему способствовали два оконца, прорубленные в торцовой стене.

Чистота и опрятность в жилище этом не поселились, но появилось некое подобие порядка в избе. Не закопченные тут лучиною стены и потолок лоснились коричневым деревом, просторно было у печи, пол под ногами не пружинил от конопляной костры, а был подметен. Пространство возле железной печки, подаренной геологами, было свободно от хлама и не грозило пожаром.

Печку Карп Осипович в этот вечер натопил, не скупясь на дрова. Перед сном мы вышли охладиться наружу. Дым от избы подымался высоко вверх, и Млечный Путь казался продолжением этого дыма. Указав на Большую Медведицу, я спросил Агафью: знает ли она, как называется это созвездие? Агафья сказала: «Лось...» Небесный ковшик и в самом деле на лось походил больше, чем на медведя.

Спать, как обычно, мы легли на полу. Агафья, положившая нам в изголовье фонарик на случай выхода из избы, вдруг спохватилась: «А светит ли?» Фонарик светил неважно. «Батарейка исстарилась», – с этими словами Агафья достала из берестяного короба круглую свежую батарейку, поменяла на нее старую и, убедившись – фонарик светит исправно, принялась за молитву.

«Это чё же такое, спички не признаете, считаете грех, а батарейка, значит, не грех?» – специально для нас с Николаем Николаевичем спросил Ерофей. Агафья не нашлась, что ответить, подтвердив только, что спички («серянки») действительно грешное дело.

Засыпали мы под молитву. Агафья перемежала ее шиканьем на котят и неожиданными вопросами Ерофея.

* * *

Утром, попрыгав возле костра для согрева, мы с Ерофеем спустились к реке за оставленной там поклажей. И через час у избы состоялось поднесение московских гостинцев. Агафья этот момент на минуту опередила – появилась с синей рубахой в руках. Ерофей мне писал, что Агафья готовит подарок. Теперь мастерица с улыбкой протянула изделие и пожелала, чтобы рубаху я тут же примерил. Пришлось подчиниться. Все хором нашли: обновке износу не будет, не хватает лишь пояска! Агафья шмыгнула в избы, и вот я стою уже подпоясанный... Выяснилось: такие же рубахи в благодарность за помощь Агафья сшила нескольким геологам, в том числе Ерофею.

Потом открыли картонный ящик, летевший со мной из Москвы. Старик и Агафья глядели

на него с выжидательной настороженностью, и я опасался уже услышать: «Нам это не можно». Но все в этот раз было принято с благодарностью. Во-первых, бутылочка дегтя. В письме Агафья просила разжиться этим продуктом, нужным для смазки ран и царапин. Просьбу выполнил я с трудом. Неведомая Лыковым жизнь давно перешла от дегтя к мазуту и солидолу.

Деготь помог добыть московский таксист Александр Иванович Бурлов, с которым случайно я поделился заботой. Узнав, в чем дело, таксист сказал: «Добуду из-под земли!» И добыл.

За дегтем и связкой свечей пошли дары Бутырского рынка. Яблоки Лыковы знали по угощениям геологов. Болгарский перец подозрительно мяли в руках, но, видно, нашли, что бога принятием перца сильно не огорчат. Увидев дыни, Карп Осипович спросил: «Тыквы?» Арбуз озадачил обоих, потребовалось объяснение, что это такое.

Все принятое Карп Осипович распорядился снести в ручей. А в обед я призван был к лыковскому столу в качестве консультанта. Показав, как режут арбуз, я сказал: ешьте, что красное. Когда через десять минут мы с Николаем Николаевичем заглянули в избу, то увидели: съедено и красное и белое, на столе осталось только зеленое.

На предложение начать рыть картошку Агафья ответила: «Проку не будет – в воскресенье нельзя работать». Николай Николаевич с Ерофеем после этого разговора удалились в тайгу с ружьем, а меня Карп Осипович пригласил в избу и достал с висевшей на веревочках полки бумажный свиток. Им оказалась присланная кем-то через Ерофея репродукция картины Сурикова «Боярыня Морозова». Судя по отпечаткам пальцев, картину Агафья с отцом прилежно разглядывали не один раз. «На муки везут...» – сказал старик, разглаживая картину крючковатыми пальцами. Я рассказал, когда это было, пояснил, кто тут сочувствует боярыне, а кто посмеивается над ней. «Да уж видно: кто истинный христианин... На саях-то в Москве сейчас, поди, не ездят?» – спросил старик, сворачивая картину.

Обстановка располагала к откровенности, и я осторожно спросил: не жалеет ли Карп Осипович, что жизнь сложилась вот так, как есть? «А цё жалеть, жили как христиане...» Но, может, жалеет, что встретились с «миром», что жизнь, от которой они хоронились, подвинулась к ним вплотную? «Да нет, Василий Михайлович, за семь лет ничего дурного от людей не претерпели. Благодарение богу – только хорошее познаем».

Из разговора выяснилось, что Лыковы опасались «гоненья на христиан». Облик боярыни Морозовой давал им сейчас реальную картину такого гонения. Но ничего подобного с ними не произошло. Сначала озадаченные дружелюбным отношением «мира», сейчас Лыковы принимают дружелюбие это как должное. Не переставая трудиться, во многом они полагаются на помощь геологов. Картошку, например, в этом году, несмотря на угрозу близкого снегопада, копать не спешат, дают ей дозреть в бороздах. Знают: обещали геологи прийти помочь, значит, придут обязательно. Геологи снабжают Лыковых солью, крупой (в этом году убедили перестать печь картофельный хлеб и взять в подарок мешок муки), снабдили геологи их одеждой, житейским инвентарем. Установка «помочь всем необходимым, ни к чему не принуждая», соблюдается неукоснительно. За семь лет на буровом участке сменилось несколько мастеров, но отношение к Лыковым, как к людям, попавшим в беду, стало традиционным.

Об особом расположении к «подшефным» Ерофея Сазонтьевича Седова я немало уже говорил. Он навещает Лыковых регулярно зимою и летом. В этом году ему предложили повышение по службе с работой на другом участке. Отказался: «Бросить Лыковых не могу».

И дело не только в материальной помощи. Лыковы явно нуждаются и в общении. Не довольствуясь редкими «гостеваниями» людей, старик с дочерью ходят сами в поселок. И если для Агафьи каменистый пятнадцатикилометровый путь с глубокими бродами через реку нетруден, то человеку с возрастом за восемьдесят этот путь – немалое испытание. И все-таки Карп Осипович идет да несет еще мешок с гостинцами для геологов – картошку и кедровые орехи...

В некоторых письмах ко мне есть беспокойство: не одолевают ли Лыковых после «всесоюзной известности» любопытные? Вопрос законный, но умозрительный. Действительно, несчастьем было бы паломничество любопытных. Но есть для хождения сюда препятствие очень надежное – удаленность и недоступность. Редкая лодка из Абазы доберется в верх Абакана. Для праздного любопытства небезопасно и очень накладно нанять сюда лодку с

проводником. Есть путь самолетом до поселка геологов. Но это не рейсы Аэрофлота. На самолет можно сесть только с разрешения начальника геологической партии, а с ним мы в самом начале договорились о жестком «фильтре». Ситуацию эту три года назад подробно в Таштыпе обсудили мы также с секретарем райкома партии Кыжинаевым Афанасием Ивановичем и договорились: только с его разрешения самолет возьмет в поселок кого-либо, кроме геологов.

С момента публикации в нашей газете у Лыковых побывало считанное число людей: врач и художник из Красноярска, языковеды из Казани, лесные пожарные, сделавшие прирубок к избе. Те, кто тут побывал, не только не принесли какого-нибудь беспокойства «аборигенам», но во многом им помогли, оставили по себе хорошую память.

В последнем разговоре, позволявшем задать серьезный, главный вопрос, я спросил, что будет, если один из живущих в избе умрет. Старик ответил, что он умирать собирается тут. Судьба же Агафьи волнует его серьезно. Он понимает: житье одной в тайге невозможно. Уход в «мир» тоже представляется ему невысказанным – «по нашей вере это не можно». Выход старику виделся в залучении сюда какого-либо единоверца, но жизнь показала: надежда эта несбыточна – нет желающих лезть в таежную нору.

После газетной публикации объявились в горной Шории у Лыковых родственники-староверы. Один из них приезжал навестить Агафью и старика, звал к себе на житье. Этот вариант устройства Агафьи старик из вида не упускает. Дав мне адрес, он попросил написать родственнику: «Мудро о житье расспросите, не будет ли оно утеснительным для Агафьи». На том и окончился разговор...

С возвращением из тайги Ерофея и Николая Николаевича теперь уже Агафья развернула свиток с «Боярыней Морозовой». Я опять давал объяснения, разглядывая детали картины через очки. Карп Осипович очками заинтересовался, попробовал сам посмотреть и с удивлением обнаружил, что видит «баско». «Так я пришлю вам очки!» Старик застеснялся: «Штука-то, поди, дорогая?»

Агафья на расспросы, что ей прислать из Москвы, замотала головой – все есть! Но тут же украдкой подала две черные пуговицы и клубок красных ниток – «такие бы надо...». «Зачем тебе красные нитки?» Вместо ответа Агафья достала из туеска искусно плетенный из черных и красных ниток узорчатый пояс. Оказалось, поясками Агафья одаривала поварих, привечавших ее в поселке...

Сердечные отношения с Лыковыми для меня родили проблему. При первом знакомстве украдкой я делал снимки, пренебрегая нетерпимостью старика и Агафьи к фотографическим «машинкам». Теперь при сложившихся отношениях направить на них фотокамеру означало бы разрушение доверия. И я искушению не поддавался – снимал лишь избенку, коз, тайгу, огород...

Попрощавшись с Лыковыми, мы решили навестить брошенную теперь верхнюю избу. Тропа до нее альпинистского мастерства не требовала, но была не из легких. На полянках возле тропы сушились сено и веники, припасенные козам. А выше то и дело попадались следы зверей.

Брошенное «поместье» встретило нас тишиной. Дверь в жилище была подперта. Пройдя, как в баню, в низкий дверной проем, мы оказались в уже знакомых по прежним приходам потемках. Кое-что из утвари тут еще оставалось. И все источало неистребимый «лыковский дух» – смесь запахов дыма, непроветренного жилья, кислого варева, сыромятной кожи и старой одежды...

Мы подперли, как было, дверь и прошли по пустынному огороду, по уже зараставшим дорожкам. В тишине был слышен торопливый бег воды по камням. Минут десять перед уходом постояли мы у ручья.

По воде плыли желтые листья, птица оляпка жизнерадостно приплясывала на камнях. По следам и помету Ерофей определил: «поместье» уже навещают медведи и кабарга – тайга начала поглощать понемногу все, что было у нее отвоевано неустанным трудом, случайной жизнью, теплившейся тут сорок лет.

Октябрь 1985 г.

Одиссея Агафьи

Вернувшись из абаканской тайги, я сразу написал в Шорию Анисиму Никоновичу Тропину, родственнику Лыковых. Написал так: «Если Вы, Анисим Никонович, приглашали Лыковых на житье сердечно, а не вежливости ради, то подтвердите свое приглашение – будет ясно, что делать в случае, если кто-то в таежной избе окажется в одиночестве».

Я ждал ответа из Шории, как вдруг позвонили из Абакана: «Агафья улетела к родне! Старик остался один». Никаких подробностей к этой новости не сообщалось, но я догадался: поехала в гости. Через неделю целая пачка писем подтвердила это предположение. О чрезвычайном событии писал Тропин Анисим Никонович, писал Ерофей, писал летчик из поселка Таштый Владимир Иванович Абрамов и абазинский фотограф Николай Петрович Пролецкий. И вот какая прояснилась картина.

Анисим Никонович, получив мое письмо, созвал родню, и было решено, не мешкая, ехать к Лыковым – уговаривать их перебраться к единоверцам. В поездку снарядили троих, в их числе поехал и сам Анисим.

«Посольство» к Лыковым добралось за сутки. Выслушав родственников, Карп Осипович, как и в первый приезд их, твердо сказал: «Нет, в миру нам не можно». Но в этот раз единство между дочерью и отцом дало трещину – Агафья проявила к приглашению интерес. Судя по письму Анисима Никоновича, возникли в таежной избе дебаты, не утихавшие целую ночь. «Дело дошло до большого...» Что стоит за словами письма, можно только догадываться. Упрекала родня старика? Приводила веские доводы, убедительные для Агафьи и неприемлемые для старика? «Дядя, – пишет Анисим, – вдруг натурально волком завыл. Мыпереглянулись: что с ним? «А это у него теперь часто бывает», – сказала Агафья. Рассудок Карп Осипович, однако, не потерял. На предложенный компромисс: «Ну пусть Агафья поедет к нам погостить», – он наложил вето: «А как поедет? На самолете? На самолет благословения не даю!» Родительское благословение для Агафьи было делом серьезным, и она тихо стала просить отца отпустить ее хотя бы неделки на две. Отец стоял на своем. Но Агафья нашла в себе силы послушаться: «Тятенька, хочу поглядеть, как люди живут...»

Для Карпа Осиповича зарезали козла, наготовили ему дров, воды, Ерофей обязался навещать старика, пока он будет один...

«Я удивился, когда увидел на площадке возле поселка геологов толпу людей. Вахта вроде не кончилась, улетать некому, – пишет летчик Виктор Абрамов. – В толпе я увидел Агафью и опять удивился. Неделю назад я встретил ее в поселке – приходила к геологам погостить, одарила нас, летчиков, репою и орехами. Неужто за неделю успела соскучиться по поселку – путь-то сюда не маленький от избы. Но я остолбенел, когда услышал: Агафья летит! Со всех сторон мне кричали, чтобы я осторожнее был, чтобы без тряски... Агафья подошла к нашей „аннушке“, перекрестила дверь, двое бородачей помогли ей взобраться. И вот уже сидит рядом с пилотской кабиной, пристегнута. На лице ни малейшего страха, и даже напряжения нет. Доверчиво улыбается, как ребенок... Весь полет я искоса за ней наблюдал – обычная пассажирка! Одета несколько необычно: валенки не по росту, легонькое пальтишко, громадный платок... Когда начали снижаться у Абазы, гляжу, за пазухой руку держит. Ну, думаю, с сердцем, наверное, плохо. Нет. Достала большие часы на цепочке, щелкнула крышкой. Показывает спутникам, сколько летели».

Н.П.Пролецкий: «Часы Агафье подарил я. Взяла. И так полюбила часы – ни шагу без них. То и дело достанет и поглядит».

Тут же у севшего самолета показали Агафье автомобиль, лошадь, корову. В «Жигулях» отвезли ее с родственниками на вокзал.

Анисим Никонович Тропин в первых строчках письма извиняется за почерк. «Когда спускались к реке от Лыковых, метров двадцать я мягким местом утюжил скалы и малость повредил руку». Все же Анисим Никонович обстоятельно описал, как показывал Агафье железную дорогу: «Это вот рельсы... Это изба на колесах, в которой поедет». В вагоне он показал ей, как зажигается свет, как стелют постель, попросил проводницу познакомить новичка пассажира с устройством туалета. «Ночью лишь немного вздремнули. В купе, узнав, кто в нем едет, набились люди. Агафья не оробела. Стала даже шутить».

И приехали пассажиры в Новокузнецк. Три часа ждали другого поезда. Было время посмотреть город. «Показали мы ей улицы с большими домами, трамваи, троллейбусы. Свозили на площадь поглядеть новогоднюю елку. Смотрела на все молчком, но чувствовал я – волнуется. Вздыхала. А то скажет: «Дивно!»

До поселка после поезда ехали в автомобиле, потом на санях...

Месяц жила таежница у родни. Ее оказалось много: тетка (сестра матери), двоюродные сестры, племянники, свояк Карпа Осиповича. Все, конечно, хотели видеть и обласкать Агафью. Наперебой звали в гости. Тут Агафья узнала и баню, и чистую постель, и еду, от которой не могла отказаться. Были слезы и шутки. И посмеялись вдоволь – Агафья в этом была зачинщица. Подлечили ее деревенскими средствами. Побаловали всякими лакомствами. Сшили ей подходящую одежонку

Месяц гостила Агафья в «миру»: 21 декабря приехала в поселок, а 21 января уезжала. «На этот раз в поезде поспала. Утром все глядела в окно. Говорю ей: как телевизор окно-то! „Едак!“ – и засмеялась от того, что в самом деле похоже».

В Абазе, прежде чем ехать с вокзала на аэродром, Николай Петрович Пролецкий предложил Агафье с родней прокатиться по городу на его «Жигулях». «Заехали в универмаг. Интересно было посмотреть, как отнесется Агафья к обилию всего нужного и не очень нужного в человеческой жизни... Глядела на все с любопытством, но не растерянно. Подивилась обилию материи, одежды, обуви. Но дольше всего задержалась у полок, где стояли кастрюли, чугуны, сковородки. Указала на самовар: „А это цё?“ Я предложил ей выбрать что-нибудь нужное для хозяйства. Выбрала оцинкованный таз. Я подумал, что это следствие приобщения к бане, оказалось – „освящать иконы“... В большом магазинном зеркале Агафья увидела себя с тазом, родню и меня. Почему-то отражение всей нашей компании Агафью развеселило. Она притопнула перед зеркалом ногою в валенке, поправила платок, переложила из руки в руку таз... С тазом под мышкой, перекрестившись, забиралась она в самолет».

«По случайности я и обратно вез необычную пассажирку, – пишет летчик Абрамов. – Опять за ней наблюдал. И должен признаться, был озадачен: на самолете летит, но веселое спокойствие на лице, поглядывает в иллюминатор, как будто тысячу раз летала. Занята больше купленным тазом».

Родственники до порога таежного дома проводили путешественницу. «Карп Осипович обрадованно забегал, увидев нас. Попытались еще один раз его агитировать. Нет, твердо сказал: „Умирать буду тут“. А Агафья при сих словах утерла слезу». Далее Анисим Никонович пишет, что пять лет ничего не ловившие ямы как раз в канун возвращения Агафьи прихватили большого марала.

Ерофей, навещавший Карпа Осиповича, пока Агафья совершала свою одиссею, пишет: «Старик один тосковал люто. Когда я пришел, бросился на плечи и заплакал: «Один, совсем один...»

Ерофею пришлось тащить до избенки от самолета громадный мешок подарков, собранный для Агафьи родней. И конечно, любознательный Ерофей сразу же принялся, как он пишет, «интюрвировать» путешественницу. «У нее, как у первоклашки, появилось множество новых слов. Говорит их смешно, не всегда к месту. Что больше всего ее поразило? Не самолет. Поезд и лошадь! Рассказывает, как качался вагон, какие лавки в нем для спанья, как было тепло и чисто, что в окно видела. И с полным восторгом – как „ехала на коне“, как скрипел под полозьями снег, как мальчишки возле дороги на лыжах катались, как держала на руках годовалую девочку – дочку племянницы. В городе больше всего удивило ее многолюдье: „Людей-то как комаров. Сколько ж картошки надо на всех!“ Очень довольна поездкой. С отцом отношения напряженные. Старик сердит, что не послушалась. А она, чувствуется, с радостью осталась бы у родни».

В очередной приход Ерофей застал старика и Агафью больными. «Крепко простыли». К письму Ерофея приложен листок с печатными старославянскими буквами: «Болела крепко, но поднялась. А тятя в лежке... Спаси бог за батарейки, за красные нитки, за крупу и очки...» А далее несколько слов о гостевании у родни: «Месяц жила покойно и хорошо».

Потом приходили еще письма от Ерофея. Он часто в минувшую зиму навещался в «тупик». Простуда Агафьи и старика очень его беспокоила. Носил им всякие травы, заставлял

парить ноги. «Едой бы их поддержать. Да ведь по-прежнему ничего не берут, кроме круп. Но хорошей поддержкой оказалось мясо оленя. Ловушка, „молчавшая“ несколько лет, сработала в нужное время. Мясо разделано хорошо и спрятано на лабазе. Одно опасение – медведь его может разнюхать».

Двое людей – ученый-селекционер и огородник из Подмосковья – атаковали меня письмами с просьбой заполучить на семена лыковской картошки. Ерофей, извещенный об этом, рассказал Агафье, в чем дело. И она тщательно, одну к одной, отобрала картофелины для посылки, подробно рассказала, как сажают картошку, как сохраняют на семена, как сушат...

Поездку Агафьи к родне в поселке вспоминают как большое событие. Анисим Никонович Тропин, извиняясь за «дырявую память», шлет письмо, где сообщает подробности родственных разговоров с Агафьей и ее восприятия «мирской» жизни. «Забыл сказать вам: доила корову! Об этом животном она слышала много от матери. И в первый же день захотела поглядеть на корову. Походила, погладила. Поохотилась подоить. Коровы нового человека хорошо чувят и не всегда принимают. А тут, глядим, ничего, стоит... Пили свежее молоко с белым хлебом. Агафья хвалила. Однако сказала, что козье «покрепче».

Далее Анисим Никонович пишет: «Вся родня принимала Агафью как близкого человека и готова в любое время ее приютить».

Март 1986 г.

Зимой и летом

Письма, которые я получаю от Агафьи, всегда кончаются одинаково: «Василий Михайлович, милости просим к нам в Таежный тупик».

Этой осенью по разным причинам я не собирался быть в «тупике». Заставили письма и звонки читателей «Комсомолки» – за громадами разных очень больших событий люди не позабыли таежных аборигенов, попавших в жизненную ловушку. Как они там? Этим вопросом кончались все письма. Решение опять навестить Лыковых определилось письмом Агафьи. На этот раз она не приглашала, она просила приехать.

* * *

Попутного вертолета не оказалось. И от поселка геологов, максимально облегчив рюкзаки, мы двинулись пешим ходом вдоль Абакана. Река, обмелевшая к осени, позволяла спрямлять дорогу – переходили течение вброд. День был славный. Тайга звенела погожей желтизной берез, темнела кедрочками и ельником, красными пятнами в желто-зеленом каньоне выделялись рябины. И все это было накрыто пронзительно-голубым небом.

За шесть лет от поселка геологов вверх по реке натоптали тропу. Как раз посредине пути два года назад Агафья соорудила лабаз – нечто вроде избушки на курьих ножках. Не женская эта работа проделана мастерски – сооруженье на двух усеченных кедрках прочное, с лесенкой наверх. Там под крышей можно спрятаться от дождя и от зимней сырости. Под бок можно положить набитый мелким еловым лапником матрац. Тут же свернуто старое одеяльце. На суку – мешочек с крупой, в условном месте спрятаны спички. На этой «станции» Агафья отдыхает, когда приходит к геологам – варит картошку или смородиновый чай. Но главное назначение «базы» – укрыть на тропке тех, кто на ней оказался бы в непогоду. А поскольку частый и всепогодный ходок сюда – Ерофей, то им в основном и обжит этот малый таежный станок.

– Будем пить чай, – говорит Ерофей, заводя костерок под повешенным котелком.

Нас трое. Рядом с Ерофеем у костра сидит красноярский врач Игорь Павлович Назаров. Он навещает Лыковых с 1980 года. Первой просьбой Агафьи к доктору было «полечить руку». Парафиновые прогревания и растирки мазями уменьшили боли. Авторитет доктора из Красноярска сразу же вырос. Еще больше он укрепился, когда Игорь Павлович не посоветовал есть много калины – «понижает давление». «Послушались, говорила Агафья, и сразу окрепли». А этим летом Агафья прибежала к геологам: «Нельзя ли как-нибудь сообщить Игорю Павловичу – тятенька порушил ногу. Не ходит». Игорь Павлович был в отпуске и смог в течение суток добраться сюда с травматологом.

Упав с лежанки, старик повредил коленный сустав. На медицинском языке травму называют *мениском*. Старик не мог двигаться и «ходил под себя». Приехавших встретил с надеждой: «Если можете – помогите».

Врачи положили гипс, наказав Агафье: «Если к 10 сентября не появимся, – снимешь сама...»

* * *

Ерофею тоже было что рассказать. В феврале летчики сообщили геологам: что-то у Лыковых ни дымка, ни следов. Ерофеем не медля собрался... Агафью и старика нашел он в заиндевевших постелях. У обоих не было сил подняться.

Оказалось, неделю назад Карп Осипович сонный толкнул ногой дверь. В жарко натопленную избу ворвался таежный холод и прихватил спящих. «Опоздай я на день-другой, в этой таежной истории была бы поставлена точка».

Ерофеем почти силой заставил хворых подняться, погреть ноги в воде с горчицей, натер редьки, отварил припасенную с лета крапиву, пихтовых веток и можжевельника... «Помаленьку с помощью Ерофея выбрались из беды», – написала мне в марте Агафья.

К избушке Лыковых по склону мы поднялись, когда на солнце горели только верхушки сопки... По летнему зеленел огород... Кошка пулей шмыгнула в кусты за сараем... Жалобный голос козы... Дверь в избу приоткрыта.

– Принимайте гостей! – по обыкновению громко заявил о себе Ерофей.

При свете, сочившемся в два оконца, увидели мы сначала Агафью, а потом вскочившего на лежанке Карпа Осиповича – оба в воскресный день отсыпались. Агафья радостно и растерянно улыбалась. Старик спросонья не сразу узнал пришедших.

Конечно, первым объектом вниманья стала больная нога. Гипса на ней не было – в условный день Агафья, орудуя ножницами и ножом, все удалила. К удивлению Игоря Павловича, старик, хоть и с палочкой, но довольно свободно прошел по избе. Мне он красочно объяснил, как выглядела нога в «гипе» и как прыгал он почти шесть недель. «Молодцом, молодцом! У иных спортсменов дольше не заживает!» Старик, приложив ладонь к уху, любопытствовал: кто такие спортсмены? Объяснения не понял, но похвалой остался доволен. На этом энергия восьмидесятишестилетнего человека иссякла. Наскоро отдав распоряжение Агафье насчет кедровых орехов, морковки, кваса и репы, старик со стонами лег на лежанку и сразу же захрапел.

– Тятенька-то поправился, – сказала Агафья. – Псалмы помогает читать. А то ведь до чего дошел: на запад начал молиться...

Квас нам Агафья разливала по кружкам из дареного кем-то кофейника с носиком. Мы догадались: посуда привезена от родни. «Выезд в свет», о котором разговор впереди, что-то в Агафье неуловимо переменил. Она и раньше держалась естественно и свободно. Теперь в сужденьях ее была уверенность. Речь, чуть улыбаясь, она украшала такими словами, как «Жигули», «электричка», «племянники», «баня», «трактор». Она опрятней была одета. В избе уже не пахло кошачьим пометом, пол подметен, стекла в окнах протерты. Самой заметной новинкой был тут будильник. И я видел: Агафья ждала, когда мы заметим часы. Дождавшись желанной минуты, она показала, как виртуозно владеет столь удивительным механизмом...

Вечером у костра состоялся обмен новостями прожитого года... О болезнях Агафья говорила с грустной улыбкой: «С белым светом-то попрощалась. Лежала холодная. Кошки от меня ушли. Всегда со мной спали, а тут ушли к тятю. Ну, думаю, без нас козлуха застынет, кошки застынут. Но бог послал Ерофея. А как кошки опять стали приходить спать, я подумала: поправляюсь...»

Козлуха живет теперь в загончике одиноко – козла зарезали, Карпу Осиповичу на питание, когда Агафья в декабре уезжала к родне... Козлухой пристальной сейчас интересуется здешний медведь. У избы наверху медведь разворотил лабаз, привлеченный, как видно, запахом остатков вяленого мяса. Порвал медведь в клочья и пытался жевать висезшую на жердях кожу марала. И стал примеряться к козе. «Пришлось два выстрела дать», – сказала Агафья, сводив нас на место под кедром, где зверь объявился. Большая куча помета свидетельствовала: два выстрела

произвели должное впечатление.

– А может, зарезать козу-то? Молока нет, чего ж кормить зря, – сказал Ерофей.

– Жалко. Привыкла. Да и навоз огороду...

Сообща решили: пусть коза поживет, благо сена заготовлено вдоволь. «А если уж выйдет большая нужда с едою, тогда поневоле...» – сказала Агафья как о деле уже обдуманном и решенном.

Меньше стало в избе и кошек. Проблему Агафья догадалась разрешить просто: повзрослевших котят и одну из рожениц отнесла, подарила геологам. Сейчас там в поселке, кося глаза на собак, бегают несколько шустрых малорослых созданий серого цвета. С приходом Агафьи они бросаются к ней и преданно лижут руки. И это при том, что одна из кошек научилась у Лыковых есть сырую картошку...

* * *

Говоря о напастях этого года, рассказала Агафья о том, как чуть не умерли от грибов. «Всего-то по одному съели...» Грибами оказались опять. Их раньше варили. Теперь же при соляном богатстве Агафья решила их засолить...

– Но прежде же надо сварить. Это же опять!

– Дык теперь будем знать...

Два марала, зимой попавшие в ловчие ямы, оказались хорошим подспорьем козлятине. Вообще с едой проблемы здесь нет. Хлеб пекут уже не картофельный, а кислый, пшеничный, из муки, которой делятся геологи. Рыбы не стало. Но богаче теперь огород. И, конечно, щедра как прежде тайга. Правда, орехи – основной ее дар собирать Агафье непросто. Залезая на кедры, собрала этой осенью шесть мешков шишек. Ждет теперь ветра «тушкена» – после него шишки можно будет собирать на земле...

О том, о сем неспешно шел разговор у костра... По моей просьбе для Института картофелеводства прислала весной Агафья посылку. Теперь я мог рассказать, что картошка выросла в Подмосковье, что ученые сорт этот назвали «лыковским»... Вспомнили уже третье посещение «тупика» лингвистами из Казани. Агафья помнит всех по имени-отчеству. Рассказала, что днем казанцы помогали полоть огород, пилили и кололи дрова, а вечером подолгу говорили. По этим словам Агафьи и по письмам Галины Павловны Слесаревой из Казани я хорошо представляю, как интересны были эти вечерние разговоры для обеих сторон. Агафья знакомилась с привезенными неизвестными ей до этого книгами на старославянском («Без затруднения читала „Слово о полку Игореве“, издание 1801 года»). Казанцы же добывали ценнейшие сведения: по строю речи прослеживали эволюцию языка Агафьи, появление в речи множества новых слов...

– Василий Михайлович, а что там, я слыхала, случилось у Киева? – спросила Агафья, ковыряя палочкой в костерке.

Спрашивал любознательный человек. Но как ему объяснить то, что всех нас, начиная с апреля, так волновало? Пришлось упростить все до образа чугунка на костре.

– Вот если подкладывать дров, а крышку плотно придавить камнем...

– Да, едак-то нельзя... – согласилась слушательница, до сих пор добывающая огонь кресалом.

Впрочем, есть в этом деле прогресс. На печке в избе я увидел коробок спичек. Признали! Но, оказалось, признали с существенными «идеологическими» ограничениями: для тепла дрова в печке можно поджечь и спичками, если ж готовить еду, то непременно – кресалом...

* * *

Главной громадной новостью года была тут, конечно, одиссея Агафьи – поездка к родне.

По письмам от Ерофея, Агафьи, по письмам летчиков и таштагольской родни я имел представление о путешествии, которое для Агафьи было, как написал Ерофей, «почти полетом на Марс». Теперь в разговоре Агафья все уточняла и проясняла.

Подтвердилось: не самолет, а поезд больше всего ее поразил. «Дом на колесах. Чисто.

Постукивает. И бежит, бежит. За окошком все плывет, мельтешится...» Увидела в этой поездке Агафья городок Абазу. Увидела Новокузнецк: «Людей-то сколько, труб сколько!» Увидела Таштагол. Ехала потом в «Жигулях» и в санях...»

Месяц прожила она в поселке у родственников. Карп Осипович жил это время один. «Варил козлятину и картошку. На стол у печки прибил бумажку и на ней ставил палочки – отмечал дни, прожитые без Агафьи», – рассказал Ерофей, навещавший зимой старика.

Встретил дочь он упреками. На это Агафья ответила, назвав впервые родителя не «тятенькой», а «отцом»: «Будешь так мне пенять – уйду в сопки, а с тебя добрые люди спросят...»

У Ерофея на буровой была «затычка», и он долго не мог у Лыковых задержаться. Я тоже спешил – хотелось побывать в Таштаголе, познакомиться с родственниками, понять, насколько приемлемым был бы возможный приют для Агафьи.

Утром, разбуженные будильником, мы поели горячей картошки и стали укладывать рюкзаки. Карп Осипович попрощался с нами, сидя с палочкой на лежанке. Агафья, по обыкновению, пошла проводить. Уже под горой у реки присели на камушке. Агафья вынула из-за пазухи украдкой написанное письмецо родственникам.

– Кланяйтесь всем. Скажите: к зиме приготовились...

* * *

Всю дорогу «к родне» я пытался глядеть на мир глазами Агафьи: самолет... поезд... люди в поезде... придорожные села... толчея на вокзале в Новокузнецке... пересадка на электричку до Таштагола... езда в «газике» до глухого поселка в тайге...

Поселок Килинск мне очень понравился. Все было, как описала Агафья: «живут в домах добрых, хлеб едят добрый». В каждом дворе, как выяснилось, есть непременно лошадь, корова (а то и две!), по зеленым улицам ходили овцы, индюки, гуси, ребятишки у пруда удили рыбу. Всюду на взгорках, на полянах возле тайги стояли стожки погожего сена. Пахучий деревенский дымок стелился в ложбине над речкой...

Много было тут бородатых людей, старых и молодых. И, как выяснилось, почти все приходились Агафье родней. Тут живы еще три старушки, сестры умершей матери Агафьи. (Всего их было восемь сестер.) Большое число у Агафьи тут двоюродных сестер и братьев. И едва ли не половина всей молодой поросли Килинска приходится ей племянниками.

Давнишнее село староверов. И не знаю, сколь крепко тут дело с религией, в быту же – порядок и соблюдение традиций. Тут «в бородах» были и молодые, очень похожие на московских кинорежиссеров ребята. Правда, какие-то тихие. Присматриваясь, как повести себя в староверческом стане, я довольно скоро выяснил: бородач Анисим Никонович Тропин, с которым я вел переписку и который два раза посетил Лыковых, «прошел войну в войсках Рокоссовского», его сын Трофим, пришедший на встречу с двумя ребятишками за руку, служил недавно в десантных войсках, а зять Александр – в танковых. Старики сейчас «копаются в земле», молодежь моет золото – работает механиками, бульдозеристами, электриками.

Я попросил свозить меня к драге. И минут через двадцать тряской дороги увидел громадное сооружение, походившее на застрявшего в луже слона. Молодые бородачи посвятили гостя в тайны добычи крупинки золота из перемешанных с глиной камней. Александр показал, как работает на бульдозере, запружая для драги таежный ключ.

А потом мы сидели в доме Анисима Никоновича и говорили о том о сем, в том числе о клубе и школе в поселке, об урожае картофеля и орехов, о Чернобыле, о землетрясении в Кишиневе, о пчеловодстве, о необычно большом в этом году урожае калины. Но, конечно, главной темой было гостевание тут Агафьи (Агаша, зовут ее тетки). Я понял главное: Агафье было тут хорошо. И если бы ей пришлось покинуть родовое таежное место, жизненное прибежище для нее есть.

* * *

Листая блокнот, отмечаю пометки о просьбах. Анисим Никонович просит о фотографиях

с внуками. Сын его Тимофей просит добыть лекарство – прыгал с парашютом, повредил позвоночник. И скромная просьба Агафьи: батарейки к фонарику, чугунок небольшого размера и ножик-«складень»...

Октябрь 1986 г.

Новоселье

В мае я получил письмо с новостями из Тупика. Как обычно, письмо начиналось «ниским поклоном» и пожеланием «доброго здоровья и душевного спасения». Новостью было то, что письмо отправлялось с оказией с нового места. «Переселились и обживаемся помаленьку... Всю зиму было много хлопот и трудов... Милости просим на новоселье». Пришедшее следом письмо Ерофея кое-что объясняло. «Осенью Лыковы неожиданно заговорили о переселении... Долго обсуждали – куда? Остановились на старом „родовом“ месте», откуда ушли они, затаившись в горах, в 1945 году. Это в десяти километрах от хижины кверху по Абакану. Сейчас они шлют вам привет и очень ждут в гости, потому что нуждаются в помощи. Будете готовить гостинцы – помните главное – овсянка, свечи, батарейки для фонаря... Вертолет может сесть на косе в двухстах метрах от их жилища...»

* * *

Начало этого лета в горной, лесной Хакасии было дождливым. А в июле разом установилась жаркая и сухая погода. Появилась в лесах пожароопасность. Вертолет, на который я пристроился, патрулировал над обширным районом верхнего Абакана. Начальник лесной противопожарной службы Викентий Алексеевич Исаковский, знающий в этих местах каждую гору и каждый распадок с белой ниткой речушки, не видя снизу дымов, прильнул к окошку – искал для меня объекты съемки. Объектами этими были медведи. Опоздавшее лето только теперь вывело зверя из-под полога леса на горные травы. Медведи паслись на пестревших красным и белым цветом лугах. Услышав шум вертолета, они задирали головы и прыжками с оглядкой, увязая в траве, бежали к кромке редкого кедрача.

Сигналом летчик предупредил: приближаемся к Еринату, речке, впадающей в Абакан. Где-то вблизи от устья должна быть избушка справивших новоселье.

Проносимся в узком ущелье над чешуйчатой лентой воды. Первозданная дикость природы. Никакого следа человека.

– Направо, направо смотрите!..

Мелькнули на крутом склоне горы борозды огорода. И вот уже вертолет прицелился сесть на каменистую косу около речки.

Винты машины еще крутились, когда из-под полога леса выкатились две фигуры. Спешат к машине. Ветер пузырит на них одежку, у старика сбило шляпу...

Прижав нас ветром, вертолет косо уходит в ущелье. Гул мотора сменяется шумом быстро текущей речки.

– На том берегу неделю назад объявился медведь. Стоит, с любопытством меня разглядывает. По ведерку торкнула – убежал...

На Агафье неизменный черный платок, такого же цвета платье и поверх него – синее с белым горошком подобие сарафана. Карп Осипович, несмотря на жару, – в валенках, в зеленой байковой рубахе с рисунком красных грибочков – из такой материи шьют рубашонки детям.

– Милости просим. Милости просим...

Старик и Агафья идут впереди, за ними с мешком пшена на плечах – Ерофей. Дорожка под пологом леса тянется метров сто, и вот он, населенный пункт с двумя жильцами, не охваченными всемирной статистикой, как раз в тот день поведавшей миру: нас, людей, на Земле, пять миллиардов.

Избушка. Ерофей мне писал: «То, что ты видел раньше, – хоромы по сравнению с тем, что увидишь». И в самом деле, громадный Ерофей, кажется, может, поднатужившись, поднять жилище одной рукой. Избушке – два метра на два – не хватает разве что курьих ножек, чтобы выглядеть принадлежностью сказок. Но все реально. Синей струйкой тянется из железной

трубы дымок. Знакомая коза Муська привязана рядом. В избушку мы с Ерофеем решаемся лишь заглянуть. Согнувшись, внутри поместиться могут лишь двое ее жильцов. Против двери – нары Карпа Осиповича, слева, – Агафьи. В правом углу железная печка размером с маленький чемодан. Столу быть негде. Его заменяет дощечка. К обеду Агафья приносит ее снаружи. Одно окошко размером с книгу. Оплывшая свеча у стекла. На бечевке над нарами – полка с закопченными книгами и иконами, кастрюлька, два туюска. На этой жилплощади вместе с двумя людьми обитают еще две кошки и громадных размеров древесные муравьи. Крошечную избушку для зимних ночлегов срубил абазинский охотник Александр Рыков, промышлявший тут белку и соболя. В дело пошли полусгнившие бревна избы, где сорок два года назад жили Лыковы и где родилась Агафья...

С детской непосредственностью Агафья с отцом помогают мне распаковывать картонный короб, зная, что в нем гостинцы. Все как нельзя кстати – геркулес, предварительно вытряхнутый из коробок в мешок (иначе бы отказались!), свечи и батарейки. Но восклицание радости вызвала лампочка к фонарю.

– Бог, видать, надоумил! У меня-то старая извелась. А без лампочки фонарь недействительный...

Пока мы с Ерофеем смеемся, оценив по достоинству словцо «недействительный», Агафья быстро снаряжает фонарик.

– Горит!..

Потом зажигаются два костерка. Мы варим картошку, Агафья овсянку. Приглашение попить с нами чайку отвергается, но, пожаловавшись на недавнюю болезнь, Агафья внимательно слушает, как чаем лечат глаза. Без умолку говорит Карп Осипович. Уже не улавливая – слушают его или нет, старик в который раз рассказывает известную нам историю с солью. «Греха не убоялись – тридцать пудов недодали! А ведь община собольками за соль платила...» Истории лет пятьдесят с лишним, но она свежа в стариковской памяти.

Пообедав, садимся под кедром поговорить о самом главном: почему и как оказались на новом месте?

* * *

Решение переселиться Агафья объяснила так: нижняя избушка на Абакане, где ютились когда-то ловившие рыбу Савин и Дмитрий, оказалось, хороша для жилья только летом. Зимой житье в этом месте было несладким. Главное, снегом заносило ручей – надо было часто откапывать и чистить к воде дорожку. При болезнях прошлого года это стало делом нелегким. Оголенное вырубкой место было зимой еще и ветрено. Дровяной сухостой вблизи перевелся. Сильно истощенным оказался и огород. На все это Агафья пожаловалась еще прошлым летом. Решение «надо с места сходить» к осени вызрело окончательно.

Но куда подаваться? Было три варианта. К себе, к поселку, настойчиво звали геологи – «разровняем бульдозером место для огорода, избу поставим». «Да уж нет, бульдозером-то нельзя, грешно бульдозером-то...» – пела в ответ Агафья. Геологи не настаивали, понимали: вблизи их становища будет Лыковым беспокойно. Они появлялись тут с радостью, но, погостив дня три-четыре, с радостью и удалялись. К тому же в последнее время идут разговоры: дела у геологов закружаются, и, значит, опустеет поселок. Уже сократилось число рабочих. Ерофей надумал податься в охотники – промышлять зверя...

Второй вариант – родственники. После визита Агафьи в староверческий их поселок призывы оттуда шли постоянно. К осени прибыл даже «посол» – бородатый свояк Карпа Осиповича Трифилей Панфилович Орлов. Судили-рядили долго. Вспомнили давние распри, которые, как можно понять, и побудили сорокалетнего тогда Карпа Лыкова «удалиться от всех». Трифилей уехал ни с чем. Итог беседы с «послом» Карп Осипович изложил мне кратко и выразительно: «Агафью-то примут. А мне чего же старость туда тащить. Они меня схватят, как рябчика ястреб». Агафья это все понимает. Молча подкладывает в костерок полешки и тихо вздыхает.

Вариант третий оказался самым приемлемым. Заимка на реке Еринат, впадающей в Абакан десятью километрами выше, была местом, где Лыковы, уйдя в тридцатых годах от

общины, жили «не тайно». «Жили в великих трудах, но покойно», – еще в первую встречу сказал мне старик. Позже не раз Еринат всплывал в разговорах. «Я там родилась...» – подчеркивала Агафья. Карп Осипович рассказывал о заимке как о месте исключительно «для житья добром».

На крутом склоне горы, на поросшей иван-чаем таежной гари поселенцы расчистили огород размером в две десятины. Растили картошку, репу, горох, рожь, коноплю. На речке городили «заездки» и добывали по осени до семидесяти пудов хариуса. Жили сначала в землянке. Потом срубили избу.

Место это, мало кому доступное, все же было известно. Раза два останавливались у Лыковых геодезисты-топографы. «Подивятся на наше житье и уйдут по делам». Так было до осени 45-го года. Со стороны присоединившейся Тувы пришел тогда к Абакану отряд, искавший в этих местах дезертиров. «Кто такие?» – «Мы – православные христиане, молимся богу тут, в закуте...» Начальник отряда, человек, как видно, неглупый, за дезертиров Лыковых не посчитал. Но самих «православных христиан» характер разговора, как можно предположить, сильно насторожил. И как только отряд скрылся за перевалом, Лыковы спешно начали рыть картошку, а потом «в три недели» снесли урожай, инструменты, ткацкий станок, все, что надо для жизни, на новое место – в горы, в сторону от реки, срубили там спешно избу и стали жить «в тайне». Место их прежнего обитания запечатлелось на старых подробных картах как «изба Лыковых» и служило позже путевой точкой для редких охотников, топографов и геологов. Но была это всего лишь заброшенная изба без людей.

Агафье, родившейся на Еринате, к моменту переселения исполнился год. Все, что было в ту далекую теперь осень, знает она по рассказам. В рассказах этих о давнем «не тайном» житье всегда было много тепла. Не один раз Агафья с братьями приходила на «родовое» место, оглядывала избу, зараставший березами огород. Прошлую осень, прежде чем принять решение – переселиться, она пришла сюда снова. Со знанием дела помяла в ладонях землю и нашла ее плодородной. Но рос на огороде уже сорокалетний лес, а изба превратилась в избушку-нору. Решению переселиться это, однако, не помешало.

* * *

Ерофей писал мне в Москву в октябре: «Охотился вблизи Ерината. Добрался к избушке, смотрю, у входа висит узелок, а чуть в стороне летят из ямы комья земли. Подхожу – Агафья! Роет погреб...»

Переселенье Агафья хорошо продумала и спланировала. Принесла сначала топор, лопату, ножик, кастрюльку, узелок к сухарям, соль, крупу и огниво. Первой ее постройкой был лабаз – маленький сруб на двух «ногах» – высоко срубленных кедрах. Сооружение нехитрое, однако и не простое для одного человека. И обязательное для жизни в тайге. Иначе разорят медведи, мыши, бурундуки.

Построив лабаз, взялась Агафья за погреб – яму для картофеля и моркови, но надо для ямы сделать еще накат, творило, крышу. Все сделала! И начались челночные переходы. Десять километров тайгой. Туда – десять, обратно – десять. Поклажа – два ведра картошки или крупа, сухари, посуда, одежда. Четыре часа ходу в один конец. «Сначала ходила так, сделался снег глубоким – стала на лыжах».

Прибыв на место с поклажей, Агафья варила наскоро «хлебово» и сразу бралась за работу. Сорокалетний лес, выросший на двух десятинах давнего огорода, молодой своей прочностью устроил бы бригаду мужиков-лесорубов. Но не Агафью! Одна, с топором, с лучковой пилой (собственное ее изделие), с веревкой и лопатой, взялась она за сведение леса. Свалит елку или березу, обрубит сучья, разделит ствол на куски, чтобы было по силам нести, и носит. Так понемногу всю зиму с октября месяца, памятуя пословицу «глаза боятся, а руки делают», трудилась она на круто падавшем склоне горы. «День-то зимою не долог, так я копалась в лунные ночи...»

Бесхитрый этот рассказ я слушал, сидя рядом с Агафьей под елкой возле избушки. Шумела внизу река. Обеспокоенный дятел клыкал в зеленой чаще. Прогретая солнцем тайга источала дразнящий здоровый запах... Зимой тут было иначе. Тишина. Снег. На час выплывало

из-за горы солнце и сразу же пряталось за соседней горой. «Копалась в лунные ночи...» Я даже вздрогнул, представив тут человека зимой.

– Не страшно было, Агафья?

– А цё страшного – медведи спят. Одна забота – не оплошать: ногу не подвернуть, не попасть под лесину...

Тридцать три раза сходила за зиму Агафья от избушки, где оставляла отца, к этому месту. Перенесла, кутая в тряпье от мороза, сорок ведер картошки на семена, переправила три мешка сухарей, муку, крупу, орехи, посуду, свечи, книги, одежду и одеяла.

29 марта, опасаясь, что талые воды преградят путь, тронулись к месту с отцом. Ерофей написал: «В воскресенье я выбрал время сбегать к избушке. Стучусь – ни звука. Увидел следы и понял: ушли. Вдоль реки к Еринату тянулись два человеческих следа и след козы».

«По слабости ног шли четверо суток, – вспоминает Карп Осипович. – Ночевали возле костра...» Коза и две кошки благополучно вместе с людьми переправились к новому месту. «Кота же лишились. Вырвался, убежал. Не знаем: жив ли?»

Второго апреля новоселье состоялось. Старик, охая и вспоминая «здоровые лета», приходил в себя после нелегкого перехода. Агафье же надо было спешить с делами на огороде. Корчевала пеньки, расчищала землю от веток, потом копала, сажала картошку, делала грядки... Мы застали ее в пору, когда можно было передохнуть – огород зеленел, обещая хорошую плату за все труды.

Не скрывая радости, Агафья показала с полгектара отвоеванных у тайги склонов. Крутизна огорода была градусов сорок. Как альпинисты, хватаясь за оставшиеся кое-где пни и кусты жимолости, поднимались мы вверх. Спугнули белку, искавшую что-то между борозд, и присели перевести дух у самой верхней куртины, где весело вился зацветавший горох.

– Тятенька сказывал, мешки с картошкой тут вниз на веревках спускали, – сказала Агафья, прикидывая, как видно, сбор урожая... – Москва-то далече отсюда, – словно угадав мои мысли, добавила она, покусывая зеленый пруттик.

Я в самом деле подумал в этот момент о Москве, о муравейниках многих других городов, об учтенном статистикой роде людском. Пять миллиардов! Всех земля кормит. И есть среди тружеников Земли вот это странное заблудшее существо, вызывающее жалость и уважение.

– Труженица ты, Агафья! – говорю я в продолжение своих мыслей.

Моя собеседница кротко, застенчиво улыбнулась:

– А ведь нельзя без трудов-то. Грешно – без трудов. Да и не выжить...

Агафья просит показать ей часы. Достает из кармана свои с цепочкой и нарисованными на циферблате от руки старославянскими буквами взамен цифр.

– Вот ведь что! На два с половиной часа отстали. По солнцу ставила и ошиблась...

– Эй, где вы там! – кричит Ерофей снизу. – Ужин готов. Спускайтесь!

* * *

Вечером у костра Карп Осипович опять предался воспоминаниям, но вдруг встрепенулся:

– В миру-то, слышали, большие дела начались...

– Да, перестройка, – откликнулся Ерофей и популярно просветил старика насчет мирских дел.

– Нам-то от этого какого-нибудь худа не будет?

– Живите. Никто обижать вас не станет.

– Николай Николаевич-то обещал подсобить, поставить избушку, – отозвалась Агафья...

Нынешняя конура Лыковых для зимы никак не годится.

Прилетавший в эти места до нас Николай Николаевич Савушкин виделся с Лыковыми и обещал: «Поставим избу для охотников. А вы ее обживайте...» Я сказал, что знаю об этом обещании, что его подтвердили в Таштыпе и Абакане. К зиме избушку непременно поставят.

– За милосердие людское будем молиться, – перекрестился старик.

Обсуждались у костерка и другие дела-проблемы. Что делать с козой? Без козла молока она не дает.

– Зарежьте, и делу конец! – сказал Ерофей.

– Так ведь привыкла я, жалко. Весной березовым соком ее поила.

– Тогда – доживем до нового лета – ждите козла...

Агафью такая перспектива устраивала. Понравилось ей и соображение Ерофея вертолетом перебросить со старого места пожитки.

– Вынеси все на берег. За три минуты с первой оказией летчики перебросят.

В разговоре о житейских делах пропущен был час вечерней молитвы. Старик сокрушенно побежал в избу, затеплил свечку. Но Агафья не поспешила на призывы отца. Из избушки к костру она вынесла узелок и стала показывать у огня пожелтевшую скатерть, пестрый платок, вязанный пояс.

– Мамино...

Эти «фамильные ценности» Агафья принесла еще осенью с первым мешком сухарей. Ей важно было их сейчас показать, поделиться таким понятным человеческим чувством...

В час ночи забрались мы с Ерофеем в палатку. После дневной жары было более чем прохладно. Натянули на себя свитеры и подштанники, попросили у Агафьи еще одеяло. Шум реки хорошо убаюкивал.

* * *

Утром, пока Ерофей перетаскивал с берега к хижине на лодке привезенную печку и устраивал на лабазе мешок пшена, Агафья мне показала реликвию, сохранившуюся тут от давней жизни семьи. В крапиве лежало долбленое, больших размеров корыто.

– Я в нем родилась...

Акулина Лыкова никак не могла разрешиться четвертым ребенком. Под вопли роженицы сильный в те годы Карп Лыков повалил кедр и за день выдолбил это корыто. В него налили согретой воды. В корыте Агафья и появилась на свет. Было это сорок три года назад.

– Да, корыто, корыто... – философствовал Ерофей, пытаясь вытащить из крапивы долбленку...

И услышали мы вертолет. Пока все вместе сбегали сверху к реке, вертолет уже сел на косе. Летчики предложили нам полететь – «в ближайшие дни попутных машин не будет, да и погода может прокиснуть». В две минуты мы с Ерофеем сложили палатку. И вот уже прощанье у вертолета – пожелания здоровья, орешки в карман на дорогу... Взлетаем. Упругий ветер пригибает к белой гальке лозняк. Агафья, повернувшись боком, стоит на ветру, старик же припал к валуну, держит рукою шляпу.

Подымаемся над каньоном. Мелькнула поляна с покинутой хижинкой Лыковых. Две минуты полета, и летчик звуком дает сигнал: справа по борту медведь. Гляжу от ветра слезящимся глазом в открытый иллюминатор – медведь! Вершина горы. Пролетаем над зверем низко. Он устремляется вниз к кедрочкам, оставляет в траве заметную борозду.

Июль 1987 г.

Кончина Лыкова-старшего

Вернувшись в марте из отпуска, я обнаружил дома письма и телеграммы: «Скончался Карп Осипович Лыков». А уже через день на вертолете метеослужбы, замерявшем запасы снега в Саянской тайге, мы летели над Абаканом.

Я первый раз видел эти места зимой. Белым холстом река стелилась между горами. Кое-где, не сдаваясь морозам, она чернела водой, кое-где по белому вился олений след. Пронизанный мартовским солнцем, суровый сибирский лес стоял по сопкам в дремотном оцепенении. В нужных местах на заданной с осени высоте вертолет обтекал горы. Мигали в кабине глазки снегомерных приборов. «Много ли навалило?» – «В среднем – по пояс, но есть места – больше двух метров», – ответил гидролог. Недоступные, непролазные, в снегах потонувшие дебри. Трудно вообразить тут очажок жизни. Но он где то есть. В ясный день пилоты находят его не глядя на карту. Сигнал: «Смотрите по левому борту!» И вот мелькнула крыша избушки с дымком из трубы, забегала рядом коза на привязи, человеческий след и проруби на реке... И вот мы уже на земле. Вертолет тотчас же исчезает. Мы стоим по пояс в

снегу, слышим дробь дятла, бляение козы и видим семящую внизу фигурку, закутанную в три, а может, в четыре платка. Агафья! За восемь лет первый раз она встречает гостей одна.

* * *

Бросив поклажу возле порога избы, молча идем по тропинке в глубь леса. Вот оно, последнее убежище старика Лыкова: горца серой земли и над нею восьмиконечный тесаный крест. К кресту веревочкой привязано бронзовое распятие.

Агафья постояла с нами возле могилы. Не заплакала. Ерофей рассказывал: не плакала и когда шила саван, когда засыпали могилу. Но глубоко протоптанная в снегу тропинка свидетельствовала о каждодневном приходе сюда.

Как все было? Мы с расспросами не спешили. И Агафья держалась так, как будто ничего особого не случилось. Попросила помочь откопать погреб. Принесла картошки и репы. Затопила печурку. С обычным застенчивым любопытством взяла гостинцы, особо радуясь снаряжению к фонарю и лимонам – «лимоны-то я недавно во сне видела». И потом уже рассказала в мелких подробностях о кончине – о самой кончине, о похоронах и о том, что было до этого, как жили осень и зиму, о чем говорили в последний раз.

Главным событием года минувшего было строительство новой избы. В остатках старого родового для Агафьи жилья зимовать было нельзя. Летом Лыковым твердо пообещали помочь. И обещанье Николай Николаевич Савушкин выполнил. Построить избу тут было и просто и сложно. Просто потому, что лес – рядом. Сложно потому, что все до мелочи надо было сюда переправить.хлопоты экспедитора взял на себя директор лесхоза в Таштыпе Юрий Васильевич Гусев, а сруб ставили лесные пожарники и Ерофей, на долю которого выпала, как он сказал, «медвежья работа» по заготовке бревен. И сейчас новостройка еще не пропиталась характерным лыковским духом, пахнет смолой, стены еще не закопчены, изба светла и просторна. Обращая ежедневно лицо в угол, где на полке стоят иконы, Агафья по памяти «во здравие» поминает плотников: Александра Путилова, Юрия и Николая Кокоткиных, Александра Чихачева, Петра Мохова, Ерофея Седова.

Свою часть работы Агафья сделала позже, перед самой зимой – сложила из речных валунов почти что русскую печку. Трудно было со сводами, но сметливая Агафья прикатила с берега бочку, брошенную геологами, распорол ее, своды вышли – лучше не надо. Для тепла служит переправленная сюда геологами железная печка, а кухарит Агафья у каменной – при нас испекла хлеба, в чугушке «для леченья» напарила свежих апельсиновых корок.

Карп Осипович по слабости тела в становление избы не участвовал, но очень радовался обновке. Глядя руками стены, всплакнул: «Не придется пожить в хорошей избе». Минувшим летом он был уже дряхлым, забывчивым. Приближение конца, видно, чувствовал и в последний раз на свой лад попытался устроить будущее Агафьи.

В конце лета прибилась к Лыковым пара единоверцев из Поти – муж и жена. Назвавшись родичами Лыковых, уговорили геологов к ним переправить.

Борода бывшего киномеханика и моленье его супруги прилились старику по душе. Союз на жительство был заключен. Ерофей, разглядевший в пенсионерах с Кавказа искателей «чего неизвестно», предостерег: «Не крутите голову старику, житье не выйдет. Тут ведь утром – картошка, в обед – картошка, на ужин – картошка. Геологи к этому кое-что добавляют, но вас снабжать никто тут не будет». Это суждение «подселенцы» пропустили мимо ушей – «в войну не такое видали». Однако из Тупика они скоро ушли, объявившись осенью в доме у Ерофея. На вопрос, отчего же не состоялась зимовка, ответили: «Пища нам не подходит, и вера не та».

Агафья, вспоминая гостей, разногласия подтвердила: «Цё за вера у них – масло из бутылки едят, молоко сушеное едят, консерву едят. Едак-то надо в миру и жить». На том союз и окончился к обоюдной радости тех и других.

Навещал Лыковых с той поры один Ерофей. В его жизни в прошлом году случился крутой поворот. Повздорив с начальством, на старой своей работе остаться он посчитал невозможным и подался в охотники. Таежным любительским промыслом он занимался всегда и считал себя годным для охоты профессиональной. В трех часах хода от Лыковых Ерофей построил избушку и в октябре в нее перебрался. Зима показала: таежный промысел – дело тонкое, нужен опыт и

знание. Пушнины добыл Ерофей раза в четыре меньше, чем взяли охотники с опытом. Ему, правда, сильно не повезло – оказался по пояс в воде и шел потом три часа к зимовке. В результате обморозил на ноге пальцы и застудил колено. Нога болела, гноилась. По всем правилам, по рации надо было вызывать вертолет. «Не позволило самолюбие – проверял капканы, надевая на одну ногу валенок, на другую – сапог». Ближайшей лечебницей для охотника стала избушка Лыковых. Врачевала Агафья свечным парафином и припарками из пихтовой хвои. Лечение было успешным – Ерофей без богатой добычи, но вместе с остальными охотниками выбрался из тайги...

Сейчас кружком мы сидим у натопленной печки. Дымится в кастрюльке картошка. Макаем горячие клубни в соль и искренне хвалим – никто из нас и нигде не ел столь вкусной картошки.

Прижилась у таежной избы скотина. Осенью заглянул сюда Николай Николаевич Савушкин, он привез в компанию Муське еще одну козочку и козла. И есть уже прибавление в семействе – бегают у загона, не страшась холода, вполне окрепший козленок, а в избе по лавкам и по скамейкам скачет прелестное десятидневное существо серовато-кофейного цвета с белой отметиной на ноге. «Мальчик... Мальчиком назвала, – Агафья прижимает к себе козленка, целует белое пятнышко у копытца. – Тятя был бы рад. Ждал. Да вот не дождался». Козленок, родившись, насосался из вымени материнского молока и никак не хотел пить из чашки. Изобретательная Агафья сшила «вымя» с удобным сосочком из бересты и на руках теперь поит козленка.

* * *

По странному совпадению Карп Осипович Лыков умер в тот же день – 16 февраля, – в какой двадцать семь лет назад умерла жена его Акулина. Тщательно, вместе с Агафьей, мы посчитали: умер на восемьдесят седьмом году. Умер, можно сказать, от старости. В последнее время ни в каких делах старик не участвовал – лежал, поднимаясь только поесть и к молитве. В феврале стало замечаться помутнение рассудка – все куда-то пытался пойти. 15 февраля, выйдя за дверь, упал, и Агафья с трудом втащила его в избу. Полежав с полчаса, опять устремился наружу. Обливаясь потом, Агафья вволокла его в дверь, уложила у печки. Уснув под храп и хрипы отца, на рассвете Агафья встрепенулась от тишины: «Подбежала, а он холодный...»

Что ж теперь делать? Помолилась. Заперла в загоне коз и достала с чердака лыжи. В 12 часов тронулась вдоль Абакана к поселку геологов сообщить о случившемся.

Двадцать пять километров одолела Агафья за восемь часов. Уже поздно вечером, в темноте, постучалась в окошко, где жила ее знакомая фельдшерица. В натопленной комнате Агафья повалилась на пол без чувств, успев попросить, чтобы сообщили в Абазу Ерофею, а он уж пусть сообщит кому надо.

Ночью Агафья металась в жару, и фельдшерица, как следует ее отогрев, предложила лекарство. «Грешно таблетки-то...» – «А иначе можешь и умереть...» – «Да оно, может, и к лучшему, умереть-то...» Однако проглотила таблетку. Пила лекарство потом аккуратно и даже взяла с собой впрок.

– Вот погляди, Василий Михайлович, цё это? – Из узелка с травами Агафья извлекла облатку с синеватыми пуговками олететрина.

– Это лекарство, возможно, спасло тебе жизнь.

Агафья вздохнула:

– Может, и так. Да ведь грех-то большой – таблетки. Теперь отмаливаю. Шесть недель отмаливать полагается...

Три дня в феврале Агафья отлеживалась у геологов. Тем временем срочные телеграммы, посланные Ерофеем, дошли в Москву, в Абакан, к родственникам Лыковых в Таштагол. 19 февраля в поселок вертолетом из Абазы прилетел начальник геологической партии Сергей Петрович Черепанов, трое родичей Лыковых, начальник милиции, женщина-прокурор и Ерофей. Как быть с Агафьей – нездорова и согласится ли сесть в вертолет? Согласилась безропотно.

У прокурора и начальника милиции формальности были короткие. Осмотрели умершего,

занесли в протокол: «За три дня лежания трупа голодные кошки объели руку». Агафья, выкинув из избы кошек, вынесла Ерофею ружье: «Стреляй. Видеть их не хочу...»

Вертолет с официальными людьми улетел. Агафья из старого домотканого полотна села шить саван. Родственник Анисим Никонович Тропин, обтесав кедровые плахи, начал сколачивать домовину, а сын его с Ерофеем рыли могилу.

20 февраля старика схоронили. Не было ни речей, ни плача, ни слез. По обряду долго творили молитвы. А через день, после долгих бесед у свечи, все прилетевшие стали на лыжи и пошли к поселку геологов. Ерофей: «Я оглянулся махнуть Агафье рукой. Стоит у речного обрыва как каменная. Не плачет. Кивнула: „Идите, идите“. Прошли с километр, оглянулся – стоит...»

* * *

Месяц прошел с того дня. Никто за это время не побывал в избушке на реке Еринат. Только след волка обнаружили мы с Ерофеем. Видно было: одинокий немолодой зверь перешел через речку, сделал круг у избушки и долго топтался на месте, привлеченный, видно, запахом из загона, где ночевали козы.

– Что ж будем делать? Одному человеку в тайге нельзя... – Николай Николаевич Савушкин, Ерофей и я задаем этот простой и понятный вопрос. Ответ на него такой же, каким был и месяц назад, в день похорон.

– Тятенька благословенья уйти не дал... – И начинает играть с козленком.

Проблема с Агафьей с позапрошлого года казалась решенной. Мне она написала: «Тятенька уберется – буду жить у своих». Считая, что сразу Агафью и заберут, родственники стали прикидывать, что взять из избушки, а что надо бросить. И тут выяснилось: Агафья тронуться никуда не желает. Объясняли, втолковывали, уговаривали, пугали. Ответ один: «Благословенья от тяти не получила». «Поставим отдельно избу, как и тут, заведешь огород...» – «Без родительского благословенья не можно...» Уже перед самым уходом Анисим Тропин полусерьезно сказал:

– Будешь противиться – свяжем и в вертолет.

Ответила:

– Не такое сейчас время-то, чтобы связывать...

На том и расстались.

Ерофей рассказал мне все это в письме. Я рассудил: трудно было Агафье уйти от свежей могилы. Поживет одиноко в тайге – образумится. Нет, все осталось по-прежнему. По очереди с Николаем Николаевичем объясняем ей положение одинокого человека в тайге: медведи, болезни, приход нехороших людей, какой-нибудь случай – кто поможет?

– Да уж что господь даст...

Догадываемся, были у старика перед кончиной с дочерью «философские» разговоры на тему, как не пустить по ветру все, что накоплено для «царства небесного» отшельничеством, постами, молитвами. Пришли к выводу: «в миру» капитал этот прахом пойдет – «нам с миром жить не можно».

И Агафья пока что не смеет ослушаться. Не без скрытого смысла рассказала нам житие «пустынницы» Марии Египетской, прочитанное вместе с отцом незадолго до кончины.

Еще и еще раз напомнили мы сорокатрехлетней дочери этой тайги о всем, что может тут угрожать одинокому человеку.

– Что господь даст... – И играет с козленком.

Вертолета, выполнявшего на другой день рейс к геологам, мы ждали долго. Мартовская тайга уже наполнялась голосами синиц, дробью дятлов, всполошным криком кедровок. Над козьем стойлом вился парок. По огородному склону из-под кучи валежника уже тек робкий, маленький ручеек. На припек из открытой нечаянно двери выбежал любимец Агафьи козленок – и прямо к материнскому вымени. Вцепился, сосет, подрагивая от возбуждения. Агафья с криком «ай-ай!» сгребла любимца и села к окошку поить из берестяной посуды.

Коротая у костра время, мы с Николаем Николаевичем достали из рюкзака газеты, купленные в Абазе. Чего только нет в человеческом океане – идут через полюс на лыжах...

стрельба в самолете... стрельба в Иерусалиме... новое совещание в Вашингтоне... И от всего вдалеке – вот эта догорающая, как свечка, особенная человеческая судьба. Украдкой наблюдаем, как понуждает Агафья козленка пить молоко. Сама не пьет – пост. Какая сила держит ее на месте? Неизбежно печальным будет конец, но она не страшится...

Ерофей, счищавший с избушки снег, первым услышал шум вертолета. Постучал по крыше лопатой: «Агафья, Агафья, будем прощаться!»

К вертолету с нами Агафья не побежала. Взлетая, мы увидели ее такой же, как встретили, – в мышинного цвета одежде, в резиновых зашитых нитками сапогах, с тремя платками на голове. О чем она может думать сейчас?

Просим пилотов пролететь над избой... Виден сверху не погасший наш костерок, коза с козленком, одинокая фигура глядящего вверх человека...

Летящему в Абазу начальнику геологической партии Черепанову Сергею Петровичу не терпится узнать, чем окончилась наша миссия.

– Я так и думал... Но, может быть, позже, когда как следует оглядится, одумается.

– Может быть...

Час полета, и ни единого человеческого следа внизу.

Март 1988 г.

Одна

В июне получил я большое, на восьми страницах, письмо от Агафьи. Почувствовал: пишет стесненная одиночеством – «После вас-то до мая никого не было». Подробно сообщалось в письме о нашествии после спячки медведей. Одного Агафья встретила на реке, когда пошла за водой. «Стала бить по ведру, а сама пячусь, пячусь к избе... Схватила ружье, дала два выстрела вверх». Через день еще один зверь «поменьше ростом» интересовался ямой с картошкой и козьем загонем, но почему-то ушел, «ничего не порушил». А потом появился опять и стал разрывать могилу Карпа Осиповича. Отпугнув зверя выстрелами, Агафья поразвесила всюду «пужала» – дареную красную кофту, праздничный сарафан, красное детское платьице, в коем завернуты *были* свечи. Забегая вперед, скажу: эту охранную сигнализацию мы увидели возле избы, у могилы и у загона для коз. Полинявшие от дождей красные тряпки были единственным средством, оберегавшим затерянного в тайге одинокого человека. Весной звери голодны. Опасность была нешуточная. И Агафья, крайне деликатная в просьбах, на этот раз написала: «Нужна мне собачка». Еще просила о чугунках небольшого размера и теплом стеганом одеяле. Эти просьбы, сообщения об огороде и отсутствии страха перед медведями не оставляли сомнения в том, что куда-либо двигаться из Тупика Агафья Лыкова не намерена.

В то же время без «мирской» поддержки жизнь ее невозможна. Геологи подбрасывают таежной соседке муку, крупу, садовые лакомства из Абазы. Мы с Николаем Николаевичем Савушкиным и Ерофеем заранее списываемся, что нужней и полезней будет для нашей «подшефной» таежницы, как лучше истратить несколько десятков и четвертных, присланных в газету с пометкой на переводе: «Купите чтонибудь для Агафьи». В Абакане, по традиции, мы держим совет в исполкоме с Галиной Алексеевной Трошкиной – человеком сердечным, хорошо понимающим необычность наших забот и готовой внести в это дело лепту официальной власти, облекая ее в форму, приемлемую для этого нестандартного случая. Происходит это уже восемь лет по выбранной стежке: «Милосердно помочь, ни к чему не принуждая и не стесняя», и сложилось все в неформальное попечительство, участие в котором принимают и читатели нашей газеты.

На этот раз в вертолет мы погрузили три тюка сена и пять мешков комбикорма для коз, муку, крупу, мед, свечи, батарейки, фонарик, кастрюли, чугунки, решето, одеяло, бумагу, конверты, карандаши, картонный ящик гостинцев с московского Бутырского рынка, кусок материи для «устрашения медведей», ящик с курами и кобелька по кличке Дружок. Кроме того, в Абакане мы купили лицензию на отстрел марала. (Ерофею с наступлением холодов предстоит добыть зверя и вместе с Агафьей переправить мясо к жилью.) Перечисляю все это в порядке отчета перед всеми, кто принимает участие в судьбе Агафьи, а также для представления о ценностях в ее нынешней жизни.

Она по-прежнему многое не приемлет: хлеб – только свой, не притронется к колбасе и консервам, не возьмет масла в бутылке, чищеную рыбу, варенье, конфеты, чай, сахар. По этой причине геркулес из коробок мы, как всегда, вытряхнули в свежую наволочку, мед запасли в туюске. Принимает гостинцы подопечная с благодарностью – «спаси бог», но с чувством достоинства, без заискивания и очень редко о чем-нибудь просит.

Так было и в этот раз. На вопрос – что ей больше всего пришлось по душе и более всего нужно? – Агафья с улыбкой взяла красный снаружи и ярко-белый внутри размером в два кулака чугунок. «Хороший. На пасху сварю в нем кашу». А нужнее всего оказалась собачка...

Но сначала был полет над тайгой. Уже привычный полет. Земля то обрывалась вниз к Абакану зелеными кручами кедрочей, то набегала безлесными и бестравяными каменистыми вершушками гор, на которых лежал старый снег и зеленели озера талой воды. Осень позолотила луга над тайгой. Брызгами желтого с красным по кедрочам мелькали вершушки берез и осин. Абакан, принимая справа и слева серебристые речки и ручейки, тек в каньоне диким и нелюдимым. По реке плыть – пришлось бы одолеть без малого четыреста километров. По прямой же пространство до нужной точки мы пролетели за час с небольшим.

Было в дороге забавное приключение. Петух, взбудораженный высотой и ревом турбин, ухитрился вылезти из ящика и стал на крыльях метаться по вертолету с истощенным непетушиным криком. Он ухитрился оцарапать Николая Николаевича, но притих в мощных лапищах Ерофея.

Дружок – небольшая беспородная собачонка – глядел на эту возню с полным спокойствием и помахивал хвостиком – «я всем дружок».

Можно гадать: замечают Агафьины красные тряпки медведи или не замечают, мы же сверху их сразу увидели. Опустившись на косу, командир вертолета Олег Кудрин сделал нам знак поспешить и сразу же улетел. Из леса навстречу никто не вышел, и мы решили, что не застали хозяйку дома. Но она появилась, когда, наведя переправу из бревен, мы таскали поклажу к тропе.

– Агафья! Ждала ли?!

– Ждала, ждала! Боялась, погода не утвердится. Бога просила...

Обычный разговор о здоровье, о новостях на этот раз проходил под кудахтанье кур и лай Дружка, еще не осознавшего своей участи. Этот черного цвета живой любознательный новосел сразу же сделался центром внимания на дворе. Дугой выгнула спину кошка и сверху, с крыши загоня для коз, стала разглядывать происходящее. Перестали жевать веники старые козы – лай и облик Дружка заставил, наверное, их припомнить молодое житье-бытье в большом свете. Для козлят же собака была существом незнакомым, и они разглядывали ее с немим любопытством и страхом.

Почти такой же была реакция и Агафьи. Она попыталась Дружка погладить, но он ответил недружелюбным рычанием. Колбаса из рук Агафьи сделала Дружка покладистым, он дался погладить, но менять гражданство явно не торопился – виляньем хвоста и заглядыванием в глаза демонстрировал свою привязанность мужской части двора.

– Ничего, ничего, дня через три станете не разлей вода, – философствовал Ерофей.

При переходе от речки Ерофей ухитрился упустить петуха. Тот с криком на всю тайгу побежал, потом полетел и скрылся в чаще, не оставив надежды на возвращение к курам.

– Ты, Агафья, теперь как помещица, – пересчитывал живность на дворе Ерофей, – кошка, пять коз, пять кур и Дружок.

Слово помещица Агафья приняла без иронии, полагая, что именно так и должен называться человек, владеющий этим богатством.

– Пять коз-то много. Не прокормить. Двух придется колоть. Не знаю уж, как и справлюсь, – привыкла к ним.

Поговорили о корме для коз, о хлопотах с ними. Прикинули: окупаются ли хлопоты молоком? Агафья твердо сказала, что окупаются.

– Без молока-то я скоро бы вслед за тятьей пошла – легкие слабые...

Вспомнили мы о письме, переданном родственниками из Килинска.

– Ну, читай вслух! – пошутил Николай Николаевич.

– «Милая ты наша пустыннощица, как ты там одна, совсем одна на всю тайгу...» – прочитала

Агафья и стихла, углубившись в письмо. Мы разложили костер, достали из рюкзаков еду, а она все стояла с листом. А рядом стоял козленок, жевал подол ее платья.

– Зовут к себе, – сказала Агафья, когда мы сели в сторонке. – Зовут. Но какое мне там житье, какое моленье, если ребяташки у них пионеры. Да и тятя благословенья не дал.

– Но одной-то в тайге...

– Что бог дасть.

Хорошо зная характер сорокачетырехлетней «пустынницы», я все-таки ей повторил кое-что из того, что сказано было еще зимой:

– Можешь неожиданно заболеть. И никто не поможет. Или медведи, пожар в избушке. Ты вот по прежнему ставишь свечки около коробов. Береста. Она вспыхнет, как порох, а ты в это время заснула...

– Едак. Все приключиться может. Спасаясь молитвой. А страху нет. Тут родилась. Умереть не страшусь...

На том и окончился разговор о возможном переселении «в мир». После некоторого молчания Агафья предложила поглядеть погреб. Гордиться тут было чем. Картофельную яму, вырытую летом Ерофеем, Агафья оборудовала хорошим входом с подогнанной крышкой, укрыла сверху берестой и землей. «И рядом с избушкой. Иди, когда хочешь...»

Изба сейчас выглядела иначе, чем в марте. В снегу она казалась приземистой, а сейчас, словно подросшая, изба сверкала тремя оконцами. На одном из них красовался цветок. Оказалось, перец в горшочке. Но и от перца выглядело окошко веселым. Стоял на окошке еще будильник, фонарик и батарейки к нему. И еще, не поверил своим глазам... зеркало! Зеркало в узорной рамке с ручкой – чей-то подарок, явно оказавшийся ко двору. Когда вошли в избу, Агафья взяла зеркальце, шаловливо и как бы немного стыдясь, поглядела в него, поправила у подбородка платок. Даже в огородной своей «спецовке» была она теперь разительно далека от перепачканной сажей дикарки, какую мы видели в первые годы. Лицо Агафьи, поражавшее ранее мучнистой бледностью, было теперь загорелым и даже с тенью румянца.

– Это что же, от морковки или от солнца?

Агафья весело отшутилась и сочла нужным рассказать о недавнем своем походе к старой избе. «Господи, как жили-то! Темень, копоть...» То, что поражало нас в потайной избе на горе, поражало теперь и Агафью: «От дурного духа-то я аж закашлялась».

Особого порядка не было и теперь, в новой избе. Но все же это было совсем иное жилье. Лучина в нем не горела ни разу, стены источали запах смолы. На полу лежало подобие половика, заставившее нас снять обувь у входа. К полке у печи была прикручена мясорубка, а рядом с берестяными коробами стояла батарея эмалированных кастрюлек с рисунком ягодок на боках.

Под этим кровом совсем не чужим почувствовал бы себя даже и телевизор. А радио, при наличии батареек, возможно тут без всяких фантазий. Но это как раз то, на чем лежит прежнее табу – «не можно!». Не снят запрет с фотографии.

Без сожаленья расставшись с латаными домоткаными рубахами, лучиной, обувкой из бересты и долбленной посудой, разительно повзрослев от общения с людьми, «идеологически» Агафья не поступилась ничем и, конечно, будет стоять на том до конца. В этом и сила ее, и трагедия.

Житье в совершенном одиночестве без отца стало для нее особенным испытанием. «Молитву творила ты ранее голосом, а теперь только шепчешь...» – сказал Николай Николаевич вечером, когда мы мирно беседовали у свечи. «А кому нужен голос? Бог слышит, а тятеньке не докричишься... Хлеб пеку теперь раз в две недели, чугунок вот попросила меньшего размера и слово обращаю только к козленку. Вас, вижу, в сон потянуло, а я бы говорила и говорила...»

Это было уже во втором часу ночи. А с вечера изба была наполнена говором. Агафья припомнила все, что случилось тут с марта. Событий было немного: Ерофеем погреб вырыл, Ерофей на лодке опрокинулся на Абакане и чуть не погиб, приплывали в гости геологи – мешок муки оставили, работали подле избушки геофизики из Бийска – по просьбе «пустынницы» привезли кошку, дров напилили и добрые воспоминания о себе оставили.

Подробно рассказала Агафья о змеях, увиденных в огороде, и о целом «змеином содоме»

возле реки.

– Ну и что же ты, палкой змею-то? – спросил переставший дремать Ерофей. – Что там у бога сказано насчет змей?

Оказалось, богом все предусмотрено. Агафья раскрыла пахнувший старой избой фолиант и прочла: «Дарую вам власть наступить на змею и на скорпионы, и на всю силу вражью».

– Ну и что же ты, послушалась бога?

– Пожалела. Жизнь-то всякой твари мила.

По обыкновению мы проверяли: не сбился ли наш «робинзон» со счета времени. Нет, немедленно, без ошибки и с явной гордостью, что ошибки и быть не может, Агафья сказала: «По новому нынче восьмой день сентября». Назвала число и по старому стилю, и год «от сотворения мира». Мне в связи с этим пришла озорная мысль озадачить Агафью.

– У меня есть сестра. Родилась она 13 марта по новому календарю. Как ее зовут?

– Евдокия, – не моргнув глазом, сказала «пустынница» и не ошиблась. И объяснила, как просто ей было это определить.

И еще эксперимент был проделан. В библиотеке «Комсомольской правды» перед отлетом на Абакан нашел я старинное издание «Слова о полку Игореве». В нем старославянским шрифтом напечатана древняя повесть без перевода на современный язык. Студенты-филологи, навещавшие Лыковых, написали: «Агафья легко и свободно читала «Слово». Проверка показала: нет, не свободно и не легко! Большинство слов древнего сочинения не было известно ни нам, ни Агафье, а без этого чтение, лишенное понимания, не пошло. На первом листе мы его и закончили.

Не получил развития и разговор о тысячелетии крещения Руси. Агафье, разумеется, ведом был князь Владимир и его бабка Ольга и крещение на Днепре. Но рассказ о событиях юбилея оставил ее равнодушной. По ее представлению, было все это продолжением никонианства: «Истинная вера-то сберегалась в лесах».

... В избушке от перегрузки ночлежниками было душно. Под утро, осветив фонариком циферблат будильника, я вышел в тайгу. Возвращаясь, заметил: Агафья не спит, шепотом молится.

– Ты что же, и не ложились?

– Так ведь время-то в разговорах прошло, надо и помолиться.

– Сколько же времени в сутки занимают молитвы?

– Пять часов или, может, четыре...

* * *

Ерофей утром пошел искать петуха (и нашел), а нас с Николаем Николаевичем Агафья повела в огород. Был этот горный склон, с утра до вечера обласканный солнцем, не по сезону зеленым. Нынешний год, опрокинувший засуху на Америку, страшные наводнения на Бангладеш и Судан, подаривший жаркое сочное лето Европе, тут, в азиатских Саянах, отличился дождями. Мокрым было все лето. Абакан, без того своенравный, вышел из берегов, наваял повсюду деревьев, местами изменил русло, изменил привычную на реке обстановку. Ерофей не единственный в этом году опрокинулся с лодкой. Вблизи поселка геологов у речного завала был обнаружен труп какого-то горемыки. И лодка – рядом. У геологов Абакан смыл полосу, на которой садился Ан-2, – до поселка можно было добраться лишь вертолетом. До Агафьи тоже – речные броды были неодолимы. Дождь (и снег в июне!) «повредил», как сказала Агафья, лесные ягодники, и она запаслась лишь сушеной смородиной. Кедров в этом году без орехов. «Лесное кормление» осело в избушке только запасом груздей. Их, по старой привычке, Агафья не солит, а сушит.

Огород не подвел. Только все созревание опоздало. Во время «экскурсии» Агафья нас угощала стручками бобов и гороха, они были зелены, как в июле. Зеленой стояла дремотная конопля, чуть забурелась (сентябрь!) полоска полеглой пшеницы. И все остальное – морковь, картошка, лук, чеснок, репа – всю зеленело.

Картошки Агафья надеется собрать ведер триста. Это по-прежнему основа ее питания.

– А зачем конопля и пшеница в столь малых количествах?

Оказалось, семенной фонд! Помощь «мирская» – дело хорошее и приемлемое, а все же – береженого бог бережет – полезно помнить об «автономии». Сейчас запас продуктов у «пустынницы» таков, что год бы она продержалась. Расспрашивала, чем и как надо кормить собаку и кур, принесла для пробы козам подол комбикорма.

– Ты рассказала бы нам, чем сама жива и сыта? – попросил от костра Ерофей.

Агафья с готовностью рассказала, что ела вчера, что собирается есть сегодня, что будет завтра. За стол садится два раза в день – в обед и ужин. Еда монотонная, но вполне сносная: суп из сушеных груздей и картошки, сама картошка, суп из гороха, приправой – репа, морковка, лук и чеснок. Каша овсяная, рисовая, пшеничная. Иногда ложка масла, меда. Между обедом и ужином, как семечки, – кедровые орешки. Хлеб белый, квашеный, печенный на сковородке. Венец всему – молоко. К нему Агафья привыкла, чувствует его силу и потому готова возиться с козами. Скучает по рыбе, когда-то очень доступной в этих местах. Этим летом пробовала бросать в Еринат сетку, но неуспешно – уволок паводок. Яйца Агафья уже пробовала, и куриный отряд во главе с петухом кое-что может ей подарить. А ударят морозы – можно будет заколоть коз, и Ерофей, питаем надежду, добудет марала.

Ерофей остается в этой таяжной закути главным помощником и советчиком. Нам он признался, что по прежним делам своим в геологической партии очень скучает. Хотел бы вернуться. «Начальство звало, но в этом году не вернусь – гордость не позволяет». Потерпев неудачу в промысле зверя прошлой зимой, этим летом Ерофей в леспромхозе промышлял травы, коренья, папоротник и готовился к зимней встрече с тайгой – подлечил на горячих ключах «морозом битые» ноги и, главное, много беседовал о промысле с людьми опытными. К месту промысла Ерофей собирается загодя, чтобы помочь вот с этого горного огорода выбрать картошку. Агафья на эту помощь рассчитывает.

* * *

Ожидание вертолета опять собрало нас к Дружку. Пес наблюдал за резвившимся около конопли бурундуком. Бородатые, как апостолы, козы молчаливо продолжали изучать странного новосела. Агафья то и дело семеняла к Дружку с едою. И пес особую эту заботу уже оценил – терся о валенок и старательно, насколько позволял поводок, метил новую территорию.

– Вот-вот, повыше подымай ногу! – поощрял Ерофей. – Теперь все тут твое. Береги имение от медведей и докажи, на что способны собаки в дружбе с людьми.

Дружок первым услышал шум вертолета – поставил топориком уши и вопросительно стал крутить головой. Но когда мы пошли по дорожке к косе, с привязи он не рвался. И Агафье это понравилось.

Вертолет, прихватив Ерофея, успел слетать наверх к старой избе за солью. А когда мы все поднялись над рекой, Олег Кудрин сделал нам и Агафье подарок – пролетел у горы над избушкой.

Сентябрь 1988 г.

«Замужество»

В январе получил от Агафьи большое, на восьми страницах, письмо-отчет о житье-бытье. В нем, как всегда, на первом месте стояла картошка: «320 ведер... На одну это много...» Сообщалось, что к зиме для привезенных кур поставлен маленький сруб с печкой, что куда-то исчез кот, что одного козла заколола на мясо, что если соберусь приехать, то хорошо бы привезти веревку-привязь. «Корма козам заготовила вдоволь. Да еще Николай Николаевич Савушкин, когда прилетал, то сена привез и петушка. Петушок сначала, наверно, от робости, не пел, а сейчас поет и за курами начал бегать». Подробно и очень толково в письме изложено было событие, удивившее урожденную таяжницу: «Я побытку вам опишу, всю жизнь не пришлось видеть такой побытки».

В ноябре, наблюдая в окошко волнение коз, Агафья вышла во двор. На огороде, в двадцати шагах от избы, стояла серого цвета не то собака, не то волк. Агафья схватила

висевшее у двери ружьё и «дала выстрел вверх для острастки». Собака не убежала. «Тогда я дала выстрел уже с прицелом, но промахнулась». Собака и после этого не убежала. Озадаченная Агафья покрепче заперла коз и из окошка стала наблюдать за двором.

Привезенный в прошлом году Дружок («хорошая собачка, но для забавы только – никого не обляет») встретил таежную гостью своеобразно. Пытаясь не пустить с огорода во двор, впился ей в нос, но отпора не получил. А через день две собаки (так решила Агафья) уже вполне дружелюбно бегали по двору, лежали вместе на объединенных козами ветках. Утвердившись в мыслях, что это чей-то приبلудный пес, Агафья высыпала на пень в огороде миску вареной картошки. Собака с жадностью проглотила еду.

И стали жить в «усадебке» две собаки: Дружок и большая, подозрительных повадок гостя. «Козы привыкли. И я привыкла, клала еду, уже без опаски». Все собака съедала, но вела себя странно: в клочья, как ножницами, порезала прикрывавшее лук красное байковое одеяло, порвала мешки с хлебным и травяным комбикормом, вырвала клочья из висевших на прясле старых штанов.

Природная любознательность побудила Агафью попытаться изловить странного зверя. Из тонких жердей она соорудила ловушку, протянула в избу веревку от ее дверцы, положила приманку. Но собака только косилась на западню и ни разу к ней не приблизилась.

О том, что эта игра опасна, стало ясно однажды утром. Перед тем ночью Агафья слышала рев марала. «Смертельно ревел, я подумала: кто-то его порешил». А утром серая собака, и следом за нею Дружок прибежали, облизываясь, с реки. На мордах у них была кровь и клочья оленьей шерсти. Это вернуло Агафью к мысли о волке, заставило осторожней выходить из избы...

Конец истории я узнал через три месяца, когда сам увидел ловушку, рваную шкуру марала, висевшую на жердях, и место у изгороди, где пуля настигла... матерого волка. «Да, это был волк, – сказали специалисты, принимавшие шкуру. – Поведение? Можем только пожать плечами. Никогда ничего подобного даже слышать не приходилось».

Приблудный зверь прожил у таежной избы более шести недель. Можно было бы строить предположения: одинокую волчицу задержал кобелек. Но оказалось, зверь был примерно четырехлетним самцом.

Для Агафьи в ее бедной событиями жизни история эта получила мистическую окраску. А драматические события этой весны Агафья прямо связывает с «пришествием волка» – «Знамение. Это было знамение»...

* * *

Во второй половине февраля я получил от друзей телеграмму: «Агафья больна. Будем вывозить ее на вертолете в Таштып». А через четыре недели в письмах и телеграммах ошеломляющее известие: «Агафья вышла замуж». Называлась фамилия, имя и отчество новобрачного. Пока я, встревоженный и озадаченный, собирался в неблизкий путь, пришло еще письмо от Агафьи. Ни слова о «замужестве». Кривые, торопливые строчки, как обычно, с упоминанием бога, с пожеланием здоровья. Суть: «Приезжайте Христа ради – больна и скорблю».

... Из Таштыпа, стоящего на краю абаканской тайги, лететь собрались втроем: Николай Николаевич Савушкин, уже много лет принимающий в судьбе Лыковых человеческое участие, и мы с журналистом Николаем Устиновичем Журавлевым, побывавшим у Лыковых в 1982 году. Непривычно без Ерофея. Он на буровой вахте. После двух лет профессиональной охоты понял, что взялся не за свое дело. Снова попросился в бурильщики. И еще новость: геологоразведочный участок доживает последний год. Поселок – ближайший к избе Агафьи жилой очаг – будет брошен, добираться в этот угол тайги без самолетных оказий станет сложно, почти невозможно...

В лесхозе и на аэродроме в Таштыпе у друзей и знакомых пытаемся выяснить: что там, в тайге? Все улыбаются: вышла замуж. Называют «молодожена», местного жителя, старовера.

Уже от летчиков с огорчением узнаем: «хозяина дома» на месте нет, три дня назад с попутным рейсом улетел из тайги.

Абакан в этом году вскрылся рано. На всем течении река уже безо льда. Но недавно выпавший снег окаймляет зеленоватую воду, сахарно блестит на сопках. Тайга прозрачна, между деревьями увидел бы сверху даже и зайца. Но ничего живого не видно, хотя здешний кедровник не беден.

Вертолет спешит по делам. Потому пролетаем, не приземляясь, поселок геологов, потом видим слева по Абакану старую брошенную избу Лыковых. И вот струйка дыма жилой избы, коза на привязи, собака беззвучным лаем приветствует вертолет и уже по привычке бежит к тому месту, где он обычно садится. Пока делаем разворот и снижаемся, к обрыву около речки торопливо семенит и хозяйка в серой мешковатой одежде, в обычном своем платочке, в отороченных заячьим мехом калошах-валенках...

Разговор с ходу – не на главную тему. Агафья показывает место у речки, где был задран волком марал. Потом показала у избы место, где странный волк был застрелен. «Нареченный» Агафьи, едва увидев прилюдного зверя, сказал: «Какая собака... Волк!» Немедля его застрелить настояла Агафья. Соображение: «Давай маленько повременим – прилетит Василь Михайлыч, снимает», – было отвергнуто: «Не возможное дело с волками-то жить. Еще расплодятся...»

Странного поведения волк был не единственным зверем, забежавшим в эти края зимой. Дней десять назад к обрыву реки целая стая волков выгнала молодого марала. Олень сорвался с обрыва, сломал ногу и ободрал бок. Спасаясь от хищников, он забрел в реку против избы. Обреченного зверя застрелили. Разделка туши, засолка мяса была последней страницей недолгой семейной жизни.

Понимая всю деликатность момента, мы не спешили с расспросами, Агафья сама начала. Мы слушали, не перебивая, пока она выговорилась. «Теперь все. Написала Сергею Петровичу Черепанову (начальнику геологоразведочной экспедиции): „Отрекаюсь от Тропина Ивана Васильевича“. Написала матушкам (монашкам) на Верхний Енисей покаяние и моление постричь в монахини».

Уже вернувшись из тайги в Абазу, разыскали мы несостоявшегося супруга, поговорили с начальником геологоразведочной экспедиции, посетившим «молодоженов» в «медовый месяц». Сопоставление услышанного проясняет драму, рядовую, обычную в море житейском, но тут, при обстоятельствах исключительных, горько-болезненную.

«В миру жить грешно, в миру жить нельзя». Это воззрение сам старик Лыков сохранил до последнего издыхания и дочери завещал неотступно держаться «праведной веры» – не благословил присоединиться даже к родственникам-единоверцам, живущим в глухом селении Горной Шории. И Агафья завета держится крепко. Облегчение ее участи «тятенька» видел в залучении кого-либо в их таежное уединение. Жизнь показала: желание неосуществимо. Несколько человек, в разное время сюда просочившихся, оказывались либо отпетыми прохиндеями, либо людьми наивными, «тронутыми». Агафья с юмором рассказывала об «ищущих», называя иных «в уме не утвержденными», других «заплутавшими в вере» либо ни на что не способными для жизни в таежной закути.

Понимая, что рано или поздно «прихожанство» может кончиться драмой, мы попросили власти в Таштыпе и геологов, без транспорта которых добраться сюда весьма трудно, огородить Лыковых от праздного любопытства и «прохиндейства». И в целом это вполне удалось. Но самой-то Агафье приказать невозможно – характер лыковский. Познав общенье с людьми, она без него уже тяготилась и не теряла надежды устроить жизнь по тятенькиному завету. Этой зимой желанный случай как будто бы «приискался». В поле зрения таежницы оказался единоверец, даже по шестому или седьмому колону родня – Иван Васильевич Тропин. Живя в Абазе, он не раз у Агафьи бывал – привозил соль, муку, кое-какие хозяйственные вещи, сочувственно относился к ее судьбе. Священные книги Иван Васильевич читал и толковал ничуть не хуже Агафьи. «Однако заражен мирским духом, горазд на питье и во хмелю богохульствует», – со вздохом рассказала Агафья, посетившая его дом в Абазе во время поездки к родне.

Семейная жизнь бородатого старовера не задалась – жену то ли прогнал, то ли сама ушла. Находясь на пенсии, бобыль устроился на работу к геологам лодочником. Кто кому знак подал, выяснить мы не сумели. Так или иначе, Иван Васильевич появился в Тупике с видами на

жительство. Возражения, как мы поняли, не было. Но Агафья предложила «жить как брат и сестра». Без большого труда шестидесятитрехлетний единовец сумел объяснить ей, что такое житье невозможно: «Мы же живые люди, да и бог против ничего не будет иметь – надо жить как муж и жена».

О ЗАГСе, разумеется, речь не шла – ни бумаг, ни печати, ничего «мирского» Лыковы не признавали, и Агафья на том стоит крепко. Однако средство узаконить союз она нашла – написала монашкам на Енисей просьбу благословить замужество, а Иван Васильевич взял на себя обязательство доставить бумагу по назначению. Сам он, показывая серьезность намерений, пригласил в свидетели начальника геологоразведочной экспедиции, которого Агафья хорошо знала. Сергей Петрович нам рассказал, что был поражен преображеньем избы – «посуда сверкает, простыни на постели».

«Медовый месяц», однако, оборвался до срока. Причина тому, как можно понять, простая. Все, чем начинается супружеская жизнь, для Агафьи оказалось не медом, а горькой полынью. Возраст (ей сорок пять), строгости веры, запоздалость всего, испуг – все слилось воедино, все несчастная женщина почувствовала как греховное, ненужное и нелепое.

Выяснение отношений по всему происшедшему привело к ссоре. Обозначились два строптивых характера, к тому же из двух различных миров. Не знаю, входил ли в «брачный контракт» вопрос о месте жительства. Иван Васильевич говорит, что, обдумывая житье, купил дом в стороне от поселка Таштып «для уединенной жизни». Агафья будто бы молчаливо согласилась на «вылазку» из тайги, но в решительный момент объяснений отказалась куда бы то ни было перебраться. На что суженый заявил: «Ну а я тут не смогу и не хочу жить». В ответ Агафья написала свидетелю их союза нечто вроде торжественной декларации: «От Ивана Васильевича Тропина отрекаюсь!» А самому Ивану Васильевичу вручила послание «матушкам» на Енисей, со слезным покаянием и мольбой о пострижении в монахини. (Речь не о монастыре, а о жизненном статусе.)

В Москву Агафья писала в смятении чувств и мыслей: надо было с кем-то потрясением поделиться. В размышлениях – как же быть? – я напомнил ей о последнем приезде родственников и сказал, что вижу единственный выход из тупика – переселиться в поселок единоверцев.

– Не можно... – задумчиво говорит Агафья, теребя ногтем серебристый барашек вербы.

Невозможность житья в поселке, даже в отдельной избе и со своим огородом, Агафья по-прежнему объясняет ссылкой на «тятю», который такое перемещение не благословил, а также «замутнением веры» – «детушки-то с красными тряпицами на шее ходят, фотографируют». Приезжающий сюда доктор внушил ей также мысль, что в поселке она умрет от гриппа.

За семь лет общения мы уже знаем, как трудно Агафью убедить во всем, что не согласуется с ее привычками, освященными крепостью веры. Она всех выслушает, а решение примет, полагаясь лишь на свое понимание обстоятельств. Ломка жизненного стереотипа для нее трудна и может быть в самом деле губительна. Но тут, в таежной ловушке, угроза жизни ее почти осязаема.

– Жалуешься на простуды. А можешь и подвернуть ногу, или медведь заломает. Сляжешь, и некого позвать на помощь – геологов скоро не будет.

Теребит пальцами веточку вербы:

– Что бог даст...

С полуслова понимая тревожный вопрос о возможных последствиях скоротечного брака, Агафья поднимает глаза.

– Да уж нет, бог миловал, дитя не будет. Бог миловал...

Возвращаясь к пережитому, она опять говорит о подробностях появления возле избушки волка.

– Знамение было. Знамение...

* * *

Время врачует раны. На пережитое Агафья смотрит уже с изрядной долей иронии, раза

два даже весело рассмеялась. Налаживается аппетит. До пасхи – три дня, и Агафья, показав нам курятник, вынесла решето с яйцами:

– Собрала к празднику...

Домашняя живность – куры, козы, собака – требует внимания и ухода. Но это как раз то, что крайне необходимо, хоть чем-то заполнить жизнь. Да и в добротной еде при неважном здоровье нужда острая. «Зимой заколола козла. А с Христова воскресенья буду пить молоко». Из краснотала Агафья связала вершу – надеется в Еринате наловить рыбы.

Прямо у двери висит ружье с патронташем. «Дробь – на рябцов, пули – против медведей».

– А ну, покажи, как стреляешь.

Агафья охотно берет одностволку и целится в берестяной короб, лежащий на огороде...

– Ну вот тебе, ворошиловский стрелок – одна дробина! – смеется Николай Николаевич. – В медведя не попадешь.

– Избавь господь от медведя...

Мы тихо беседовали, глядя на апрельский парок, струившийся над огородом, когда вдалеке послышался звук вертолета. Агафья услышала его первой и восторженно вскрикнула:

– Вот и прощанье...

По тропке катимся вниз на галечную косу у речки.

– Спасибо, что навестили...

Сквозь рев машины голос не слышен. Но так красноречива поднятая кверху рука, выразительны глаза, так щемяще больно видеть маленькую фигурку возле воды...

Погода неважная. Летчики не решаются лезть в облака над горами. Летим по каньону, повторяя изгибы холодной и равнодушной реки.

Апрель 1989 г.

Хождение до «матушек»

Слово «матушки» я слышал от Агафьи и Карпа Осиповича множество раз. Речь шла о каких-то глухих поселениях староверов на Верхнем Енисее. Кто-то жил там уединенно, оторванно от людей, и это Лыковых занимало и волновало. Постепенно дошли к Лыковым имена: матушка Максимила, матушка Надежда, еще какое-то имя. Все были монашками – «матушки». Молва о Лыковых достигла Верхнего Енисея, пришли оттуда приветы на Абакан. «Матушки знают про нас», – сказал незадолго до смерти Карп Осипович.

О возможности свидания с матушками в то время не помышлялось. Но после того, как Агафья летала на вертолете и самолете, после того, как поездом ездила к родственникам в Таштагол, свидание с матушками перестало казаться несбыточным. В этом году в апреле Агафья прямо сказала, что летом намерена пробираться на Енисей. Трудности путешествия и особое ее положение в жизни, конечно, заботили, но остановить не могли: «Как-нибудь с божьей помощью...» Мы с Николаем Николаевичем Савушкиным готовы были ей помогать, но тут пришло путешествие на Аляску, и я сумел лишь кое-что разузнать о местах обитания матушек от туристов.

Большой Енисей сливается в Туве у Кызыла из двух горных рек. Одну из них, Каа-Хем, туристы давно облюбовали для спортивных плаваний на плотах и на лодках. Рискованное путешествие по порожиистой быстрой воде дает острые ощущения и возможности видеть дикую, еще не затоптанную человеком природу.

Больших селений тут нет – редкие избы давно поселившихся староверов.

Московский инженер Олег Сергеевич Дерябин, припоминая у карты путь по реке, сказал, что был у матушек пять лет назад. «Маленький монастырь – семь женщин. Настоятельницу зовут Надежда. Уже старушка, но все хозяйство ведет исправно. У них там было две лошади, три коровы, куры, пасека, огород с картошкой, арбузами, помидорами, огурцами. Для горной Тувы это почти „мичуринство“. Нас встречали приветливо. Угостили молоком, медом, попросили починить им сарай. Ночью, помню, разбужены были ударами в рельс. Пожар? Оказалось, настоятельница прогоняла медведя. Крошечный монастырь является осколком разоренного в этом крае после войны большого монастыря...»

Олег Сергеевич снова собирался в эти края. Погоревав, что не можем отправиться вместе,

условились свидеться осенью. Договорились, если встретит на Енисее Агафью, всячески ей помочь.

И вот сидим у нас в редакции над картой Тувы. Олег Сергеевич находит точку на Каа-Хеме (Малом Енисее). «Тут я встретил Агафью. Чуть выше, у глухой таежной избы спросил, не слыхала ль хозяйка о госте. «Да я, – говорит, – третьего дня с ней вот как с вами стояла. Она в монастырь приходила».

Монастырь был на месте. Настоятельница Олега Сергеевича узнала. Пожаловалась: «Все ветшает – сами стареем, и постройки поизносились. От пасеки осталось три улья. Одна корова осталась. Кормимся огородом».

Агафья гостила в монастыре три дня. Встретили ее тут ласково. Все показали – молельню, хозяйство и огород. Рассказали, какими путями сюда пришли, и, конечно, внимательно слушали гостью, которой тоже было что рассказать. Три дня для знакомства было довольно. Выяснилось: вера Агафьи со здешней не совпадала. Но от обычных «идеологических дискуссий» обе стороны воздержались. Проводили Агафью, как и встретили, дружелюбно, одарили гостинцами. «Она как ребенок, – сказала мне настоятельница, – чистый ребенок...»

Гостевой якорь Агафья бросила у живущей на ручье Чударлык матушки Максимила. В здешнем селении десять изб. Живут тайгою, огородами, держат кур, скотину. Максимила тут служит духовным пастырем. К ней приходят со всеми бедами и заботами – посоветует и рассудит.

Агафью встретила Максимила сердечно. Обнаружилось близкое сходство веры, да и возраст сближал. Какими были тут разговоры в течение трех недель, Олег Сергеевич выяснить не сумел. При нем решался главный вопрос: оставаться ли тут Агафье, а если уезжать, то одной или вдвоем с Максимилой? Вопрос этот был, судя по всему, главным в одиссее на Енисей. Агафья попыталась залучить жилищу в свою обитель на Абакане. Она явилась с подарками: двумя мешками картошки – вот, мол, какая родится в ее огороде. Картошку хвалили, дивились рассказу о богатствах леса на Абакане, однако согласиться оставить насиженное место Максимила не захотела, предложив Агафье поселиться на Енисее. Агафья с ответом не торопилась, но, пожив две недели, остаться наотрез отказалась: «Земля родит у вас плохо, кедрача почти нет, воздух негодный – я мерзну, задыхаюсь и кашляю».

Все прояснилось, можно было и уезжать. Но как? До дома четыреста километров бездорожной тайги. Ангелом-разрешителем трудностей оказался Олег Сергеевич. Он появился в поселке в непромокаемых одеждах и в красном шлеме. Познакомившись, он, как было условлено, предложил: не надо ли чем помочь? Агафья обрадовалась московским приветам, на Максимила же больше подействовала борода Олега Сергеевича – для староверов борода надежнее паспорта. За предложение спуститься на плоту до Кызыла, а там самолетом лететь в Абакан сразу все ухватились. «Только уж просим, у Байбальских порогов Агафью высади, пусть пройдет посуху». Агафья сказала, что ни воды, ни самолета она не боится, что у нее есть резиновые сапоги и что к утру она все свое соберет, со всеми простится».

Олег Сергеевич – мастер спорта и уже тридцать лет плавает по горным рекам. Некоторые его друзья из этих плаваний домой не вернулись – потери у сплавщиков чуть меньше потерь альпинистов. Река Каа Хем, правда, не из самых свирепых, но слабых не любит: пятая категория трудности (при шести существующих). Сам Олег Сергеевич эту реку проходит на каяке. А всего безопаснее плот на надувных шинах. На таком плоту следом за москвичами по Каа-Хему этим летом сплавлялась группа из Абакана. Руководителем группы был Сергей Попов, и – тесен мир! – на плоту оказался Олег Николаевич Чертков, школьный учитель, однажды гостивший на Абакане у Лыковых. На вопрос: «Ребята, подвезем Агафью в Кызыл?» – с плота ответили дружным согласием и сразу же стали готовить место для неожиданной пассажирки.

К реке Агафья явилась с двумя котомками (иконы, книги, харчи, посуда) и туеском с ключевой водой. Максимила и старушки сельца ее провожали. Пока прилаживали к плоту поклажу и проверяли крепление весел, Агафья и Максимила, отойдя в сторону, тихо беседовали. Агафья, как девочка, бросала камешки в воду. Максимила украдкой вытирала глаза. Под конец, повернувшись к реке, они помолились. Уже у плота Агафья без всякой надежды спросила: «А можа, поедешь?» – «Нет, нет! – за Максимила ответил хор

проводивших. – Матушку не отпустим!»

«Ну и все. Помахали руками, толкнулись, и река быстро понесла плот. Я плыл на каяке то рядом, то обгоняя плывущих. Чувствовали ответственность за сидевшую в центре плота пассажирку. Но Агафья не унывала. Вид у нее был далеко не спортивный – мешковатое темное платье, пальтишко, комканный черный платок. Но путешествие по летней чистой реке – радость. Заметив улыбку Агафьи, помахал ей рукой. Она откликнулась: «Домой еду!»

У опасного Байбальского порога, как было обещано, сделали остановку. Агафья с туристкой Леной Шестак вышла на берег, а плот понесся по белой кипящей воде... Все кончилось благополучно. Когда вновь рассаживались, Агафья сказала: «Я молилась за вас!»

В путешествии по Каа-Хему были две ночевки. Один раз стояли у избушки охотника. Пока поднимали палатку, Агафья успела набрать грибов. Постукав кресалом о камень, развела свой отдельный маленький костерок. В литровой кастрюльке сварила рисовый суп с рыжиками. Вместо чая выпила отвар пихтовника. И мы, предупрежденные о ее «автономии», не настаивали...

У большого костра центром внимания была, конечно, Агафья. Мы расспрашивали, она рассказывала. Иногда казалось: не нам говорит, а беседует сама с собой. Несколько раз вспоминала оставленных у геологов коз и кур, собаку Дружка. На ночь молилась, глядя на реку. Спала она с Леной один раз в избушке, другой – в палатке. Предложили ей надувной матрац, отказалась, положила под бок свое пальтишко...«

Двести десять километров плыла Агафья по «реке пятой категории трудности». Олег Сергеевич в рассказе о путешествии особо подчеркнул неприхотливость попутчицы: «Городской человек с непривычки бы охал и ахал, а она как будто всю жизнь только и делала, что плавала на плоту».

Обещан был на прощание Агафье значок «Турист СССР». И она, конечно, его вполне заслужила. Для туристов опасной и трудной была река. Агафье же все путешествие к матушкам было преодолением трудностей. Олег Сергеевич упустил как следует расспросить, каким образом добиралась она из дома. Но выяснил: вначале был вертолет, потом автомобиль («Агафью несколько раз за дорогу рвало»), потом – верховая лошадь. Все для паломницы было в новинку, и ко всему она подступалась со смелостью коренной сибирячки.

Ей, конечно, с готовностью все помогали. В Кызыле билеты на самолет туристы купили заранее. «Нужен еще один». «Хоть бы министр авиации полетел – нету!» А когда в порту узнали, какой летит пассажир, место нашлось.

Но за всякую помощь Агафье приходилось нести тяготы жадного к ней любопытства. В Кызылском аэропорту вокруг нее сразу образовалась толпа. И дело дошло до автографов. Устроили паломницу в комнату, именуемую «депутатским залом». Тут она и вздремнула, подложив под бок мятую одежку.

В самолете держалась спокойно, глядела в иллюминатор. Когда сели, летчик, проходя к выходу, наклонился к Агафье: «Ну о чем думала, когда летели?» – «Молилась, чтобы скорее сел».

Город Абакан для Агафьи был местом новым. Высоким домам она не удивилась, но впервые оказалась внутри высокого дома. И сразу же возникли проблемы. Как готовить еду? Газ оказался ей делом греховным, но, поскольку костер во дворе разводить не решилась, рисовый суп сварила на газе. И с водой затруднение вышло. Запас в пятилитровой берестяной посуде иссяк. А из крана воду Агафья брать отказалась – «не освященная». Пришлось свозить ее на реку. Поохала, повздыхала – «лодки с мотором ходят», но делать нечего, «освятив» воду, наполнила туес... Спала две ночи, не раздеваясь. Радио попросила «закрывать» – «нельзя икону вешать, если в избе радио». Не включали из уважения к гостье и телевизор. Ошеломляющий эффект произвел туалет – «дернул за веревочку, и ничего нету».

Все это рассказал мне по телефону из Абакана Олег Николаевич Чертков. Гостью свою он довез до Таштыпа на автобусе. Там она заночевала в лесхозе и знакомым путем, с авиаторами, добралась до геологов. «Козы и куры уже отвыкли от путешественницы, – написал Ерофей. – Мы помогли ей все погрузить в вертолет... Около месяца пустовала избушка». Ерофей сообщает еще, что база геологов закрывается, уже разобрали дома, вертолетом Ми-6 вывезли оборудование. Делалось все на глазах у Агафьи, и она понимает, конечно, что значит уход

геологов – остается совсем одна. Обеспокоенные этим известием, явились на Абакан посланник родни из Шории Анисим Никонович Тропин и разжалованный «муж» Иван Васильевич Тропин. Первый в который раз уговаривал перебраться к родне, сказал, что приехал с этим в последний раз. Тропин-второй опять внушал серьезность намерений: «Хочешь – останусь тут, хочешь – переберемся поближе к людям». Отказала обоим: «Запасов много. Проживу, сколько богу будет угодно».

Николай Николаевич Савушкин сообщает, что с попутным авиарейсом тоже заглянул в таежную закуть – привез гостинцы, сена для коз. Расспрашивая о путешествии к матушкам, задал вопрос: как живут, чем живут? Ответ был таким: «О брэнном теле пекутся. О душе не думают».

Такие вести из Тупика на конец осени.

Ноябрь 1989 г.

Не последнее слово

Такая история. Почти ископаемый случай в человеческом бытии. Можно предположить: похожих Тупиков рождалось в прошлом немало. За триста лет от Никона и Петра тайга поглотила множество всяких скитов, хижин, могильных крестов. Но одно дело – давнее, прошлое, другое – как эхо прошлого, как находка живого мамонта, этот таежный случай.

Сложное чувство испытал я, встретившись с Лыковыми. Очень занимала возможность крошечной группы людей выживать в избранных ею условиях без соседства с себе подобными, без радости улыбнуться кому-то, без возможности попросить помощи, подать, наконец, кому-то предсмертный крик. Один на один с не бедной, но беспощадной Природой. Интересно было и ощутить силу Веры. Неистовая вера, убежденность – «только мы истинные христиане», подтолкнула к крайней степени изоляции, к драматическому тупику. Но та же неистовость в вере помогла выжить, выстоять, вынести все, что начертано было судьбой. Эксперимент, поставленный самой жизнью. Все в этом исключительном случае интересно – житье в изоляции от людей и все, что было потом, после встречи с людьми. Подведем итоги наблюдений и размышлений.

Причина отшельничества... Дальние ее истоки надо искать в религиозном расколе времен царя Алексея Михайловича и его сына Петра. Это было громадное потрясение, вызванное не только некоторым изменением церковных обрядов и уточнением переписанных с греческого языка книг. Резко менялся стародавний уклад бытия. Этот процесс был крайне болезненным и заставил приверженцев «святой старины» уйти в леса.

О расслоении старообрядчества сначала на «поповцев» и «беспоповцев», а затем на множество сект («толков», «согласий») в этой повести кратко рассказано. Лыковы принадлежат к одной из сект, определявших свое положение установкой: «С миром нам жить не можно». Со времен Петра это предполагало неприятие царя, государственных законов, денег, службы в армии, паспортов и всякого рода бумаг. Чтобы это все соблюсти, надо было таиться, жить, не соприкасаясь с «миром». При огромных просторах страны это вполне удавалось.

Бурные события нашего века, перетряхнувшие жизнь миллионов людей, волнами докатились и до таежных скитов. Самоожжений, как при Петре, не было, но кровь пролилась, подтверждая в глазах скитальцев греховность «мира». Как спасти тело и душу? Только забираясь глубже в тайгу, в самые недоступные ее уголки. Так началась семейная робинзонада Лыковых в верховьях реки Абакана. Припомним: до 45-го года жили они «не тайно». Их жилище попало даже на карты топографов и геологов. Жизненный тайник возник в год окончания войны, когда со стороны присоединенной Тувы пришел отряд в поисках дезертиров. Жизнь в которой раз заставила искать от «мира» убежище и на тридцать пять лет схоронила семью на таежной горе.

Рады ли были Лыковы встрече с людьми? Я думаю, что рады. После первого испуга, первых робких контактов «робинзоны» потянулись к геологам, обнаружив в них людей сочувствующих и готовых бескорыстно им помогать. Помощь была нужна. «Пообносились мы. Одежи не было, посуды не было, ножа дельного не было. Без соли хлебали...» – вспоминает Агафья. Но это не все. Не менее важным была потребность общения с людьми. Для молодых

Лыковых состоялось открытие мира. В них пробудилось жадное любопытство, желание все узнавать и осмысливать. Ерофей на свой манер объясняет эту важную переменную: «Жизнь для них была как черно-белый телевизор. И вдруг телевизор переменялся, стал цветным». Естественная человеческая любознательность и тяга к людям сделали Лыковых гостеприимными в своем жилище, заставили регулярно навещать в гости к геологам. Постепенно это стало потребностью. Не всегда имея возможность переходить реку вброд, они взялись сделать лодку, свалили для этого огромный кедр. Долбленка была почти готова, когда три неожиданных, почти одна за другой, смерти внесли драматическую страницу в «расскреченное» житие Лыковых.

Как это все было – известно лишь по рассказам. Добравшись на Абакан первый раз, я застал только Агафью и Карпа Осиповича. Естественно было думать: остальные умерли от какого-нибудь привычного для нас и рокового для изолированной группы людей вируса. Красноярский врач Игорь Павлович Назаров держится именно этой версии – вирус! Однако более подробные расспросы проясняют: по крайней мере двое из троих умерли каждый от своей болезни. Дмитрий простудился. «Шел от верхней избы к нижней в дождь. Вымок. Обсушиться бы – осень, а он мокрый, продрогший полез к брату в воду ставить заездку на рыбу. И слег». Савин всегда сильно страдал от болезни кишечника. «А когда строили лодку, тащил лесину и надорвался. Открылся кровавый понос. Тут случилась браткина смерть, да еще и картошка под снег ушла, а он не послушался, вместе с нами копал. И изошел кровью». Наталья, видя, как вслед за Дмитрием умирает Савин, сказала: «А я умру от горя...» «Крестная (Наталья) полоскала кровавые тряпки в холодном ручье и остыла». Такая картина. Как костяшки домино: одна упала – валятся остальные. Можно предположить, не сломайся жизненный стереотип, такой драматической череды могло и не быть. Но встреча с людьми была для Лыковых потрясением. У «молодых» она вызвала глубокие переживания, размышления, споры, разлад – так ли жили? Возникли неразрешимые противоречия между разными табу и здравым смыслом. На нынешнем языке это называется стрессом. Стресс организм ослабляет. Ранее Дмитрий по снегу ходил босиком, а тут болезнь одолела. Савина ранее ставили на ноги «правкою живота», а в этот раз подняться не смог.

Остались жить лишь старший в семье и младший. И жили вдвоем шесть лет. Наблюдая Агафью и Карпа Осиповича во время не частых, к сожалению, встреч, интересно было заметить, как постепенно, ни в чем не поступаясь в главном – «нам с миром не можно», – они все-таки, как говорит Ерофей, «русели».

Пища. Первоначально в гостинец принимали лишь соль. Потом стали брать крупу, муку, яйца, непотрошеную рыбу. Анализируя причины избирательности – что-то можно, а что-то нельзя – видишь: нельзя то, что прошло какую-то обработку в «миру» либо было в «мирской» посуде. Мед, привезенный в стеклянной банке, был забракован, в туеске – взяли. Овсяные хлопья надо было высыпать из коробок в мешок. В чем дело? Причину опять же надо искать в прошлых годах староства.

Раскол совпал по времени с моровыми болезнями – чумой и холерой. Случалось, скиты пустели в одну неделю. Никакого понятия о микробиологии в те давние времена, разумеется, не было. Но здравый смысл подсказывал: болезнь разыгралась с появлением пришлого человека либо была «принесена в посуде». По этой причине даже не в слишком строгих старостерческих сектах никто не даст тебе напиток из своей кружки. Прежних страшных болезней нет. Нынешняя старушка-«раскольница» о них даже может не знать. Кружку, если из нее случайно кто-то напился, можно бы и помыть. Нет, кружку выбросят – «опоганена». Таков освященный столетиями ритуал веры и бытия.

У Лыковых строгость особая. Посуда – всегда отдельная. За руку не здоровались. Если прикоснулись случайно к чьей-то руке, бежали к берестяному умывальнику. Воды в нем, случалось, не было. Просто потирали руки под умывальником – ритуал соблюден. Но наступил момент – отец и дочь позволили доктору себя осмотреть, ощупать, прослушать, не противились взятию крови. Обстоятельства вынудили – Агафья пила безусловно «запрещенные богом» таблетки. Карп Осипович дался положить ногу в гипс.

По тем же изначальным, надо думать, причинам не брали Лыковы поношенную, хотя и хорошо стиранную одежду – только новое!

В разговоре о Лыковых чаще всего спрашивают: ну а как самолет, вертолет, телевизор? Любопытное дело, но самолеты и вертолеты их вовсе не поразили, они их приняли как некую негреховную данность – «люди измыслили». Строгости веры не предусмотрели соответствующего к ним отношения. А вот спички («серянки»), давно заклеянные как греховные, и поныне не признаются. Правда, и тут послабление есть. В последнее время Агафья спичками пользуется, когда поджигает дрова. Огонь же для свечки добывает только кресалом.

Кое-что в разряд «греховного» Лыковы занесли уже тут, на горе. Баня – пример характерный. Карп Осипович в молодости парился с веничком. В таежном житье баня могла бы стать главной радостью бытия, могла «диктовать» чистоту и опрятность во многом другом, служить лечебницей. Но Лыковы опустили, и баню из ряда христианских добродетелей исключили.

Самое строгое табу «истинно христианская вера» Лыковых распространяет на фотографию. «Не можно» и все. Так было в первой встрече. И никаких послаблений поныне. В чем дело? Дело, очевидно, в природе самой фотографии, находящейся на другом полюсе скрытно-таежной жизни. Люди прячутся, а фотография тайное делает явным. Приговор ей был вынесен сразу, как фотография появилась. А чтобы запрет был крепким, фотографирование означено было делом крайне греховным. Табу действует жестко. Пробовал объяснить, уговаривать – ни малейшей уступки. Только однажды Агафья сказала: «Если исподтишка, против воли кто снимет, то грех не велик. Грех падает на тех, кто «с машинкой». На том и поладили. И чтобы не рушить добрые отношения, камеру из рюкзака я стал доставать лишь изредка под предлогом снять своих спутников или что-нибудь возле избушки.

Интересна эволюция отношения к деньгам. Любопытства ради, я помню, показал Агафье и Карпу Осиповичу десятку, присланную «в фонд Лыковых» кем-то из читателей «Комсомолки». Реакция была такой, как будто в избушку впустили самого дьявола. «Уж ты, пожалуйста, спрячь, Василий Михайлович, – взмолился старик, – мирское это, мирское». Но года два спустя Агафья украдкой показала тряпицу с деньгами. Объяснила, что это доставил ей Ерофей и уговорил взять – «присланы единоверцами и могут понадобиться». Контакты с «миром» запрет на деньги свели на нет. Поездка к родственникам, а потом и к матушкам на Енисей уже прямо требовали денежного обеспечения. И хотя почти все для Агафьи, как только ее узнавали, делалось бескорыстно и с радостью, она почувствовала: деньги в «миру» дают независимость.

Таковы внешние приметы соприкосновения Лыковых с жизнью, от которой были они оторваны. Что касается эволюции личности, то и тут, особенно у Агафьи, она, конечно, заметна. Я увидел Агафью дикаркой, перепачканной сажей, это был взрослый ребенок, очень неглупый, но социально отсталый. Те, кто видит ее впервые и сегодня, думают так же. А для меня это уже другая Агафья. Она стала сдержанно-рассудительной, ироничной, стала более аккуратной в одежде, в избушке стремится к поддержанию порядка, появилось желание и как-то украсить жилище – на полке чайник с ягодками на боку, обрадовалась красному чугунку, оценила платочек с цветной каемкой, Язык ее стал богаче – множество новых, часто неожиданных слов, а превосходная память хранит картины увиденного, и обо всем Агафья имеет свое суждение, твердое, взвешенное и стойкое, гипнозу Кашпировского она бы не поддалась. Ее теперешний опыт не идет ни в какое сравнение с теми представлениями о жизни, какие она получила по рассказам матери и отца. Она догадывается о силе «мира» и его слабостях, понимает зависимость от него и в то же время очень разумно ставит границы этой зависимости. «Всесоюзную известность» они с отцом приняли сдержанно и, поразмыслив, решили, видно, что ничего дурного в том нет. «О нас, я слышал, и в Америке знают», – сказал однажды Карп Осипович. И я почувствовал гордость: вот такие мы, Лыковы.

Обильные подношения – инструменты, посуда, одежда, еда – неизбежно должны были приучить Лыковых принимать все как должное. Элементы иждивенчества появились. Но во всех случаях я не заметил ни разу потери чувства достоинства. На первых порах Лыковы редко о чем-либо просили, разве что по намеку можно было понять желание. Теперь Агафья может сказать: «Козлухам сенца бы надо...» Сено сюда можно доставить лишь вертолетом. И его доставляют, благо вертолет частенько идет к геологам, не нагруженным полностью.

Главное, что твердо Агафья усвоила: в беде ее не оставят. Это решающее открытие в

общении с «миром» нисколько не повлияло, впрочем, на прежнюю установку: «Нам с миром не можно». Лыковский характер и твердость веры при всех поворотах жизни остались прежними.

Естественным было ожидать: оставшись одна, Агафья прибьется к «мирскому» берегу. Нет, побывала у родственников (единоверцев!) и нашла, что плохо веру блюдут и в житье не дружны. Побывав у монашек на Енисее, вынесла приговор: «О брэнном теле пекутся, о спасении души не думают». И вернулась в свое жилище.

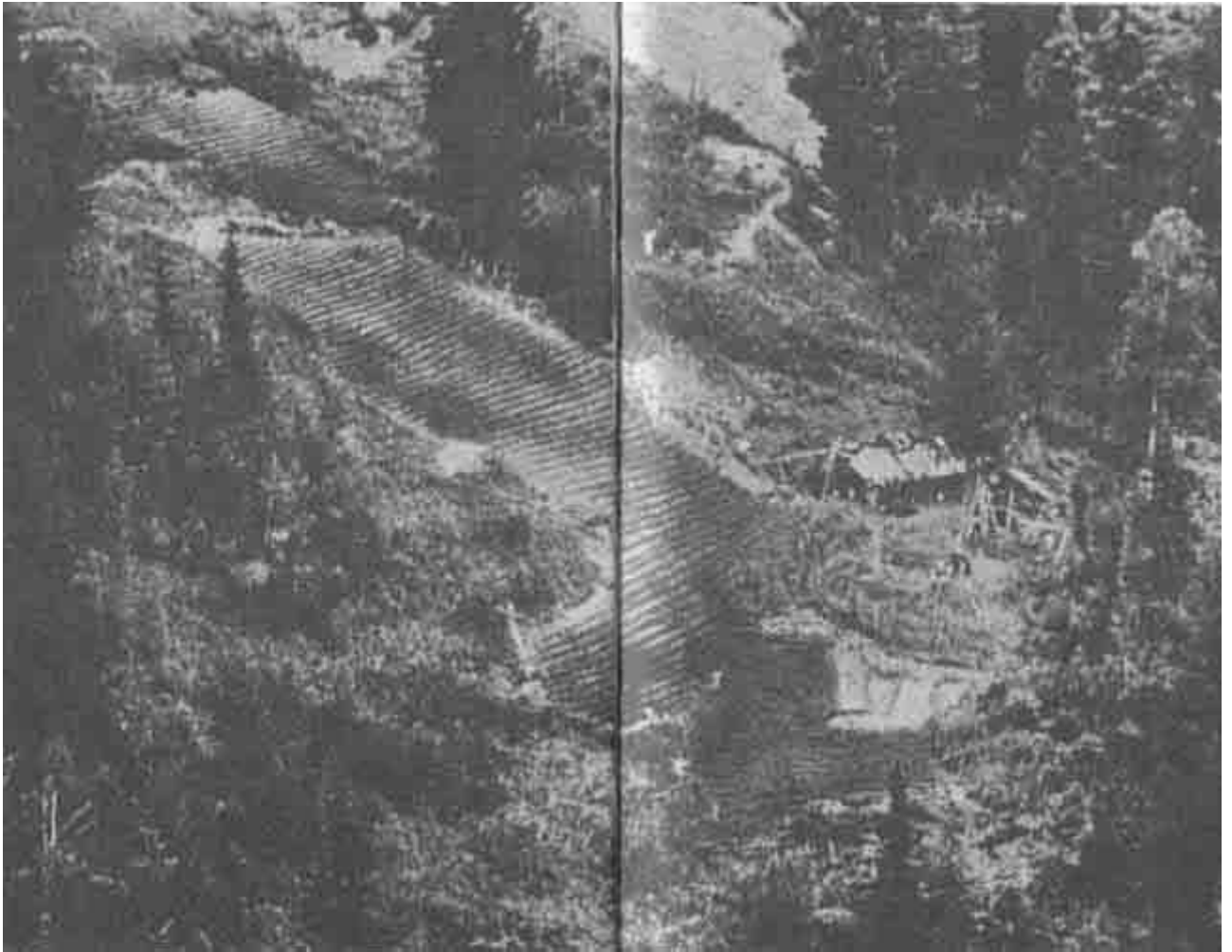
Только ли крепость веры и предсмертный наказ отца «в мир не ходи» удерживают ее в ужасающем, невысказанном одиночестве? Думаю, что нет. Вера, конечно, значит немало, но важно еще учитывать: человек является продуктом среды, где он вырос: «где родился, там и годился». Для Агафьи, тридцать шесть лет не знавшей ничего, кроме леса, тайга не враждебна. Напротив, все для нее тут родное, близкое, дорогое. Сравнивая все увиденное со «своими» местами, она лишь убеждается в их достоинстве и возвращается к ним. Опорой в выборе этом служат ничем и никем не поколебленная вера, житейские привычки, оплаканные могилы родителей, сестры и братьев.

Думает ли этот незаурядный человек о смерти, понимает ли, что при сложившихся обстоятельствах смерть подстеречь ее может в любую минуту? Понимает. И я не раз говорил с ней об этом. Но смерть для Агафьи не то же самое, что для многих из нас. Для убежденного в существовании жизни иной, чем эта, земная и скоротечная, смерть – всего лишь граница в иное царство. «Но встретишься ты с медведем. Разорвет. Какое же воскресенье?» И даже такой исход Агафью не беспокоит. «Дык ведь, Василий Михайлович, все там соединится».

Пишу окончание этой повести осенним вечером и пытаюсь представить, что там сейчас, в нелюдимых горах. Река еще не замерзла, шумит по камням лунной ночью. А тайга молчалива. И светится меж деревьев оконце. Никто в него не заглянет. Жилец, творящий у свечки в избе молитву, что бы с ним ни случилось, никого не докличется, разве что в закуте козы заблеют да гавкнет собака... Большая Медведица стоит над горами. Агафья называет это созвездие *Лось*, у монголов это – *Повозка Вечности*.

Человек во Вселенной пылинка. Но хочется ему на Земле счастья, радостей больших и маленьких. Судьба не всем улыбается. Девочке Агафье, рожденной в 1944 году, тут, на реке Еринат, судьба уготовила одиночество, от которого она не бежит – не может и не желает.

Фотографии к книге

Так выглядела семья
в первый год встречи
с геологами: домотканые
одежды, за плечами
котомки, в руках посошки.

Агафья и Дмитрий. Они особенно охотно приходили к геологам и всегда с гостинцем — картошкой с таежного огорода.

В этой избушке, сооруженной на горе вдали от реки, Лыковы прожили около сорока лет.

Агафья и Карп Осипович
в одежде, пошитых из
дареной материи.

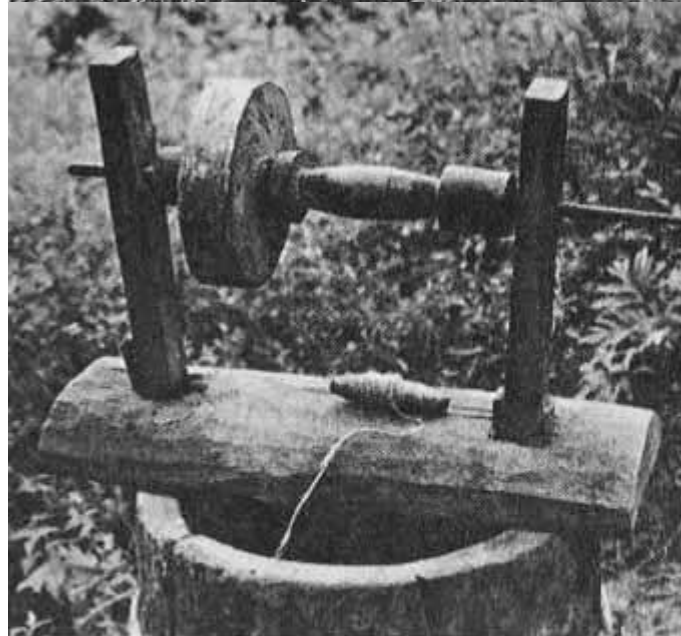

Эти снимки дают представление, как была оборудована крыша в избушке; в каком дефиците было железо. Прялка, переправленная сюда геологами, оказалась для Лыковых механизмом излишне сложным. Пользоваться ею они не смогли.

Рыболовная верша и «механизированная» ступа. Все это сделать Лыковым было по силам. А инструменты, принесенные сюда из поселка, износились до крайности.

Пряжа изготовлялась на таком вот станочке. На пеньке слева — инструменты для вырезки ложек и для работ с берестой. Тут же челнок ткацкого стана.

Разговор о фотографии.
По представлению Карла
Осиповича, дело это
безусловно греховное.
Агафья тоже так считает,
но оттенки строгости тут
иные.

Николай Устинович Журавлев. С ним мы предприняли первое путешествие на Абакан.

Река Абакан опасна для плавания. Есть места, где надо непременно остановиться и обдумать, как обойти препятствие.

От реки к хижине
Лыковых одолеваяшь
гору и переходишь по
таким вот мосткам ручьи
и распадки.

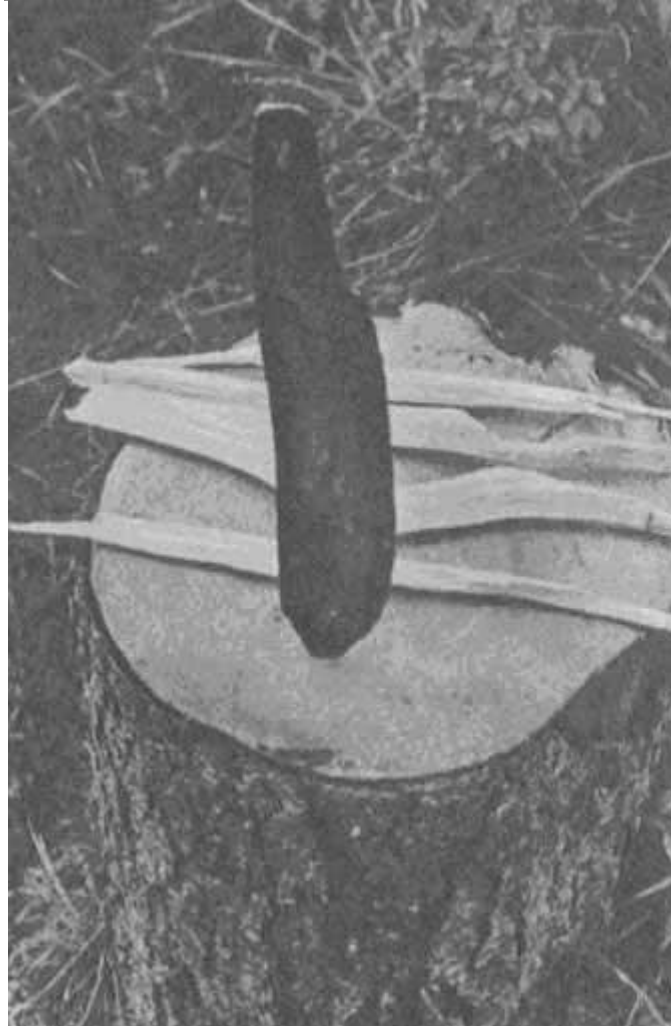
Гвоздеги стали главными опекунами Лыковых. Они снабдили семью одеждой и инструментами, помогли им в ремонте жилья, в уборке картошки. Внимание было ненавязчивым, и Лыковы принимали его с благодарностью.

Беседы о жизни. Они начинались обычно вопросом: «Ну что там в миру?» Общение с людьми с первой же встречи стало для Лыковых важной потребностью.

В этой повести вы часто встретите имя Ерофей Семенов. Бурлащик из геологической партии много и бескорыстно помогал Лыковым. Ерофею в подарок Агафья сшила легкие сапоги «бродни».

Многие годы жилище
освещалось лучиной.
Теперь — свечи. Свечи —
самый желанный дар для
таежной избы.

Тайга в верхнем течении
Абакана богата жизнью.
Тут можно встретить даже
скопу.

Главное бедствие для тайги — лесные пожары. Один из них подошел почти вплотную к жилищу Лыковых.

Смерть неизбежна. Сначала из семьи ушла мать Акулина Карповна, потом дети — Савин, Дмитрий, Наталья. Остались двое — отец и младшая дочь.

И вот появилась возле
избы скотина. Пришлось
давать Агафье уроки
добрия коз.

Основа питания —
картошка и кедровые
орехи. Того и другого у
Лыковых было в достатке.

Немаленькая проблема —
сохранить урожай. Для
этого Лыковы вырыли
погреба, построили на
огороде сарайчик...

От медведей и
бурундуков продукты
помещались в поднятые
над землей лабазы.

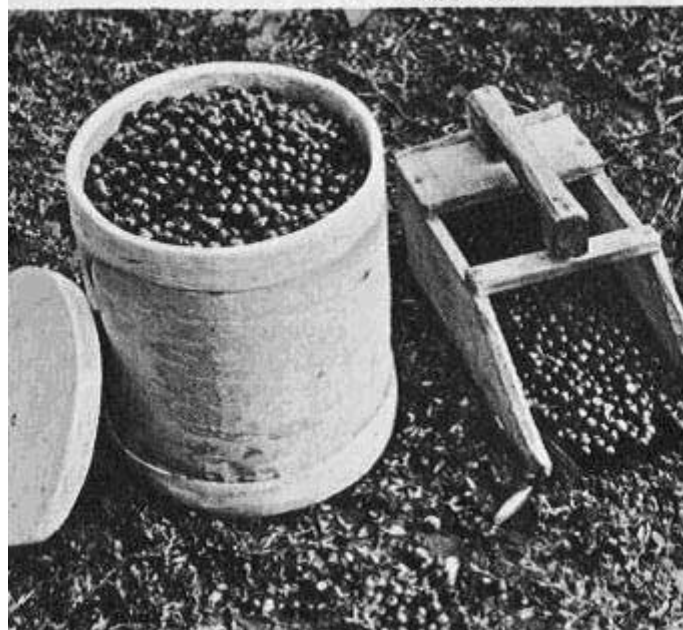

Огородный инвентарь и посуда из бересты.

Несложным инструментом Лыковы вырезали ложки и обрабатывали бересту. Березовая кора снималась большими листами. Новые изделия из нее выглядят изящными и аккуратными.

Полушутливый поединок с фотографом. Прежде чем появиться из леса возле избы, Агафья непременно выглянет из-за дерева — нет ли человека «с машинкой».

Кошки тут прижились, но исхудали — кожа да кости. Прикончив бурундуков, они вынуждены были «сесть» на картошку.

Соседи по жизни.
Безобидные, но
надоедливые кедровки.
Безопасные, но
разорявшие съестные
припасы бурундуки. И
опасные, многочисленные
в этих местах медведи.

Река Абакан опасна для плавания — алюминиевые лодки на порожистых спусках опрокидываются. Плавают по Абакану на деревянных, длинных, как щуки, лодках. Кормщик должен быть опытным и внимательным. Василий Демидов ни разу не оплошал и удостоился шуточных почестей и снимков на память о нашем спуске по Абакану.

У Лыковых хорошая
память на каждого
человека.
С благодарностью
в молитвах и разговорах
вспоминают они Николая
Николаевича Савушкина.
Начальник управления
лесами Хакасии принял
сердечное участие
в судьбе Агафьи и Карпа
Осиповича. Много раз
навещал их жилище. Его
помощь всегда была
своевременной и мудрой.

С уходом геологов эти места, как и прежде, стали безлюдными. Очажок человеческой жизни, теплившейся тут, угасает как свечка. Агафья осталась одна.

Ближайшие родственники Лыковых. Глава этой семьи Анисим Никонович Тропин много раз добирался в Тулик, звал Лыковых на житье в Шорию. Твердо отказывался Карп Осипович. А теперь и Агафья решила не покидать место, где родилась.

Раньше листки от Агафьи приходили довольно часто. Теперь okazji будет немного.

РҮХ С ПІ ГАНІС ХТІ СІ БЖІ ПІОМІ
 ЛІН НАСЬ ДІМНІ ДОБРАГО ВАМЪ ЗДРО
 ВЪА ВАСІЛІЙ МІХАІЛОВІЧЬ ПОЛУЦІЛІ
 ШВАСЬ ПИСЬМО ВЕЛІКА БЛАГОДАРНАСЬ
 ВАМЪ ЗА СІЕ ПИСЬМО СІОБЩЕДІМЪ ВАМЪ
 ПОКА ЖІВЫ НОНЕОУСНЬ ЗДАРОВЫ ДІАЛ
 ЁШЕ КАКЪ БГЪ ВЕЛІТЬ ПОМАЛЕНЬКЪ
 ЖІВІМЪ РОШЬ ВЫЖАЛІ ГОРХЪ КАРТОШКЪ
 НІВСІ ВЫКАПАЛІ СНЕРМЪ ЗАВАЛІВА
 ЕРОФЕЙ С ПОМАГАВЪ Р ВОЛШО С ПАРСІХРНІ
 ТОСЪ ЗАПАДАРЬКІ НІСКІЙ ВАМЪ ОНАСЬ
 ПОКЛОУ ПІСАВА АГАФІА ОКТЄВРАТ
 ДНА ~~ВІСЕР~~ ВСІ БОТЪ

Время идет. Прежде
Лыковы определяли
время по солнцу: утро,
полдень, вечер. Сейчас
тикают в избе у Агафьи
часы. Не признавая цифр,
она заменила их буквами.
Но как проверить время,
если часы вдруг встали?
Когда появлялись люди —
все было просто. Теперь
же — опять по солнцу...

Совершенно одна... Побывала у родни, ездила поглядеть на монастырскую жизнь. Решила: лучшего места, чем тут, в таежном убежище, у нее нет. Причина такого упорства в наказе отца: «Нам с миром не можно», в привязанности к месту, где родилась, выросла. И, возможно, упорство питается еще мыслью о святости жизни «пустынницей»...
Таежный тупик!

Приложение: По материалам «Комсомольской Правды» разных лет ВЕСТИ ИЗ «ТУПИКА»

Вчера из Абакана пришло письмо начальника областного управления лесами Хакасии Николая Николаевича САВУШКИНА. Он сообщает: «...На днях удалось побывать у Агафьи. Но встреча была короткой – вертолетчики очень спешили, и я не смог уговорить их постоять на Усть-Эринате хотя бы минут двадцать. Агафья, пока мы таскали из вертолета груз, прибежала к лабазу, где хранятся запасы. Я успел спросить у нее лишь о здоровье. Выглядит она не очень хорошо, какая-то серая, утомленная. Пожаловалась, что плохо спит из-за боли в руках.

Привез я ей мешок пшеницы для каши и три куля комбикорма курам и козам. Оставил также немного яблок, лук, туесок с медом и белого петуха. В спешке не спросил, прижились ли привезенные летом куры. Но собака (Дружок) прижилась. Не отходила от нее ни на шаг, Агафья просила передать за все благодарность, за собачку – особо.

Ерофей охотится где-то в этих местах. Лицензия на отстрел для Агафьи лося или оленя у него на руках. Но она, как я понял, еще не реализована. Ерофей помог убрать тут с огорода картошку. Запасено 340 ведер, пятьдесят из них Агафья отсыпала геологам, которые остаются главной ее опорой в этом ужасающем одиночестве...

Зима у нас стоит терпимая. Но это пока что начало зимы»,

Снимок лето этого года.

Год публикации неизвестен. Похоже, до 1990-го, т.к. речь идет об описанных в книге событиях (прим. OCR)

Тигрий Георгиевич Дульсидт и Агафья. Знакомство с книжкой.

Староверы — Анисим Никонович ТРОПИН и Трефелей Панфилович ОРЛОВ.

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК: ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ(КП ОТ 01 ЮЛЯ 1994 Г.)

Во вчерашнем номере «Комсомолки» было подробно рассказано о посещении Тупика после нескольких месяцев полного отсутствия вестей оттуда. Рассказали мы, как жили, чем жили Агафья Лыкова и застрявший тут после зимнего промысла пушнины Ерофей Седов. Ничего драматического в таёжном уединении, слава богу, не произошло. Агафья, правда, сильно болела. Лечила свои простуды в «купели, сооруженной Ерофеем из бочки. Навестил весной «усадьбу» медведь. У охотничьей собаки Ерофея появился приплод. Кончились свечи у живших «на два дома» таежников, жилища освещались лучиной. Вовремя был обработан и вовремя зазеленел огород. Вот и все события монотонной жизни. Главным было ожидание, ожидание вертолета. И волнующей была встреча.

В хакасской тайге этим летом стоит небывалая для здешних мест жара. С Агафьей расстались мы на таежных горячих ключах, куда вертолетом ее доставили на лечение. Мы обещали показать снимки первых минут пребывания знатной таежницы «на водах». Вот эти снимки. На верхнем – момент шествия к вертолету возле горы, где приютилась «усадьба» Агафьи. Как видите, это в полном смысле хождение по водам.

А снимок справа сделан в момент, когда Агафья у горячих ключей идет к становищу, где ей предстоит прожить «дикарем» недели две-три. Слегка оглушенная вертолетом и сутолокой любопытных, именинница (этим летом Агафье исполняется пятьдесят лет) спешит уединиться и осмотреться, прийти в себя.

Горячие ключи на реке Абакан – это место, где из земли изливаются теплые (полагают, целебные) воды. Официальной лечебницы тут нет. Дикарями прилетают сюда, наняв в складчину вертолет, страдальцы из разных мест – лечить ревматизмы, радикулиты, простуды. Живут кто как – в палатках, в дощатых кабинах с нарами. Еду привозят с собой. Живут табором, со всеми привычками и издержками нынешнего бытия. Агафья уже была тут два раза и очень хотела после зимних болезней снова сюда попасть. И вот встреча таежной знаменитости с людьми «из мира». Любопытство взаимное. И мне с фотокамерой тоже было интересно запечатлеть контрасты очень жаркого летнего дня. Агафья ни за что не хотела сбросить свою выдавшую виды хламиду, а все остальные подставляли голое тело солнцу.

В. ПЕСКОВ Фото автора

Снимок справа внизу – необычный. Агафья позволила себя снять с человеком, пришедшим с Алтая пешком – поселиться возле нее. Зовут его Алексей Уткин. Возраст на пятнадцать лет моложе Агафьи. Бывал в Тупике, когда был жив отец Агафьи Карп Осипович. Неожиданный этот союз {увы, не первый) неизвестно чем может кончиться, но Агафья, уставшая от одиночества и по-прежнему не желающая присоединиться к родне, пришельцу рада – «будем жить, как брат и сестра» – и даже почти разрешила сфотографировать себя с подселенцем.

**ТАЕЖНЫЙ ТУПИК: АГАФЬЯ ЛЫКОВА ДОЛГО БУДЕТ ЖИТЬ(КП ОТ 25
ДЕКАБРЯ 1998 Г.)**

Что случилось со знаменитой отшельницей?

ВЧЕРА утром, зайдя в магазин, я был атакован вопросами и соболезнованиями: только что передали по радио – умерла Агафья Лыкова. В трамвае обсуждали эту же весть. В редакции подтвердили: «Звонил корреспондент из Кемерова, сообщил, что какой-то из охотников нашел ее мертвой». Мы приготовились к панихиде: разложили на столе фотографии таежного бытия, мне предстояло сказать посмертное слово в газете. Но неожиданно новый звонок из Кемерова: «Агафья, кажется, жива. Подробности знает администрация Таштагола».

Я немедленно позвонил главе администрации, давнему моему знакомому Владимиру Николаевичу Макуте. Как оказалось, печальная весть заставила его воспользоваться первой же возможной оказией и слетать в Тупик.

«Я только что вернулся. Агафья жива. В «усадьбе» нашел я двух женщин и девочку (дочь одной из зимовщиц). Самой Агафьи в избушке не было. Оказалось, она ушла (одна!) к старой избушке (десять километров в горах) за сеном для коз. Спрашиваю: «А что же вы?» – «Мы – малосильные...» Таковы ее соседи по жизни.

На вертолете до верхней избушки мы долетели за пять минут. И увидели таежницу у вязанки сена. Стали приземляться – Агафья упала на эту вязанку, боясь, что сено унесет ветер. Ну, мы немедленно ее – в вертолет. Напихали, сколько могли, сена. И через пять минут были уже в «усадьбе».

Слух о смерти возник по схеме «испорченного телефона»: какой-то охотник сказал другому, что видел Агафью мертвой, а тот передал родственникам Агафьи Лыковой. Весть дошла до Амана Тулеева в Кемерове, и он позвонил в Таштагол: «При первой же возможности побывайте на Еринате». Вот и вся история.

На здоровье Агафья, как всегда, жаловалась, но нелегкий поход за сеном говорит сам за себя. Двое ее «квартирантов» (мать с дочерью) попросили их взять в вертолет. Признались: таежная жизнь не по силам обеим. Зимовать с Агафьей осталась женщина ее возраста, пришедшая сюда «в поисках Бога». Оставили им продуктов. Вам Агафья передавала привет.

Вот так окончилась мгновенно разнесенная электронными средствами таежная весть. Мы облегченно вздохнули и сказали то, что принято говорить в этих случаях: долго будет жить Агафья.

В. ПЕСКОВ.

ПО МАТЕРИАЛАМ САЙТА WWW.KP.RU

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК (30 СЕНТЯБРЯ 2004)

Убежище Лыковых в Саянах – каньон верховий реки Абакан, по соседству с Тувою. Место труднодоступное, дикое – крутые горы, покрытые лесом, и между ними серебристая лента реки с бегущими к ней пенистыми притоками. Нелюдимость сих мест вовсе не означает пустыню. Этот таежный край сибирской тайги богат зверем, и тут хорошо все растет, благодатные кедрячи не тронуты человеком. Семья Лыковых без ошибки выбрала это место для скрытной жизни.

Два года не был я у Агафьи. Препятствие главное – вертолет. Мало эти машины летают –

дороги, не по карману ни лесникам, ни гидрологам, ни геологам, ни охотникам. Два года ждал случая. Когда он чуть замаячил, я прилетел в Таштагол – шахтерский городок в Кузбассе, тут готовился маршрут для полета, и местная власть нашла пару часов для меня. Но когда приготовились вылетать, испортилась вдруг погода. После гибели генерала Лебеда в этих краях «на воду дуют» – погода над горами должна быть надежно хорошей.

И вот после томительного ожидания летим. Вот снижаемся, уже видим сверху избушки. Но приземлиться на прежнем месте нельзя – река Еринат изменила русло, теперь с правого берега надо переходить реку вброд. Течение быстрое, глубина – выше колен, вода ледяная, но делать нечего, подтянув лямки поклажи и опираясь на длинные палки, бредем к стоящим на другом берегу Агафье и Ерофею. Они машут руками и что-то кричат, но советы их река глушит. Метров тридцать потока одолеваем с потерями – фотографа из Таштагола вода опрокинула вместе с камерами, оператор с телевидения тоже упал, поскользнувшись, но видеокамеру удержал над водой. Остальные, я в том числе, благополучно вылезаем на берег с тревожными мыслями о простуде – колени от холода как будто тисками сжало. Выливаем из ботинок воду, выкручиваем штаны. Забота главная – мало времени. Из двух отведенных часов пятнадцать минут ушло на переправу.

Как всегда, сначала – гостинцы (непременные свечи, лимоны, батарейки для фонаря) и вопрос о здоровье. Агафья ни на что не пожаловалась. Да и с виду как будто окрепла, выглядит загорелой. «Ну что, скоро юбилей отмечать будем?» Слово юбилей новое, Агафья не сразу понимает, о чем идет речь. А речь о том, что через год таежнице исполнится шестьдесят. «Ты тут молись, чтобы речка потекла бы по прежнему руслу, а мы явимся тебя поздравлять». Смущенно смеется: «Что Бог даст...»

Разговор о новостях в поселеньце идет на ходу: Агафья показывает избу, хозяйство, козла, собаку. Из дверей пулей улетает в тайгу озадаченный обильем людей диковатый, со сверкающими глазами кот. Я, не теряя времени, снимаю, и первый раз «фотомодель» нисколько не возражает – то ли привыкла к «снимальщикам», то ли дошло до нее: не напишут в газете – скоро и позабудут, а для нее сочувствие и внимание стали необходимостью.

Главное минувших двух лет – уход из «Тупика» Надежды. У Агафьи за двадцать два года нашей с ней дружбы побывало больше десятка разных людей. Неустроенность нынешней жизни побуждала искать убежище от невзгод тут, в тайге. Я всех отговаривал: «Ни в коем случае! Вы той жизни не выдержите». Кое-кто все-таки сюда добирался и, конечно, через неделю-другую рвался «домой». «В уме не утвержденные», – говорила Агафья, расставаясь с очередной богоискательницей. А москвичка Надежда Небукина, во многих сибирских местах побывавшая, тут задержалась на целых пять лет. Привыкла к тайге – охотилась, собирала кедровые шишки, ловила рыбу, доила коз, трудилась на огороде, приспособилась к скудности быта. Но в последнюю встречу Надежда и Агафья по очереди мне жаловались друг на друга. По-своему каждая была права, и я понял: разрыв близок. Случилось это летом в прошлом году.

Надежда, вернувшись в Москву, быстро утешилась – рядом мать, дочь, внучка, городские удобства. А для Агафьи уход Надежды был крайне болезненным. «Проснулась утром, а в избе у нее на столе бумажка. Каялась. Просила простить. А я была в горе. Я же её крестила. Матушкой она меня называла». Я робко пытаюсь объяснить обстоятельства: «Городской человек... Больная мать, дочь, внучка...» Все это Агафья пропускает мимо ушей, обнаруживая властный, непреклонный нрав Лыковых. «Нет, не можно так делать...»

Не сразу расспрашиваю о Ерофее. Его присутствие рядом, конечно, смягчает одиночество таежной затворницы. Но у Ерофея свои заботы. Судьба распорядилась так, что ему некуда было податься в раздрызганной нынешней жизни – потерял работу, семью, жилище, лишился ноги. Мыслил тут, в удаленности от людей, разводить пчел и как-то кормиться. Но не всё рассчитал – пчелы, доставленные сюда, погибли, холодновата для них здешняя горная высота. Пустой улей возле избы Ерофея стоит памятником несбывшимся мечтаниям.

Ерофей изменился – выглядит «на трех ногах» одичавшим. Высказал мне обиду, что в прошлом рассказе о здешней жизни я сравнил его бороду с бородой Карла Маркса. «Какой еще Маркс – я крещеный!»

Крестила Ерофея Агафья, но родство в вере, чувствую, не очень способствует климату отношений. Живут двумя «хуторами». Ерофей – в срубчике у реки, Агафья – вверху на бугре.

Каждый печет свой хлеб, варит свою кашу. Кое-чем делятся. Заготовка дров – нелегкая доля медведеподобного сибиряка в общих с Агафьей житейских заботах. «Пиши аккуратнo, пусть не подумают, что мы с Агафьей тут обвенчались. У каждого – свой крест».

Жизнь сложна. Сына от первого брака Ерофей почти что не знал, души не чаял в дочках, рожденных второю женой. Что вышло? Дочки как будто и не знают о существовании отца, а сын Николай оказался человеком добрым, умным, понимающим, в каком положении оказался отец, помогает ему чем может. Это очень непросто при крайней сложности доставить сюда какой-либо груз. Но Николай ухитряется. Установил в тайге тут рацию и раз в неделю выходит с отцом из Таштагола на связь. Ерофей с Агафьей узнали по этой связи, что мы прилетим. Я определил это по невиданным ранее половичкам в хижине у Агафьи, по обновкам, надетым к случаю. Любознательность Агафьи, конечно, коснулась радиотехники: «У нас тут недавно антенна упала, но к связи наладили...»

Ах, как мало двух часов для свиданья! Надо же посмотреть живое хозяйство Агафьи. На огороде выросло все этим летом неплохо, а в тайге – хороший урожай кедровых орехов. «Жду тушкена (название ветра). Набьет шишек – пойду собирать. С Надей-то это у нас хорошо получалось... А о том, что я рыбу ловлю, не пиши – тут теперь заповедник», – вдруг спохватилась Агафья. Я, не уполномоченный это делать, все же сказал, что рыбу она может ловить, как ловила всегда, заповедник от этого не пострадает и никто за это упрекнуть её не посмеет. Агафья поглядела на меня с благодарностью: «Мяса нет, да и обет я дала не есть мяса, а рыбки-то хоть маленько поймать бы надо...»

У Агафьи, сужу по письмам в газету, много милосердных друзей. Двадцать два года прошло с лета публикации первых очерков о Лыковых, но до сих пор приходят Агафье посылки (с которыми я не знаю, что делать) и письма с вопросами: как живет, как здоровье, что нового? Без «мирской» помощи Агафья выжить бы не могла, и люди много сделали для таежницы. Есть имена, которые я хотел бы назвать, и в первую очередь имя моего друга и земляка-воронежца Николая Николаевича Савушкина. Он работал в Хакасии главой управления лесами. Почти всё, что построено для Агафьи, – дело его забот. Мне отрадно было узнать, что Агафья всё это помнит, печалится о том, что Николай Николаевич по болезни уже не может к ней прилетать.

С детской гордостью Агафья рассказала мне, что печется о ней побывавший тут Аман Тулеев. И столь же заботливым, как Николай Николаевич Савушкин, стал для нее глава таштагольской власти Владимир Николаевич Макута. «Хороший человек, заботливый, не заносчивый. Лишнего я не прошу, но если что надо – говорю об этом ему без стеснений».

С Владимиром Николаевичем мы перезванивались – от него получал я вести из «Тупика». На этот раз вместе сюда прилетели, вместе форсировали речку, и гостинцы наши были сложены в одну кучу.

Родственники из Килинска прислали подарки, дожидавшиеся вертолета полгода: сухой творог и трехлитровую банку меда. Лет пятнадцать назад такую же банку с медом от меня Агафья не приняла: «В стеклянной посуде-то не можно». На этот раз подарок в такой же посуде был принят без всяких сомнений...

За рекой послышался рев запущенных двигателей вертолета – по регламенту времени надо без промедления улетать. Агафья по дорожке с пригорка спустилась с нами к реке. Сокрушенно качала головой, глядя, как мы, вооруженные кольями, противимся напору воды.

Тайгу еще не тронула желтизна. Из хижины у воды вился синий дымок – Ерофей готовил что-то к обеду с сыном. Оба они вышли на берег помахать нам руками (сын оставался тут на неделю, чтобы потом спуститься вниз по реке на привезенной ранее лодке). А Агафья что-то кричала в напутствие нам, но шум воды и моторов голос ее заглушали.

Подъем. На секунду-другую мелькнули хижины на пригорке, картофельные борозды и фигурка Агафьи внизу на белесых речных камнях... Агафья в 1945 году родилась как раз в этом месте. Горы с тех пор не переменялись. И река течет, как текла шестьдесят лет назад. Природа здешняя величава и равнодушна к жизни людей, к их страстям и заботам. Развернувшись и набирая высоту, мы на мгновение снова видим «жилое место». Но вот уже ни избушки, ни одиноко стоящего у реки человека не видно. Летим над тайгой, где ни дымка, ни следа людского нет.

«Медведи одолевают», – не раз сокрушалась Агафья. Медведи в этих краях

многочисленны. Однажды, пролетая в «Тупик» во время медвежьих свадеб, мы насчитали в горных лугах двенадцать зверей. Поселенье Агафьи с запахом дыма, собачьим лаем и козьим запахом будоражит любопытство медведей. Агафья часто их видит то у реки, то в конце огорода у края тайги. Был случай, медведь попытался разрыть могилу отца в двадцати шагах от избушки. Боязнь медведей заставляет Агафью держать наготове ружье, и повсюду в «усадьбе» развешаны «пужала» – красные тряпки, худые кастрюли, бидончики, громыхающие, если дернуть с порога веревку. Пока что техника эта медведей если и не пугает, то озадачивает – в «усадьбу» они не вторгаются.

На снимке – изба Агафьи, «храмина», сказал бы покойный Карп Осипович. Вся семья Лыковых ютилась в хижине, стоявшей на этом месте. Остатки изначальной избушки служат сейчас приютом для коз. Я попросил однажды Агафью нарисовать на бумаге части ее хозяйства. Неожиданно она успешно справилась с неведомой раньше задачей. В первую очередь нарисовала избу, печку в ней, потом все по порядку. Сказала, возвращая мне карандаш: «Баловство, а какая-то благодать в ём есть».

У Лыковых не было никаких домашних животных. Диких они приручать не пытались. При встрече с геологами сразу попросили привезти им кошек – приструнить бурундуков, разорявших посева ржи и конопли. Позже появилась у них собачка, потом привез я им коз. Сейчас есть еще куры. Агафья вполне освоила животноводство.

Род Лыковых на Агафье прервется. Она была свидетелем смерти матери, потом сестры и двух братьев. Могилы всех – в разных местах. Агафья изредка их навещает. Лишь крест над могилой отца постоянно у нее на глазах, напоминает: была когда-то семья, в которой Агафья росла младшим ребенком.

* * *

В деревне Килинск навестил я родичей Лыковых – староверов того же толка (секты). Килинские бородачи жили и живут справно – в каждом дворе одна-две коровы, лошадь, свиньи, утки и куры. Нынешний раздрай бытия этих людей не коснулся, живут, как жили – сплоченно, в вере и трудолюбии. Лишь старики огорчаются: молодежь не хочет быть бородачой.

Василий ПЕСКОВ

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК: АГАФЬЕ ЛЫКОВОЙ 60 ЛЕТ! (06 ИЮЛЯ 2005) ЮБИЛЕЙНАЯ ВСТРЕЧА

Улетали из Абакана при жаре в 36 градусов. Иллюминатор у вертолета был всё время открыт. Я глядел вниз и ловил себя на том, что многое в горном пейзаже сейчас узнаю: вот вершина с шапочкой снега, зеленоватая излучина Абакана, таежная гарь, голубая вода озера, в которое собираются талые воды, островки на реке...

А вот и то, чего ранее не было. Вертолет ведут братья Аткинины: первый пилот – Петр, второй – Николай. Оба – хакасцы, дети чабана из аала Чарков. Оба – пилоты с маленьких, не летающих теперь самолетов. Когда авиационное предприятие в Абакане распалось, они, заняв денег, отважились купить вертолет и вот уже несколько лет являются единственными в этом краю перевозчиками. Петр показывает мне рукой посмотреть вниз – снижаемся на речную каменную дрьсью. Из тайги рядом тянется кверху синий дымок. Это кордон нового в этих краях заповедника «Лыковская заимка». Приятно видеть добротные срубы избы, бани, сарая. На костре перед домом булькает в закопченном ведерке уха. Нас ждали. Но мешкать нельзя. Быстро сгружаем продукты, доски для лесников и, получив в подарок ведерко только что пойманных хариусов, поднимаемся – с заповедной границы до жилища Агафьи лёта – десять минут.

Как и в прошлом году, река преграждает нам путь к жилищу. Надо опять переходить её вброд. Но в этот раз не спешим. Агафья, помахав нам рукой, убегает и возвращается с шестью парами резиновых сапог...

В каждый прилёт сюда испытываю чувство, что в жилой этой точке ничто не меняется. Радостно лает, предчувствуя получить кусочек колбаски, собака. Вопросительно смотрят на

прилетевших людей три козленка, шныряет туда-сюда одичавшая кошка.

И сама Агафья разговор начинает так, будто только вчера расстались. Главная тема – здоровье. Оно неважное у страдалицы. С подробностями, характерными для всех жалобщиков, рассказывает, что где болит. На этот раз обращает внимание на руки. От постоянной работы ладони в трещинах, – «Мажу сметаной, но пальцы почти не гнутся». От увлечения таблетками Агафья отказалась – показывает нам пучки трав, называет какой-то «копеечник» и «манжетку», якобы лечащие все болезни.

С раздачей гостинцев, подарков и поздравлением с юбилеем (Агафье в этом году шестьдесят) разговор изменяется. Среди всего привезенного таёжнику, как ребенка, порадовал добротный зонтик. И (невиданно!) попросила Агафья с этой необычной для тайги вещью её сфотографировать в компании с одним из трех наблюдавших за хозяйкой козлят.

* * *

Боясь, что дождь вот-вот может накрыть тайгу, я настоял фотографией в первую очередь и заняться. Обычного возражения не последовало. Агафья пожелала принарядиться, и на полчаса «усадебка» её превратилась в ателье, где хозяйка выступала «фотомodelью». Попросила в конце суеты снять её поливающей грядки моркови – очень уж нравится огороднице подаренная кем-то сияющая белой жестью лейка.

Потом присели, и разговор перешел на большую для Агафьи тему – исход в позапрошлом лето прожившей пять лет тут «послушницы» – москвички Надежды. Уход, походивший на бегство, глубоко ранил Агафью. Мне переслала она письмо, полученное из Москвы, где бывшая сожительница её, не стесняясь выбором слов, крестила Агафью множеством разных упреков. На этой «ноте» Агафья начертала столь же сердитую резолюцию и наказала людям, переславшим ко мне письмо: «Надежде привета не передавать!» Обида её с течением времени обросла рядом немислимых обвинений: «Кошек она извела, и козы попорчены... Я в избу её не заглядываю». Действительно, в избе Надежды, вполне утешившейся в Москве, всё осталось, как было: засохшие цветы в кружке, занавески над полками, половички.

Мы, как могли, постарались таежную затворницу успокоить: «Что было, того не вернешь». Но к печали душевной примешивались и житейские трудности. Вдвоем легче было управляться на огороде, ухаживать за козами, курами, ловить рыбу. Теперь на всё это сил уже не хватает, и, Агафья хорошо понимает, будут они убывать...

* * *

Еще забота – медведица. Уже несколько лет она навещает местечко, где стоят у Агафьи рыболовные снасти. Однажды отведав рыбы, медведица злится, что теперь её не находит, – ворочает снасти, в прошлую осень порвала сеть. Причина, правда, была не в рыбе. В сеть попал «водяной воробей» – птичка оляпка, и зверь, почуяв её, решил завладеть крошечной этой добычей.

Тут же, вблизи за речкой, медведица задавила какого-то крупного зверя: «Две недели вились над тайгой и опускались вниз вороны – видно, делили еду с медведицей». Всё это заставляло Агафью на рыбном месте жечь ночью костры и время от времени стрелять в темноту из ружья.

Домашняя живность тут прежняя – куры, козы, кошки. Бывающего тут инспектора по охране природы Николая Николаевича Кузнецова Агафья попросила привезти кобелька – «такого, чтоб мало ел и не боялся медведей». Кобелька Николай Николаевич привез и сказал, что кличут его Протоном. Агафья изумилась: «Но „Протон“ – это ж ракета!» – «Ну и что ж, хорошая кличка и для собаки». Из кобелька вырос лохматый пес, не страдающий аппетитом, но смертельно боящийся медведей. Почует издали – и сразу к хозяйке под ноги. Но какие преданные глаза у Протоши! И как он хочет колбаски, связывая существование вкусной этой еды с прилетом сюда гостей...

* * *

В избе у Агафьи сохранился перенятый у Надежды подарок. «Ковер...» – обратила хозяйка мое внимание на кошму, расстеленную посреди хижины. И гостеприимно положила на ковер две привезенные кем-то деревенские тканые дорожки. По ним с удовольствием стали бегать три пестрых котенка. У двери сидела флегматичная их родительница. «Ленивая... – ворчливо сказала о кошке Агафья. – Мыши бегают, а она и усом не поведет, и котят не учит ловить».

По-прежнему живущего тут Ерофея я навестил в избушке его, стоящей внизу у реки. Обросший, как каторжанин, но еще крепкий мужик свой хлеб тут отрабатывает заготовкою дров. С Агафьей, дал понять, проживают недружно. «Хоть завтра улетел бы отсюда, но куда?» Надежды на перемены в жизни он связывает с покупкой где-нибудь деревенского дома: «Копим с сыном деньжата. Я в кубышку кладу свою пенсию, а он кое-что отсыпает от заработка».

К вечеру пошел дождь. Прилетевшие со мной спутники разбрелись по избушкам «дегустировать пиво», а мы с Агафьей зажгли в плошке свечку, чтобы спокойной беседой отметить шестидесятилетие жизни в тайге, на том самом месте, где в 1945 году она родилась.

РАЗГОВОР У СВЕЧИ

Свеча горит медленно. И всё же за тихой беседой сожгли мы две, просидев друг против друга далеко за полночь. Зная манеру собеседницы говорить о чем-нибудь долго, пространно, я попросил ее сказать коротко о самых памятных днях жизни в тайге. А утром мы принялись за рисунки. Агафья работала с увлечением.

– У всех есть какое-нибудь воспоминанье из самого раннего детства...

– Я помню: возле избы собирала граблями сухие веточки и пучками бросала в костер. Одна ветка с огнем упала на ногу. Помню, кто-то качал меня на руках, а я редела. Мама сказала, что было мне тогда три годика.

– Помнишь и какое-нибудь позднее происшествие?

– С братом Совином пошли орешить. Надо было сказать дома, что заночуем в тайге. А мы сказали: вечером непременно вернемся. Но припозднились и заблудились в тайге. Как нашли избу, не ведаю. А была я босая, ноги избила и думала, что погибнем. Но Совин вывел к избушке. В окошко увидела: мама стоит на коленях и молится, и тятя был вне себя, думали, что мы с Совином погибли – тут же прорва медведей. Мне было в то лето двенадцать годов.

– А бывали случаи – столкнулись с медведем?

– Всегда их боялись. Один отведал висевшей на стенке сушеной рыбы и опять появился. Наталья при месяце мыла ноги в ручье, обернулась, а он – у двери, прямо за спиной у неё. Сестра пронзительно завизжала, и зверь убежал. Но испуганная обезножела и больше недели не поднималась с постели. И еще был случай, мне рассказывали: медведь раскопал могилу и сожрал тятиного брата Евдокима.

– Вспомни, какой день у семьи был радостным.

– Это когда тятя прибежал с реки и стал рассказывать, как палкой убил марала. Марал застрял в снегу возле скалы, и тятя на него набросился. Бил, бил, а потом заколол... Ну все мы были рады, считали, что бог марала послал: и еда, и из кожи – обувка.

– А день печальный...

– Это когда умерла мама. Было это 5 февраля. На шестидесятом году умерла. Считаю, от голода прибралась. Был неурожай всего – бог знает что ели. Мама от забот всяких и от голода слегла и подняться уже не смогла. Последние слова её были: «Живите дружно... Ройте ловчие ямы – без мяса не выжить. И обувку из шкур сошьете». Я читала молитвы у ее домовины и год потом, как вспомню, – плачу.

– Кого в семье, помимо матери, ты любила?

– Митя был всеми любимым. Тятя говорил: «Золотой человек – добрый, спокойный...» Мне Митя всё, что заметит в лесу интересное, обязательно показывал. Вместе видели, как прочно сидит на гнезде мамочка рябчиков. Протянешь руку над ней – сидит. Улетит, если тронешь...

– Хранится ли у тебя сейчас что-нибудь на память о близких людях?

– На память о маме и тятя храню этот вот коврик. А о сестре как память берегу старый

холст. Она в больших стараниях его ткала после маминой смерти. А о Мите вот в этой книжке, погляди-ка, хранится у меня крылышко рябчика. Это он мне его подарил – отмечать места в книге, где её надо открыть.

– *Вокруг вас в тайге много было всяких зверей и птиц. Кого из них ты больше всего любила?*

– Маралов. (Смеется.) Когда попадались в ловчую яму...

– *А не припомнишь ли день каких-нибудь не опасных, но больших забот для семьи?*

– Однажды мы потеряли счет дням и всполошились: когда праздники, когда будни? Стали всё вспоминать. У меня память была хорошая, и я поставила всё на место.

– *А какое у нас число сегодня?*

– По мирскому – 24 июня. А от Адамова лета – 11 июня 7513 года.

– *Какое событие взволновало семью вашу до встречи с геологами?*

– Один раз тятя и Дмитрий ловили рыбу, и их увидели люди с лодки. Откуда они взялись, мы не знали, и все испугались: что теперь будет? А в другой раз низко, так, что сажа из трубы сыпалась, пролетал над заимкой двухэтажный (двукрылый) самолет. Мы испугались, попрятались в кедраче, но всё прошло без последствий. К нам никто не явился.

– *Ну а когда люди появились в 1979 году...*

– Тятя-то первый увидел и заговорил, кто мы, откуда. А мы с Натальей так испугались, что заголосили. Но всё обернулось радостью. Уже вечером сидели с геологами у костра – они нас расспрашивали, и мы их.

– *С того дня живешь уже 26-й год. Многих людей из мира узнала. Как ты считаешь, хорошо, что люди вас «нашли», или лучше бы жить, как жили?*

– Мы сразу решили: людей послал нам Бог. Какая была наша жизнь – обносились, все лопотинки в заплатках. Страшно вспомнить, ели траву, кору. Поумирали бы все, и никто не узнал бы, что жили. А люди много добра нам сделали. И никто ничем не обидел, только помогали. А когда ты написал в газете – нас с тятенькой завалили всякими дареньями: посудой, одеждой, обувкой, разной справаю для хозяйства.

– *Что для вас поначалу было самым ценным в этих подарках?*

– Соль! Попробовали солёную еду и уже ничего непосоленного хлебать не могли.

Рисунки Агафьи:

– *Вы часто стали бывать у геологов. Что вас там особенно поразило, удивило?*

– Ну разве можно обо всем рассказать. Мы с Митей, помню, стояли, разинув рот, у

лесопилки. Бревно само лезет под зубья. И сразу получаются доски – гладкие, ровные. Мы-то всё топором вытёсывали...

– *А самолеты, вертолеты, телевизор, лодка с мотором...*

– Дык тоже всё было как в сказке... Но телевизор-то – дело греховное. А вертолет... Сейчас вижу: славно люди измыслили. Что без него в тайге делать? Кто бы ко мне добрался сюда?

– *А не страшно летать?*

– Страшно. Но уж привыкла. И все ведь летают. Тебе не страшно?

– *Видишь, как много люди всего придумали, пока Лыковы жили в тайге. А ты сама у людей за последние годы чему-нибудь научилась?*

– Ну чему?.. Читать и писать мама учила. Разные дела иголкой, ножом, топором знаю с детства. Всё своими руками – даже печь вот сложила. Но об одном деле все-таки надо сказать. Научилась печь настоящий хлеб. Гляди вот – не стыдно и тебя угостить.

– *Я посмотрел: весь чердак завален разного рода дареньями. А что из всего оказалось для тебя самым нужным?*

– Самым нужным... Резиновые сапоги, посуда, топоры, свечи, фонарики, батарейки. И часы! Так хорошо чикают и даже разбудить могут.

– *А еда... Ты помнишь, как мы учились с тобою козу доить?*

– Как не помнить! (Смеется.) Я ведь первый раз видела тогда коз. Хорошо, что ты их привез. Молоко поставило меня на ноги. Больше всего молока тогда не хватало. Ну и куры нужными оказались, и кошки...

– *Какая работа для тебя сейчас самая трудная?*

– На полив воду из реки в гору таскать.

– *А самая приятная?*

– Перед молитвой ночью читать «Новозыбковский календарь» – узнавать про жите разных благочестивых людей.

– *О ком читала в последний раз?*

– Об Иоанне Златоусте.

– *А как ты смотришь на жизнь Ерофея?*

– С сочувствием, хотя иногда мы и поругиваемся. Тяжкая у него судьба. Всё потерял: семью, работу, избу, ногу... Тяжело ему и тут, на Еринате. Дрова готовить и с двумя ногами – дело нелегкое. А он – с одной...

– *Кедр, какой тут рядом стоит и под которым ты родилась... Сколько, думаешь, ему лет?*

– Да раза в три он старше меня.

– *Значит, когда родилась, это было уже огромное дерево. Но ведь когда-нибудь оно упадет. Всякая жизнь, как эта вот свечка, сгорает и потухает. Ты иногда думаешь об этом?*

– Как не думать. Думаю часто. Даже зверю жизнь мила, дорога...

– *Смерти боишься?*

– Не знаю, как и сказать. Думаю, смерть страшна всем. Но человека спасают мысли о другой жизни, когда все умершие воскреснут.

– *Но если человека сожрал медведь, какое же воскрешенье?*

– О! С Божией помощью всё опять соединится...

– *С болезнями тебе одной будет тут жить всё труднее. Может, все-таки к родственникам в Килинск?..*

– Нет, Василий. Ехать туда – это ехать за смертью. Никому я там не нужна. И мне тоже всё там чужое. Лучшего места, чем тут, для меня нет. Всё дорого: и эта гора – вижу её каждый день из окошка, и шумная днем и ночью река, и запахи, таких нигде больше нет. Выйду глянуть, как солнце садится, – сердце от радости замирает. Это мой рай на земле.

В конце «философской» части этой беседы мы помолчали. Агафья взяла будильник: «Чикает... Скоро она полетит...» Ракета «Протон» с Байконура пролетела точно минута в минуту. За облаками в вышине слышен был негромкий хлопок. Это взорвалась отделившаяся вторая ступень ракеты.

Василий ПЕСКОВ

Фото автора.

ТАЁЖНЫЙ ТУПИК(06 ИЮЛЯ 2006)

В позапрошлом году Еринат переходили мы вброд. Это было непросто даже для людей опытных. В этом году река вскрылась поздно, половодье на ней было бурным – Еринат вернулся в прежнее русло, вода неслась с бешеной скоростью, катила камни, подмывала деревья по берегам. О переправе вброд нечего было и думать. Вертолет сел на каменный островок, и мы, почти не замочив ног, перебежали к ожидавшим на берегу нас трем людям: Агафье, Ерофею и незнакомому парню, как оказалось, три дня назад пришедшему сюда, одолев по тайге сто пятьдесят километров.

В то утро на Байконуре ракету «Протон» с важным космическим грузом провожали Путин и Назарбаев. Через восемь с половиной минут после старта ракета прошла над хозяйством Агафьи, сбросив отработавшую своё вторую ступень. Летчики и специалисты природнадзора полетели по точкам собирать образцы растений и грунта, на которых могли остаться следы ракетного ядовитого топлива. (Попутно скажем: этот многолетний контроль пока никаких результатов не дал – с высоты в тридцать километров, как и просчитывали специалисты, частицы топлива второй ступени в атмосфере, видимо, «растворяются».)

* * *

Мы прилетели утром, а вечером должны были вернуться в Саяногорск и спешили живущих на Еринате обо всем, что было тут с прошлого лета, как следует расспросить.

Как всегда, какое-то время заняла переноска в гору гостинцев и упаковок с продуктами, которые из Абакана сопровождал Анатолий Мордакин. Запас этот сделали загодя на пенсионные деньги Агафьи работники лесного хозяйства Вера Алексеевна Зайцева и Николай Николаевич Савушкин. Николай Николаевич ранее непременно сам прилетал, по-хозяйски определяя нужды Агафьи. Но болезнь теперь мешает ему летать, и он лишь письмо с приветами приложил с грузу.

После разгрузки и первых приветствий начались расспросы о новостях и о всём, чем жили таёжники.

Жизнь текла тут медленней, чем течет Еринат. Все новости связаны с тем, что приносит к приюту людей тайга. Событием главным был приход в апреле (сразу после берлоги) медведя. Голод привел его ночью прямо во двор к избушкам. «Все грядки, проклятый, поистоптал», – сокрушалась Агафья, показывая, как близко от избы ходил зверь. Интересовали голодного медведя козы. Больше всего наследил он около их загона, но вломиться в закрытую дверь не решился. Напуганная Агафья после той ночи везде поразвесила красные тряпки-«пужала» и наготове держит ружьё, чтобы вовремя «дать выстрел».

Зимой забредала сюда любопытная, ни на что не покушавшаяся рысь. Видели тут однажды и росомуху, живущую выше леса близко к гольцам. Прямо к оконному стеклу избушки, где живет Ерофей, прибежал соболь, а однажды к тому же месту близко подошла маралуха. Бывалый охотник схватил ружьё, но стрелять, однако, не стал – «во-первых, тут теперь заповедник, во-вторых, в день Пасхи не хотелось проливать кровь». В пик половодья по Еринату несло и какого-то зверя – не то лося, не то марала, «а может, корягу – в сумерках не разглядели».

В капкан, поставленный на вредную норку, попал панически оравший кот, и в такой же капкан угодил пёс Протон. Кот оклемался, а Протон неожиданно окошел. Агафья уверена: от какой-то болезни, а Ерофей мрачно бросил: «Кормить надо было как следует – на картошке да на перловке кто угодно ноги протянет». Но Агафья держалась своих наблюдений: болел. И, боясь заразы, собаку сожгла. Теперь в хозяйстве её пять коз, одиннадцать кур и избыточно много – семь полудиких кошек.

* * *

Время показало – самой нужной «скотиной» оказались тут козы. К молоку Агафья привыкла, но готовить сено на пять голов и негде, и сил уже нет. «Раньше, бывало, и днём, и ночью готова была работать, теперь же ночь не посплю – днём ни к чему не пригодна».

По-прежнему Агафья упрекает жившую тут пять лет «прихожанку» Надежду. Считает, что удалившись «в свою Москву», она её предала. Одной Агафье живётся трудно: огород, заботы о сене для коз, дрова, ловля рыбы... В шестьдесят с лишним лет эти дела изнуряют. С Ерофеем союза нет. Живут не то что недружно – почти враждебно. Агафья временами ему пеняет: «Пошто со мной не говоришь?» Ерофей же, считая ненужным затевать ссору, махнёт рукой и запрётся в своей избе. По-прежнему забота его – заготовка дров. Но какво это делать зимой человеку с одной ногой, таскающему поленья к жилью в мешке. «Я тут временный!» Снабжает Ерофея харчами сын, а пенсию отец откладывает, чтобы купить где-нибудь в деревеньке избу. Агафья же таёжное своё пристанище покидать не желает. Да и куда податься? Молодому поколению родни она почти что чужая, и самой житьё «в миру» в тягость. «Тут и умру», – как-то сказала мне в ночном разговоре.

Вот почему она обрадовалась появлению тут человека, пешком одолевшего сто пятьдесят километров таёжных дебрей.

– Родион Побойкин, – представился он. И я с большим любопытством выслушал рассказ 28-летнего человека о таёжной его одиссее.

К староверчеству Родион отношения не имеет. Работал в городе пекарем, потом строителем. Увлёкся походами по тайге. И вот решил «проверить себя в путешествии одиночном». Вышел 31 мая с рюкзаком весом в тридцать пять килограммов. Соль, спички, нож, компас, карта. Еда: рис, вяленое мясо, крупа, хлеб, масло, мёд были в его поклаже.

– Очень ведь рисковали...

– Да, не один раз пожалел, что затеял этот поход. На десятый день буквально выл в одном особо непроходимом месте: «Ну зачем я иду! Разве это мне обязательно нужно?!» Но взял себя в руки и вот дошел.

– Опасности были?

– А как же. С медведем столкнулся. Вот так же был от меня, как вы сидите. Минуты четыре топтался, приняхивался, снизу наискосок поглядывал на меня. Я испугался, конечно, но, слава Богу, не побежал, и медведь скрылся. Другая опасность – река. О том, что жильё уже близко, я догадался по старым ловчим ямам и по следам топора на деревьях, сделанным Лыковыми. И вышел к реке. Увидел и ужаснулся течению. Но нечего делать, решился Еринат переплыть. Одолел, но едва не разбился о скалы. Вечером у костра обсушился, а утром был уже тут.

Путешественник выглядел исхудавшим, измученным. Все со мной прилетевшие зашептались: «Какой-то непутёвый авантюрист, что тут ему нужно?» Но Агафья была приветливой и, видимо, уже прикинула, что странник её не объест, а работа ему найдётся.

После беседы о новостях обошли мы с Агафьей её «усадыбу». На всём лежала печать неухоженности – огород был вскопан только на четверть, в кучи свалено всё, что привозили сюда в подарок. Не было креста на могиле Карпа Осиповича. «Сгнил. А новый поставить часа не нахожу», – объясняла Агафья, грустно потупившись. Козы, до которых медведь не добрался, с надеждой, что их покормят, упирались рогами в оконце.

Занимал Агафью привезённый мною бинокль. С любопытством разглядывали мы склоны гор за рекой. На тёмном фоне кедров и елей свежей зеленью выделялись косички берёз. В одном месте крутого склона серой полосой тянулся вниз след старого камнепада, а выше и влево где-то скрывалась избушка, в которой Лыковы тайно жили тридцать два года.

– Что там сейчас?

– Не ведаю. Последний раз была там два года назад. Огород зарос берёзами толщиной уже в руку. В избу, по следам было видно, забегал соболь. Разные другие звери безбоязненно ходят рядом с избой. Кабаргу сама видела. Всё тайга постепенно съедает...

На том месте, где обретается сейчас Агафья, почти ничего от прежней жизни семьи не осталось. Я видел лишь берестяные туески, старинный коврик – подарок Агафье матерью, да какую-то вышивку сестры Натальи. Всё остальное – пришло «из мира»: резиновые сапоги, свечи, вёдра, кастрюли, одежда, бочки, часы, мотки проволоки, инструменты... Особняком раньше стояла избушка почти сказочной малости, только без курьих ножек. Под её крышей в 45-м году Агафья родилась. Потом изба более тридцати лет пустовала. Какой-то охотник позже, разобрав её и опилив сгнившие по углам брёвна, сделал себе зимовьё, крошечное и продуваемое ветрами. Всё же Карп Осипович с дочерью решились сюда перебраться – очень уж нравилось Лыковым это местечко на солнечном склоне горы.

«Они же замёрзнут в этом жилище!» – позвонил мне Николай Николаевич Савушкин из Абакана. Когда я тут появился, уже стучали всю топоры, и к холодам ребята – лесные пожарные – соорудили избу крепкую и просторную. «Храмина! – гладил брёвна старик. – Жить бы да жить!» Но недолго пришлось ему радоваться. Вскорости заболел и умер, оставив Агафье в наследство всё, что удалось переправить сюда из убежища на горе. Я успел тогда снять на плёнку всё, чем пользовались Лыковы в таёжном своём хозяйстве. И теперь вот, порывшись в фотоархиве, обнаружил я снимки вещей, какие редко теперь увидишь: сапоги-бродни, старые лыжи, подбитые камусом, всякого рода посуда из бересты, примитивная прялка времён царя

Петра Первого, светец для лучины, мотыги, источенные ножи, нательный крест с резными письменами по кедровой древесине...

* * *

Последним «памятником старины» в нынешней «усадьбе» была уже описанная избушка. Но в этот раз реликвию, приспособленную для житья коз, я не увидел. Коз Агафья переселила в свежий небольшой сруб, а избёнка пошла на дрова...

С Агафьей мы вспомнили кое-что из прежней их жизни. И в блокнот мне, как обычно, сделала с десяток своих рисунков.

* * *

Таково течение жизни у Ерината. Ерофей раз в неделю по маленькой рации связывается с сыном и ждёт часа, когда сможет покинуть это ставшее немилым ему местечко. А Агафья рада тому, что кто-то к ней сюда прилетает, кто-то прошёл по тайге. Что будет дальше? Об этом она, разумеется, думает. Но ответа на этот вопрос не знает – «Что Бог даст...» В суматохе прощанья у вертолётца мы лишь посулили её не забыть и чем можем помочь.

Фото автора.